

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЕПРИНЦЕВА Юлия Николаевна

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ФРАНЦУЗСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
СОСТОЯНИЕ СУБЪЕКТА

Специальность 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Полянчук О.Б.

Воронеж 2025

Содержание

Введение.....	6
Глава I. Основные теоретические положения исследования.....	17
I.1. Фразеология и аспекты ее исследования.....	17
I.2. Особенности французских фразеологизмов.....	29
I.3. Понятие фразеологического значения.....	32
I.4. Процесс фразеологизации как отражение динамики языка.....	37
I.4.1. Когнитивные основы фразеологии.....	41
I.4.2. Особенности фразеологизации и основные характеристики ее этапов.....	47
I.4.3. Композиционная семантика как составляющая когнитивной лингвистики и ее специфические черты в аспекте фразеологии.....	51
I.4.4. Инструменты фразеологизации: метафора и сравнение.....	60
I.4.5. Связь ментальных и вербальных механизмов фразеологизации.....	64
Выводы по I главе.....	70
Глава II. Особенности фразеологических единиц, обозначающих положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта в статическом аспекте исследования.....	74
II.1. Классификация фразеологических единиц по семантическому критерию.....	75
II.2. Содержание концепта «эмоциональное состояние субъекта».....	80
II.3. Лексико-семантическое поле «эмоциональное состояние субъекта».....	84
II.4. Фразеологизация на базе лексем, обозначающих в свободном употреблении эмоциональное состояние субъекта	

(Ф1).....	95
II.4.1. Фразеологизация на базе исходных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние человека, приводящая к образованию фразеологических единств.....	95
II.4.1.1. Соотношение базового компонента и формирующей части в составе лексико-семантических микрополей «эмоциональное состояние субъекта»	98
II.4.1.2. Фразеологизация на базе исходных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта, сопровождающаяся повышением степени аффективности фразеолексы.....	101
II.4.2. Фразеологизация на базе производных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта (Ф1).....	107
II.4.3. Фразеологизация на базе производных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта без маркированности «эмоциональное состояние» в исходном значении (Ф2).....	110
II.4.4. Соотношение базового компонента и формирующей части фразеологического единства в составе лексико-семантических микрополей «эмоциональное состояние субъекта» на базе производных значений лексем.....	114
Выводы по II главе	116
Глава III. Особенности фразеологических единиц, обозначающих положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта в динамическом аспекте исследования.....	120
III.1. Фразеосемантическая деривация на основе фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта».....	121
III.1.1. Локальная соотнесенность ядерной семы модели фразеологизации.....	122
III.1.1.1. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с базовым	

компонентом.....	123
III.1.1.2. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с формирующей частью.....	126
III.1.1.3. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с семей-компонентом, отражающим результат переосмысления семантики БК и ФЧ.....	128
III.2. Семантические модели фразеологизации (Ф1).....	131
III.2.1. Семантические модели фразеологизации, приводящие к образованию фразеологических единств.....	131
III.2.1.1. Фразеосемантическая модель ЭСС 1 → ЭСС 2.....	131
III.2.1.2. Модель фразеосемантической деривации «ЭСС → черты характера»	134
III.2.1.3. Модель фразеосемантической деривации «ЭСС→ физические действия человека».....	138
III.2.1.4. Модель фразеосемантической деривации «ЭСС → физическое состояние».....	140
III.2.5. Модели фразеосемантической деривации, приводящие к образованию фразеологических сращений.....	143
III.2.5.1. Модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное действие человека».....	144
III.2.5.2. Модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта» → негативное отношение к людям».....	146
III.2.5.3. Модель фразеосемантической деривации: «эмоциональное состояние субъекта → плохое моральное (либо материальное) положение»	148
III.2.5.4. Модель фразеосемантической деривации «положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта → физическое состояние».....	151

III.3. Фразеосемантическая деривация на основе фразеолексы, изначально не репрезентирующей семантику ЭСС (Ф2).....	153
III.3.1 Фразеосемантическая деривация, приводящая к образованию фразеологических единств.....	153
III.3.2. Фразеосемантическая деривация, приводящая к образованию фразеологических сращений.....	155
Выводы по III главе	160
Заключение.....	166
Список литературы.....	172
Список лексикографических источников.....	200
Приложения.....	202
Список сокращений.....	227

Введение

Фразеология представляет собой одну из наиболее значимых и активно развивающихся областей лингвистики. С каждым годом язык пополняется новыми фразеологическими единицами, что придает речи динамичный и постоянно изменяющийся характер. Важность исследований связана не только с изучением уже существующих фразеологических единиц, но и с анализом самого процесса их формирования, а также факторов, влияющих на характер процесса фразеологизации. Динамический подход к анализу фразеологизмов, рассматриваемых как комплексные знаки, является основой данного исследования, в котором особое внимание уделяется фразеологизмам с семантическим компонентом «эмоциональное состояние субъекта».

Объектом исследования являются фразеолексы, а именно, лексические единицы, входящие в состав фразеологизма, содержащие семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта» в свободном употреблении и в составе фразеологических единств и фразеологических сращений.

Предметом исследования является семантика компонентов фразеологических единиц и фразеологических сращений, связанных с понятием «эмоциональное состояние субъекта», а также закономерности изменения этой семантики в процессе фразеологизации, включая факторы, которые влияют на характер и результаты данного процесса.

Цель данной работы заключается в исследовании моделей изменения семантики фразеолекс, содержащих семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта» в процессе их фразеологизации, а также в выявлении причин, определяющих характер этого процесса. Поставленная цель достигается через решение следующих **задач**:

- 1) классификация исследуемых фразеологизмов по семантическому критерию;
- 2) разграничение фразеологической и фразеосемантической деривации как разновидностей процесса фразеологизации на основе фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта»;

- 3) классификация исследуемых фразеологизмов в соответствии со структурным принципом механизма фразеологизации;
- 4) классификация фразеологизмов в соответствии с семантическим признаком и типологизация ядерных сем моделей фразеологизации;
- 5) проведение анализа лексико-семантических групп в рамках семантических микрополей «эмоциональное состояние субъекта»;
- 6) компаративный анализ характеристик фразеологических единств и фразеологических сращений разного уровня идиоматичности;
- 7) исследование когнитивных причин, определяющих направление процесса фразеологизации в сторону фразеологических единств или фразеологических сращений;
- 8) исследование композиционного потенциала фразеологизма и определение степеней кореферентности его компонентов в соответствии с полученными классификациями

Степень разработанности проблемы

В последние десятилетия теорию фразеологии разрабатывали такие ученые, как В.В. Виноградов [Виноградов 1975, 1977, 1986], В.Г. Гак [Гак 2004, 2009, 2010], А.Г. Назарян [Назарян 1976, 1985, 1987], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2005, 2008], А.И. Алехина [Алехина 1972], Н.Н. Амосова [Амосова 1963], Г.Г. Соколова [Соколова 1981, 1987, 2010], S. Coulson [Coulson 2000], I. Mel'cuk [Mel'cuk 1960], T. Rohrer [Rohrer 1997], G. Kleiber [Kleiber 2006], P. Guiraud [1961, 1964], Э. Косериу [1973, 1982] и др. Исследования проводились в рамках общей теории фразеологии, а в центре внимания оказывались типологические, функциональные и диахронические аспекты анализа фразеологических единиц.

Интерес к исследованию фразеологических единиц с позиций их семантического наполнения возрастает во второй половине 20 - го начале 21 века. В частности, в угол зрения попадают фразеосемантические поля, включающие фразеолексы, принадлежащие к разным семантическим классам, а также системные отношения в рамках такого рода макро- и микрополей [Ю. В.

Буянова 2015, 2017; С. М. Кравцов 2004, 2022; С.А. Моисеева 2004; И. И. Синельникова 2013; И. В. Скуратов 2014, 2022].

Важным шагом на пути изучения фразеологических единиц является получивший распространение в начале 21 века когнитивный подход к анализу фразеологизмов, который позволил рассматривать их как комплексные знаки [Н.Ф. Алефиренко 2005, 2008; А.П. Бабушкин 1996; Н.Н. Болдырев 2000, 2001, 2009; В.И. Заботкина 2007; Н.Н. Кириллова 2003; Е.С. Кубрякова 1997, 2002, 2004; З.Д. Попова, И.А. Стернин 2003, 2006 2007].

Когнитивный подход к явлениям фразеологии позволил применить в исследуемой области достижения композиционной семантики, которая является продуктивной и необходимой для решения ряда задач, связанных с поиском причин, объясняющих особенности процесса фразеологизации [Н.Н. Болдырев 2000, 2001, 2009; О.П. Ермакова 1984; О.К. Ирисханова 2002, 2004, 2014, 2017; Е.С. Кубрякова 1978, 1981, 1997, 2002; О.Б. Полянчук 2005, 2008, 2009, 2013, 2024, А. Э. Черникова 2015, 2016, 2017]. Указанное направление анализа позволяет выявить системный характер процессов вербализации комплексных знаков средствами фразеологии.

Указанные направления анализа фразеологических единиц направлены прежде всего на исследование способов создания образности фразеологизмов и семантики выделяемых компонентов. Однако остаются малоизученными структурные и семантические аспекты процесса фразеологизации, выявление степеней идиоматичности фразеологических единиц, а также типы взаимосвязи между комплексными концептуальными и языковыми структурами. Также недостаточно исследованы причины различной реализации концептуальных признаков на разных уровнях фразеологии и способы композициональности комплексного знака в зависимости от уровня их идиоматичности.

Необходимость решения указанных проблем обусловила **актуальность** данного исследования. В частности, это связано с тем, что в центре внимания оказывается не столько анализ семантики «готового» фразеологизма, сколько сам механизм его конструирования и закономерности концептуальной и

семантической интеграции его составляющих. Также семантика переосмысленных компонентов фразеологических сращений не была предметом исследования из-за сложности их выделения, что объясняет ограниченное количество работ в этой области. Тем не менее, очевидно, что «след» значения исходного семантического компонента фразеологического сращения (фразеолексы) влияет на семантику комплексного знака и этот процесс имеет закономерный характер. Таким образом, динамический аспект изучения фразеологии, связанный с поиском семантических и структурных принципов фразеосемантического моделирования, требует дальнейшего развития. Такой подход к явлениям фразеологии представляется наиболее перспективным и актуальным. Кроме того, в романистике практически отсутствуют работы, посвященные композиционным особенностям компонентов комплексного знака, реализованного средствами фразеологии, и закономерностям их влияния на его дальнейшее развитие. Все это подчеркивает актуальность данной диссертации, в которой продолжается исследование в области анализа комплексного знака и рассматривается образование фразеологизмов с позиций когнитивной семантики, что позволяет выявить системный характер процессов вербализации комплексных знаков средствами фразеологии. Актуальность диссертации объясняется также и тем, что в определении состава фразеологических единиц и их классификации фразеологизмы рассматриваются как промежуточные единицы между лексико-семантическим и синтаксическим уровнями, что подчеркивает их тесную связь с лексико-семантической системой языка. Актуальность работы также связана и с необходимостью уточнения вопроса классификации фразеологических единиц по степени их семантической целостности.

Новизна диссертации заключается в том, что статический и динамический аспекты исследования комплексного знака, выраженного средствами фразеологии, до сих пор остаются малоизученными в романистике. Поэтому анализ правил семантической композициональности таких знаков представляет собой новое направление в исследованиях в области фразеологии. Если в

предыдущих работах в области фразеологии вопрос об идиоматичности фразеологизма связывался исключительно с его семантической классификацией, то в настоящей диссертации данная проблема рассматривается под новым углом зрения: ориентация на динамический аспект исследования впервые позволяет поставить вопрос о взаимосвязи степени идиоматичности фразеологизма с определенными параметрами, характеризующими семантический и структурный аспекты фразеологизации. Новой является также и трактовка понятия «динамика», в соответствии с которой предлагается не столько изучить процессы формирования нового комплексного знака, сколько проанализировать динамику его семантики.

Новой в нашем исследовании является попытка установить закономерности взаимодействия концептуального и вербального уровней в процессе фразеологизации на основе фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта». В этом контексте новой является разработка аспектов, связанных со структурированием функционально-семантического поля «эмоциональное состояние субъекта», включающего как ядерные, так и периферийные компоненты. Также впервые предпринимается исследование моделей концептуальной интеграции и гибридизации, что позволяет выявить когнитивные основы процесса вторичной образной номинации во фразеологии.

Таким образом, данное исследование продолжает развитие нового направления, связанного с изучением закономерностей формирования комплексного знака. Впервые ставится задача проследить цепочку системных связей, отражающих закономерности процесса фразеологизации, включая вопрос о том, почему в некоторых случаях возникают фразеологические единства, а в других – фразеологические сращения.

Материалом исследования являются фразеологические единства и фразеологические сращения, включающие фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта» (1450 единиц), полученные путем сплошной выборки из различных лексикографических источников (см. список лексикографических источников), а также свыше 2000 словарных единиц, представляющих собой

исходные и производные значения фразеолекс, маркированных как «эмоциональное состояние субъекта».

Теоретико-методологическая база диссертационной работы представлена комплексным системным подходом, предполагающим исследование фразеологических единиц с учетом их ономаσιологических и семасиологических характеристик, а также направленным на разграничение статики и динамики их семантики. В диссертации используются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, моделирование, а также следующие частные методы исследования: концептуальный анализ, компонентный анализ, количественный и дистрибутивный анализ. В работе используются специфические для фразеологии методы анализа и описания, такие как метод идентификации, который позволяет установить соответствия между словами и синтаксическими конструкциями, формирующими фразеологизмы, и их свободными аналогами.

Теоретическую основу работы составляют труды отечественных и зарубежных ученых:

– по фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Амосова, В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, А.М. Бабкин, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, Н.Н. Кириллова, Л.В. Ковалева, Н.М. Копыленко, С.М. Кравцов, А.В. Кунин, Б.А. Ларин, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, А.Г. Назарян, И.В. Скуратов, А.И. Смирницкий, В.П. Телия, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев, А.М. Червонный, А.Э. Черникова, Ch. Bally, E. Benveniste, J.Casares, S.Coulson, J.Dubois, P.Guiraud, M. Grevisse, G. Ipsen, G. Kleiber, G. Lakoff, A. Martinet, G. Matoré, A. Rey, M. Riegel);

– по когнитивной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, Л.В. Бабина, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, О.И. Быкова, С.Г. Воркачев, Н.Н. Гончарова, Д.О. Добровольский, О.К. Ирисханова, Е.С. Истрина, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.М. Мелерович, Е.В. Падучева, О.Б. Полянчук, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, S. Coulson, W. Croft, G. Fauconnier, J. Grady, J. Molino, J. Poitou, P. Schulz, B. Shore, D. Sperber, E. Sweetser, J. Trier, M. Turner, R. Williams);

- по теории словообразования и семантике (А.И. Алехина, Ю.Д. Апресян, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, Е. Курилович, О.Б. Полянчук, Г.С. Чинчлей,);
- по теории изучения эмоциональной концептосферы человека (К. Изард, Е.П. Ильин, Н.А. Красавский, С.А. Кузнецов, В.Н. Куликов, А.Н. Лук, О.Н. Селиверстова, И.И. Синельникова, Ю.С. Степанов, В.И. Шаховский).

Данное исследование осуществляется в рамках теории композиционной семантики [Перелыгина 2017; Полянчук 2011, 2012, 2013, 2016, 2017; Черникова 2017], в которой фразеологизм представляет собой комплексный знак и репрезентирует соотношение интегративности и композициональности в семантической структуре. Это положение является основополагающим для данного исследования.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты способствуют обогащению теории фразеологии, особенно в контексте уточнения понятия фразеологического значения в рамках анализа комплексного знака. В частности, акцентируется внимание на существовании общих закономерностей в функционировании фразеологического и словообразовательного значений как специфических типов языковых значений, присущих комплексному знаку. Важным аспектом является также типологизация процессов фразеологизации: в работе предлагается различать фразеологическую и фразеосемантическую деривацию, а также вводятся критерии для их разграничения. Кроме того, вводится такое понятие, как «динамика семантики» комплексного знака.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут служить материалом для изучения особенностей французской фразеологии на семинарах и лекциях, спецкурсах по лексикологии в языковом вузе, особенно разделы, посвященные фразеологии, семантике и словообразованию. Кроме того, результаты работы могут использоваться на практических занятиях по французскому языку со студентами старших курсов специализированных факультетов.

Основная **гипотеза** данного исследования заключается в том, что направление фразеологизации определяется структурными, семантическими и композиционными характеристиками элементов фразеологизма. В частности, характер и результат процесса образования фразеологизма связан с соотношением ядерной семы модели фразеологизации с определённым компонентом, структурирующим фразеологизм, а также с характером семантических изменений, происходящих в процессе фразеологизации, и особенностями семантической композициональности компонентов фразеологической единицы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Многозначные французские фразеолексы демонстрируют специфические семантические особенности в соответствии с их реализацией в рамках фразеологизма в своих системных словарных значениях либо в значениях, приобретенных в процессе фразеологизации (свободных / фразеологически связанных). Синтагматическая свобода / связанность фразеолексы рассматривается как маркер, позволяющий разграничить фразеологическую и фразеосемантическую деривацию.

2. Фразеологическая и фразеосемантическая деривация являются отражением статики и динамики языка: в процессе фразеологизации актуализируются уже закрепленные во французском языке значения многозначной фразеолексы, в то время как при фразеосемантической деривации семантические процессы актуализируются при создании фразеологизма.

3. Существует системная корреляция между структурным аспектом модели фразеологизации и ее семантическим содержанием, которое характеризуется системными изменениями семантики фразеолексы.

4. В процессе фразеологизации семантика «эмоциональное состояние субъекта» оказывается обобщенной во фразеологических единствах и индивидуализированной во фразеологических сращениях.

5. Степень концептуальной и семантической интеграции компонентов фразеологизма, в частности, базового компонента (БК), и формирующей части

(ФЧ) связана: а) со структурными особенностями процесса фразеологизации, а именно, с локальной соотнесенностью ядерной семы модели фразеологизации с элементом структуры «будущего» фразеологизма и б) с семантическими особенностями процесса фразеологизации, а именно, с семантической маркированностью ядерной семы.

6. Причиной, определяющей формирование французской фразеологической единицы как фразеологическое единство или фразеологическое сращение, являются особенности модели концептуальной интеграции, в частности, соотнесенность концептуализируемого признака с концептом-аналогом базовым компонентом, формирующей частью, либо новым концептом-результатом их переосмысления, а также с его содержательными характеристиками.

7. С повышением степени семантической интеграции фразеологизма степень выраженности семантики «эмоциональное состояние субъекта» ослабевает, что в соответствующем фразеосемантическом поле представлено как удаление от ядра к периферии.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы и выводы проведенного исследования отражены в 7 публикациях автора, 4 из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также в докладах на Международном форуме «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж 2021, 2023, 2024), Международной научно-практической конференции «Русскоязычный и франкоязычный миры: традиции и новации в образовании, языке, культуре» (Воронеж 2023, 2024, 2025), Международной научно-практической конференции «Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы» (Москва 2023), Международной научно-практической конференции «Романистика в эпоху полилингвизма» (Москва 2023, 2024), Международной научной конференции «От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов» (Минск, Беларусь, 2023), XII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород

2024), XIII Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень 2025), Всероссийской научной конференции «Лингвистика в цифровую эпоху» (Воронеж 2025), а также на научных сессиях Воронежского государственного университета (Воронеж 2023, 2024, 2025 гг.).

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников, 20 приложений, списка сокращений.

В первой главе излагаются теоретические основы исследования, включая задачи фразеологии и ключевые характеристики фразеологических единиц, особенности процесса фразеологизации, а также рассматриваются когнитивные аспекты фразеологии, такие как инструменты фразеологизации, теория блендинга.

Во второй главе исследуются семантические особенности фразеологизмов с компонентом «эмоциональное состояние субъекта» в статическом аспекте, а именно, семантические особенности «будущего» базового компонента; анализируется, какие именно семантические признаки рассматриваемых лексических единиц принадлежат к ядерной или периферийной зоне лексико-семантического поля «эмоциональное состояние субъекта»; также проводится анализ фразеолекс без маркированности «эмоциональное состояние субъекта» в исходном значении.

В третьей главе, которая фокусируется на структурных и содержательных аспектах процесса фразеологизации, устанавливается, в какой мере семантика «эмоциональное состояние субъекта» сохраняется во фразеологизме в динамическом аспекте, анализируются композиционные характеристики базового компонента и формирующей части, исследуются модели фразеологической деривации, а также выявляются причины, способствующие образованию фразеологического единства или фразеологического сращения. В заключении подводятся итоги проведенного исследования и обозначаются его дальнейшие перспективы.

В приложениях №1-8 представлены лексико-семантические поля фразеолекс, выражающих положительные/отрицательные характеристики субъекта (*bonheur* «счастье», *joie* «радость», *plaisir* «удовольствие», *amour* «любовь», *colère* «гнев», *peur* «страх», *chagrin* «печаль», *irritation* «раздражение»); приложение №9 демонстрирует частотность базового компонента и формирующей части, репрезентирующих эмоциональное состояние субъекта в рамках фразеологических единств; в приложении №10 показана схема степени сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле «эмоциональное состояние субъекта»; в приложении №11 обозначена статика семантики фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта» в составе фразеологических единств; в приложении №12 представлены варианты процесса фразеологической деривации; приложение №13 отражает степень сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле «эмоциональное состояние субъекта» (динамика); в приложении №14 предложена схема степени сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле «эмоциональное состояние субъекта» (статика+динамика); в приложении № 15 отображены виды фразеологической и фразеосемантической деривации; в приложении № 16 проиллюстрирована сравнительная характеристика фразеологизмов в соответствии с их типологией; в приложении №17 указаны семантические изменения фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта» в рамках фразеологических единств; приложение №18 демонстрирует примеры сравнительной характеристики семантических компонентов «эмоциональное состояние субъекта» в составе фразеологических единств и фразеологических сращений»; приложение №19 иллюстрирует фразеосемантическое поле «эмоциональное состояние субъекта»; в приложении №20 приведены некоторые примеры фразеологических единств, в которых фразеолекса сохраняет семантику, отражающую «эмоциональное состояние субъекта».

В списке сокращений представлены аббревиатуры, обозначающие основные понятия в данной диссертации.

Глава I. Основные теоретические положения исследования

I.1. Фразеология и аспекты ее исследования

В настоящее время интерес к вопросам фразеологии продолжает расти. Это обусловлено востребованностью в современных социальных условиях, культурной значимостью, выразительностью, наличием образовательного потенциала фразеологизмов.

Один из ключевых вопросов, тесно связанный с определением предмета фразеологии, заключается в установлении границ фразеологизмов, определении состава фразеологических единиц, а также их классификации [Виноградов 1975; Смирницкий 1998; Шанский 1985]. Фразеологизмы рассматриваются как промежуточные единицы между лексико-семантическим и синтаксическим уровнями, тесно связанные с лексико-семантической системой языка. Молотков А. И. утверждал, что «целесообразны также уточнения по вопросу, связанному с классификацией фразеологических единиц по степени их смыслового единства» [Молотков 1977].

Важные предпосылки для развития теории фразеологии создали труды Ш. Балли, А.Г. Назаряна, В.П. Жукова и Н.Н. Кирилловой [Ch. Bally 2011; Назарян 1976, 1987, 1985; Жуков 1978, 1986; Кириллова 2003].

В системе лингвистических наук важно отметить тесную связь фразеологии с лексикологией, так как её «строительным материалом» является слово. Однако сами по себе слова-компоненты не делают сочетание фразеологическим. Фразеологический статус они приобретают благодаря специфическим смысловым отношениям, в которые вступают друг с другом [Копыленко, Попова 1972]. Таким образом, всесторонний анализ и глубокое изучение этих отношений являются основной задачей фразеологии, что говорит о её связи с семантикой.

Фразеологизмы являются сочетанием слов, которые построены на основе синтагматических связей единиц и моделей конкретного языка [Архангельский

1964; Виноградов 1975; Жуков 2006; Ларин 1977; Смирницкий 1998; Телия 2000; Федоров 1986; Шанский 1985].

В последнее время интерес к исследованию фразеологизмов привлекает большое внимание, что позволяет анализировать их с точки зрения грамматических [Виноградов 1975, 1977; Молотков 1977; Шанский 1985, 1996], синтаксических [Ларин 1954; Шанский 1996] и семантических особенностей [Bally Ch. 1965; Виноградов 1986; Шанский 1985].

Фразеологизмы являются богатым источником культурологической информации, отражая социальные, культурные и экономические особенности развития языкового общества. Их использование делает речь более эмоциональной и выразительной [Бабкин 1964; Виноградов 1977; Гаврин 1974; Кравцов 2008; Черданцева 2010].

Среди исследователей, внёсших значительный вклад в методологические основы этой науки, можно назвать А.И. Смирницкого, О.С. Ахманову, В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, В.М. Мокиенко, А.В. Кунина, Н.М. Шанского, А.М. Бабкина, Ю. Ю. Авиалини, А.И. Молоткова, Д.Н. Шмелёва, G. Matoré, E. Coseriu и других [Авиалини 1972; Ахманова 1966; Архангельский 1964, 1970; Бабкин 1964; Жуков 1986; Кунин 1999; Мокиенко 1982, 1990; Молотков 1977; Смирницкий 1998; Шанский 1985, 1996; Шмелёв 1964; Coseriu 1973, 1982; Matoré 1973].

Изучение фразеологии, познание ее происхождения невозможно без учета исторического развития. Таким образом, фразеология нуждается в данных этимологии. Одной из важных задач фразеологии является изучение происхождения фразеологизмов и их этимологии [Пименова 2002; Скуратов 2014]. Наряду с этимологическим анализом фразеологизмов процесс их формирования подразумевает также и такое явление, как фразеологизация, что и является одной из составляющих предмета настоящего исследования.

Отметим, что фразеология занимается разработкой принципов выделения фразеологических единиц, методов их изучения, классификацией, а также созданием словарей, включающих эти единицы (фразеографией) [Гак 1993;

Кунин 1986; Назарян 1987; Ройзенсон 1977; Червонный 2013; Чернышева 1977; Шанский 1985, 1996; Щерба 1998]. В исследовании фразеологизмов применяются как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, абстрагирование, наблюдение, сравнение и др.), так и специфические частные методы. Среди известных в специальной литературе методов можно выделить контекстологический метод Н.Н. Амосовой [Амосова 1963], вариационный метод В.Л. Архангельского [Архангельский 1964], метод фразеологической идентификации А.В. Кунина [Кунин 1964], комплексный подход И.И. Чернышевой [Чернышева 1977], метод фразеологической аппликации В.П. Жукова [Жуков 2006], структурно-типологический метод Ю.Ю. Авалиани [Авиалини 1972] и Л.И. Ройзенсона [Ройзенсон 1977] и другие.

Терминологический аппарат фразеологии регулярно пополняется новыми определениями. Как известно, в языкознании существуют два диаметрально противоположных направления в определении фразеологических единиц и отношений, возникающих между их компонентами. С точки зрения некоторых исследователей, фразеологические единицы складываются «не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова» [Молотков 1977: 25]. Исследователи, занимающие другую позицию, указывают при этом на то, что компоненты фразеологических единиц есть слова, хотя они и выступают в специфическом значении. Этому мнению придерживается большинство лингвистов [Гак 2009, 2010; Даниленко 2010; Земская 2011; Лопатникова 2001; Смирницкий 1955 и др.]. «Фразеологизмы являются сочетанием слов, т.е. раздельнооформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями» [Кунин 1970: 24].

А. И. Молотков придерживается мнения, что «фразеологизм – это не словосочетание (ни по форме, ни по содержанию), это – единица языка, которая состоит не из слов» [Молотков 1977].

По Т. И. Вендиной «фразеологизм – это лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных

компонентов, устойчивая в своем составе, структуре и целостная по своему значению» [Вендина 2001].

В. Н. Теля устанавливает, что «фразеологизм – это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Теля 2002].

По определению Н.М. Шанского, «фразеологический оборот в самом широком смысле – это воспроизводимая языковая единица из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Шанский 1996: 15].

В настоящее время ученые выделяют классификации фразеологизмов по морфологическим, семантическим, генетическим, функциональным, синтаксическим, идеографическим признакам, а также по экспрессивно-стилистическим характеристикам, лексическому составу и структуре.

В рамках данного исследования особое значение имеет семантическая классификация. Изначально предложенная Ш. Балли, она была усовершенствована В.В. Виноградовым и Н.М. Шанским [Виноградов 1975; Шанский 1985]. Основной принцип этой классификации заключается в спаянности компонентов и соотнесённости семантики всего выражения с семантикой составных частей фразеологизма [Виноградов 1977]. Согласно этому принципу вслед за В.В. Виноградовым фразеологические единицы делятся на фразеологические единства, сращения, сочетания и выражения. Существуют и другие взгляды, например, Б.А. Ларин предложил свою семантическую классификацию, основанную на историческом принципе [Ларин 1954]. Пристального внимания заслуживают работы французского лингвиста П. Гиро. Он понимает фразеологизм как «выражение, образованное объединением нескольких слов, образующих синтаксическое и лексическое единство» [Guiraud

1964]. Характерными признаками фразеологизма он называет: а) единство формы и значения (*unité de forme et de sens*); б) отклонение от грамматической или лексической нормы (*écart de la norme grammaticale ou lexicale*); в) особое метафорическое значение (*valeurs métaphoriques particulières*) [Guiraud 1964].

Поскольку цель настоящего исследования подразумевает анализ семантических компонентов фразеологизмов, обратимся к классификации В.В. Виноградова [Виноградов 1977: 140-161]. Как было сказано выше, он классифицирует фразеологические единицы, основываясь на уровне слитности их компонентов, выделяя:

– фразеологические сращения или идиомы, которые представляют собой неделимые устойчивые обороты, целостное значение которых не зависит от значения составляющих их компонентов;

– фразеологические единства, в которых компоненты обладают семантической раздельностью. Целостное значение таких фразеологических единиц (далее – ФЕ) напрямую зависит от индивидуального значения слов, входящих в состав данного фразеологизма, используемых в переносных значениях;

– фразеологические сочетания, компоненты которых могут обладать как свободным, так и фразеологически связанным употреблением [Виноградов 1986].

Кунин А.В. преобразовал классификацию Виноградова В.В. Он выделил фразеологические единицы по структурно-семантическому принципу [Кунин 1986: 26-27]. Согласно данной классификации фразеологические единицы делятся на четыре класса на основе их коммуникативной функции: 1) номинативные фразеологические единицы: субстантивные – *c'est un vrai mouton* – «он тряпка, слабовольный человек», адъективные – *bête comme un chat* – «глупый», предложные *comme dans le beurre* – «как по маслу» и адverbиальные – *vivre grassement* – «жить на широкую ногу». 2) номинативно - коммуникативные фразеологические единицы, такие как: *traiter comme un animal* – «плохо относиться к людям», *grossir comme une boule de neige* – «успешный

карьерный рост», *jouer comme ange* – «работать хорошо»; 3) междометные фразеологические единицы, которые показывают эмоции и отношение говорящего к вещам: *bigre!* – «черт возьми!», *gare à la tête!* – «оберегай голову!»; 3) коммуникативные фразеологические единицы, которые образуются посредством сокращения поговорок или пословиц, например, *c'est à mourir de rire* (посл.) – «умереть от смеха». Поскольку классификация, предложенная А.В. Куниным, имеет грамматический и коммуникативный принцип, то для нашего исследования она не предоставляет интереса. Как уже упоминалось выше, в данной работе нас интересует семантический аспект анализа фразеологических единиц. Поэтому проанализируем подробнее каждую из групп фразеологизмов, предложенную В.В. Виноградовым.

Вслед за В.В. Виноградовым «под фразеологическими сращениями понимаются сочетания абсолютно неделимые, неразложимые, немотивированные и непроеизводные, элементы которых лишь «однозвучны» с самостоятельными отдельными словами» [Виноградов 1986: 121]. «Фразеологические сращения возникли на базе переносных значений их компонентов, но впоследствии эти переносные значения стали необъяснимы с точки зрения современного языка» [Виноградов 1986]. К ним можно отнести следующие примеры:

le coq du village – «быть важным, как петух»;

c'est un vrai mouton – «он тряпка, слабовольный человек»;

mettre dans le noir – «добиться успеха, восторжествовать».

Основными признаками сращений являются:

1. Немотивированность и непроеизводимость образования, как слово, которое лишено внутренней формы;
2. Отсутствие самостоятельного значения в составе фразеологизма;
3. Внешняя раздельнооформленность сращения.

В настоящей работе мы рассматриваем фразеологические сращения как компонент, которому присущи собственные свойства, а именно, индивидуализированная, нетипизированная семантика, что будет нами

продемонстрировано далее. Фразеологические сращения отличаются лексической несамостоятельностью компонентного состава, степень спаянности компонентов настолько высока, что мотивация практически отсутствует; высокая степень идиоматичности, фразеологическое значение имплицитно и нерегулярно [Черникова 2016].

Несмотря на их немотивированность и непроеизводимость, изучение фразеологических сращений представляет особый интерес в нашем исследовании, поскольку они включают в себя семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта» (далее – ЭСС) (или его след), находящийся в центре нашего внимания. Именно во фразеологических сращениях прослеживается динамика исследуемой нами лексемы, а также просматривается механизм фразеосемантической деривации. Как мы увидим далее, интересующий нас семантический компонент ЭСС репрезентирован в семантической структуре фразеологических сращений иначе, чем в семантической структуре фразеологического единства.

Фразеологические единства также семантически неделимы и выражают единое целостное значение, но их целостное значение в определенной степени мотивировано и является производным, возникающим из объединения лексических компонентов в переносном значении. В отличие от фразеологических сращений, составляющие фразеологического единства переосмысливаются по отдельности, и между компонентами комплексного знака наблюдается низкая степень семантической салиентности, т. е. «значимости» (термин Ирисхановой О.К.) [Ирисханова 2014].

В.В. Виноградов выделяет различные группы их происхождения: синтаксическая специализация фразы, использование её в строго фиксированной грамматической форме, наличие экспрессивных оттенков значения и переход «целостных словесных групп» терминов в «бытовой язык» по закону функциональной семантики [Виноградов 1975].

Фразеологические единства имеют 3 признака согласно В. В. Виноградову:

1. Переносное, образное значение, которое делает фразовое сочетание неразрывным, иногда может только ощущаться и предчувствоваться, а не явно восприниматься и пониматься;
2. Экспрессивная насыщенность;
3. Невозможность замены синонимом ни одного из лексических элементов фразового единства.

В нашей работе в фокусе внимания находятся фразеологические сращения и фразеологические единства. Мы исключаем изучение фразеологических сочетаний, т.к. степень спаянности их компонентов слишком низкая, чтобы можно было говорить о значимости высокой степени процесса фразеологизации.

Фразеологизмы играют важную роль в лексическом составе языка, поскольку они точно и образно передают мысль и отражают различные аспекты реальности [Алефиренко 2008; Михальчук 2002]. Фразеологическая единица представляет собой группу слов без ярко выраженной мотивации, которая не может быть произвольно создана в речи, но используется как готовая конструкция. Их устойчивость подразумевает, что они существуют как заранее установленные языковые единицы, не допускающие изменений в лексических компонентах или грамматической структуре [Малкина 1972].

Необходимо отметить, что фразеоединицы представляют собой комплексные знаки (далее – КЗ). Ввиду этого считаем необходимым обратиться к ономаσιологической интерпретации конструирования КЗ [Земская 2011; Кубрякова 2002].

Ономаσιология берет свое начало с исследований В. фон Гумбольдта, который «признавал единство двух подходов к изучению языка – исторического (семасиологического) и философского (ономаσιологического)» [Гумбольдт 1985].

Важным для настоящего исследования является то, что наука ономаσιология рассматривает процесс номинации, называния [Доржиева, Щербакова 2019].

Из ономасиологической перспективы производные слова (в том числе и ФЕ) рассматриваются с точки зрения их семантико-функционального аспекта. В связи с этим ономасиология строится на исследованиях семантики лексем, особенно комплексных знаков [Кубрякова 1978; Полянчук 2005; Matoré 1973].

Вслед за Кубряковой Е.С. мы отмечаем, что «ономасиология включает в себя ономасиологический базис, обозначающий определённый класс понятий, и ономасиологический признак, который выделяет конкретный предмет внутри этого класса» [Кубрякова 1978].

В настоящем исследовании отмечается аналогичность процессов фразообразования и словообразования, поскольку и те, и другие изучают КЗ: производное слово и, соответственно, фразеологическую единицу [Кубрякова 1981; Полянчук 2008]. Таким образом, вслед за Черниковой А.Э. «для определения ономасиологического базиса и ономасиологического признака применительно к фразеологии мы пользуемся терминами «базовый компонент фразеологизма» (далее – БК) и «формирующая часть» (далее – ФЧ) соответственно» [Черникова 2015]. Согласно определению Черниковой А. Э. «БК представляет собой общую семантическую категорию, которая несет на себе основную семантическую нагрузку» [Черникова 2015]. БК, имея способности к метафорической аттракции, занимает семантически более сильную позицию по сравнению с другим будущим компонентом фразеологизма. «Та часть фразеологизма, которая формирует его специфику, называется формирующей частью фразеологизма» [Черникова 2015]. Например, во фразеологическом единстве *être (heureux) comme un poisson dans l'eau* – «быть совершенно довольным, чувствовать себя как рыба в воде» БК репрезентирован глаголом *être*, а ФЧ представлена словосочетанием *comme un poisson dans l'eau*.

В данной работе наше внимание привлекает эмотивный семантический компонент, который выражает ЭСС, вносимый фразеолексой в общую структуру значения фразеологизма. Существует несколько терминов для определения такого компонента. Одним из них является термин фразеолекса. Так, под «фразеолексой (термин Н.Н. Кирилловой) [Кириллова 2003: 188] принято

понимать лексему в несамостоятельной функции, с утраченными и приобретенными во фразеологизме свойствами» [Кириллова 2003: 86]. Например: *être de bon poil* (прост.) – «быть в хорошем настроении». В данном фразеологизме фразеолекса *poil* представляет собой ядро внутренней формы, в котором, как представляется, и заключен национальный компонент, образная составляющая. На наш взгляд, термин «фразеолекса» является общим, а БК и ФЧ – частными. Отметим, что БК может совпадать с фразеолексой, например, *heureuse comme une chatte* «счастливая, как кошка», где прилагательное *heureuse* является и БК, и фразеолексой, а может и отличаться от нее: *être gai comme un pinson*, где *être gai* – БК, а фразеолекса – *une pinson*, если речь идет о фразеолексе-зоониме. Таким образом, мы считаем, что понятие фразеолекса шире, чем БК и ФЧ.

В исследовании фразеологизмов привлекает внимание процесс фразеологизации, который отражает динамику закономерностей, возникающих при взаимодействии семантических составляющих (изначально компонентов свободного словосочетания) [Ковалева 2004]. Более детально это явление будет рассмотрено в главе 2. Различие между процессом фразеологизации в контексте словообразования и фразеологии состоит в том, что в первом случае акт вторичной номинации совершается на основе уже существующего производного слова (развитие полисемии), а во втором – процесс фразеологизации изначально сопровождает создание фразеологической единицы [Полянчук, Черникова 2016]. В процессе фразеологизации базовый семантический компонент, выражающий ЭСС, вступает в отношения семантической композиционности с ФЧ будущего фразеологизма. В связи с этим одной из задач нашего исследования является определить статус составляющих фразеологизма.

В настоящей работе мы анализируем БК и ФЧ в двух аспектах: статическом и динамическом. Статический аспект предполагает исследование БК и ФЧ как самостоятельных слов (будущих компонентов фразеологизма). Динамический аспект включает в себе процесс создания фразеологизма на основе этих компонентов.

«Фразеология сосредотачивается на словосочетаниях, компоненты которых имеют свое значение и не делятся на отдельные слова, не сочетаются произвольно, а имеют фиксированное семантическое содержание и употребляются в определённых контекстах» [Molino, Soublin 1979]. Стоит остановиться на важности сочетания синхронического и диахронического подходов к фразеологии, поскольку ФЕ можно рассматривать с обеих сторон. С одной стороны, ФЕ являются номинативными единицами языка, называют предметы, явления, действия и т.д. С другой стороны, ФЕ проходят через определённый этап становления. Эта организация фразеологизмов приводит к тому, что синхронический и диахронический аспект в их изучении представляют особого рода взаимодействие [Баран, Зимомря 1999: 147]. Для нашего исследования это особенно важно, поскольку разграничение указанных аспектов является ключевым для исследования композиционной семантики КЗ.

Большинство ученых указывают на перспективность изучения внутренней формы фразеологизма: «Исследовать композиционную семантику фразеологической единицы не представляется возможным без изучения внутренней формы фразеологизма, которая, с одной стороны, представляет собой определенное синхронное состояние языковой единицы, а, с другой стороны, отражает результат процесса фразеологизации как явления диахронии» [Кунин 1970; Мокиенко, Мелерович 2008]. Внутренняя форма является одним из основополагающих элементов семантики фразеологизма. В свою очередь, внутреннюю форму можно рассматривать как основу и одну из важнейших составляющих фразеологического значения. Необходимо отметить, что «внутренняя форма мотивирует актуальное значение фразеологизма; обуславливает оценку и эмотивность значения; образ является носителем культурной коннотации фразеологизма» [Алефиренко Н. Ф., Василенко А. П., Добровольский Д. О., Зимин В. И., Федуленикова Т. Н., Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Федуленикова Т. Н. 2016]. Природа понимания внутренней формы фразеологизма является дискуссионной [А. Р. Vassilenko, I. S. Karabulatova, E. N. Vasilishina 2018]. Например, А.В. Кунин «определяет данное

понятие как диахроническую связь фразеологического значения оборота и его этимологическое значение» [Кунин 1970: 72]. Д.О. Добровольский предполагает, что «именно образная составляющая вносит вклад в значение фразеологизма и обязательно должна учитываться при описании его семантических особенностей» [Добровольский 2008]. Согласно В.П. Телия, «внутренняя форма фразеологизма – это «ассоциативно-образный мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке» [Телия 1988:12].

С внутренней формой тесно связана мотивированность фразеологической единицы. В.В. Виноградов определяет мотивированность ФЕ следующим образом: «Под мотивированностью понимается связь, соотнесенность значения и структуры изначального свободного словосочетания со значением и структурой, возникшего на его основе фразеологического оборота». [Виноградов 1977]. Мотивированность является обоснованием образной трансформации смысла свободного словосочетания во фразеологизме. Ученые указывают на важность исследования мотивированности ФЕ: «Исследование внутренней формы и мотивированности фразеологизма подразумевает этимологический анализ, выявление связи между появлением фразеологизма и фактами внеязыковой действительности» [Shore 1991]. Н.М. Малкина отмечает необходимость учета специфики внутренней формы фразеологизма: «Анализ внутренней формы является необходимым при изучении семантики фразеологической единицы, поскольку он предоставляет возможность выявить образные ассоциации и аллюзии, определить оценочный и эмотивный компоненты фразеологизма, стилистические особенности и т.д.» [Малкина 1988].

В.В. Виноградов, разрабатывая свою классификацию фразеологизмов, в значительной степени основывался на диахронной концепции фразеологии. Его деление единиц на сращения, единства и сочетания базируется на принципе, согласно которому ФЕ относится к определённой категории в зависимости от степени спаянности её компонентов. В.В. Виноградов считает: «Во фразеологическом единстве значение целого никогда не равняется сумме

значений элементов. Это – качественно новое значение, возникшее в результате своеобразного химического соединения слов» [Виноградов 1977: 168]. В нашем исследовании мы сосредотачиваемся на принципах организации таких конструкций.

Как было сказано выше, фразеология предполагает как статический, так и динамический аспекты исследования. Под статикой мы понимаем структурные модели фразеологических единиц, в которых отражается определенная степень их идиоматичности. В связи с этим нас интересуют особенности механизма фразеологизации, анализ семантических моделей фразеологизации и трансформация семантики компонента фразеологизма, обозначающего ЭСС. Необходимо подчеркнуть, что в нашем исследовании мы придерживаемся характерного для данной диссертации понимания терминов «динамика» и «статика», которые в наибольшей степени отражают статичность и динамичность семантики фразеологизма (подробнее об этом см. гл. 2).

Таким образом, в нашем исследовании мы фокусируемся на: а) анализе уже существующих фразеологических единиц, б) степени их спаянности и в) процессе их формирования (фразеологизации). Мы стремимся определить правила, по которым значения лексических единиц комбинируются, образуя новые значения, а также выяснить причины, определяющие различные степени идиоматичности этих значений. Другими словами, нам также важно рассмотреть композиционную семантику фразеологизмов, анализируя фразеологические единицы с точки зрения взаимодействия семантики составляющих их компонентов. В рамках композиционной семантики существуют различные подходы к изучению семантического взаимодействия языковых единиц, которые мы подробно рассмотрим в параграфе I.4.3.

I.2. Особенности французских фразеологизмов

Большинство ученых, представляющих широкое понимание фразеологии, считают, что «ФЕ является предикативным сочетанием, равным предложению и выражающим завершённую мысль или иное суждение [Иванов, Шанский, 1987; Ларин 1977; Соколова 2010], или фразу, которая образуется осуществлением несвободных значений слов» [Виноградов 1986]. Основным признаком фразеологизма является его целостное значение, т.е. устойчивость состава и структуры. Функционально-синхроническое изучение фразеологизмов показало, что вариантность успешно отражает их характерную устойчивость. Наличие данных диаметрально противоположных признаков фразеологизмов приводит к постоянному развитию фразеологии.

Не менее универсальным свойством фразеологии является вариантность фразеологических единиц, поскольку она существует во всех фразеологических оборотах» [Кунин 1999]. Например, морфологические: *être en affaire* и *être en affaires* – «быть занятым, заниматься делом, быть при делах»; *dire une pareille* или *dire des pareilles* – «сморозить глупость или глупости» и т.д.

Следующим свойством фразеологизма является номинативность, т.е. способность называть то или иное явление окружающей действительности.

В процессе переосмысления компонентов словосочетания фразеологизм обретает еще одно важное свойство – экспрессивность» [Кунин 1999]. Впрочем, данная категория языка интерпретируется исследователями фразеологии неоднозначно, так как проблема экспрессивности остаётся мало изученной. Следующим признаком, который придает ФЕ экспрессивность, служит образность. Именно она, становясь категориальным показателем, а также характерной чертой, определяет фразеологизм как языковую единицу. Под образностью вслед за В. М. Мокиенко мы понимаем «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [Мокиенко 1989: 157]. Следует отметить, что образность является лишь дополнительным признаком фразеологических оборотов и присуща только тем фразеологизмам, которые имеют внутреннюю форму, образ, образную составляющую [Соколова 1981, 1987].

Возникновение в сознании носителей языка наглядного представления, которое создается словарным значением ее компонентов, предопределяет образность фразеологической единицы. Вслед за В.А. Масловой мы рассматриваем образность как «реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании “картинки”» [Маслова 2007]. Некоторые исследователи, такие как В.М. Мокиенко, Н.Б. Мечковская и другие указывают на то, что «образность фразеологизма состоит в его семантической двуплановости» [Мечковская 2004; Мокиенко 1989:127].

В дальнейшем мы увидим, что фразеологические единицы, реализующие словарные переносные значения, необходимо выделить в отдельную группу, учитывая данную классификацию при разграничении статического и динамического процессов фразеологизации.

Ещё одним параметром фразеологизмов является функционально-стилевая составляющая, которая связана с возможностью их употребления в определённых сферах общения. Функционально-стилистическая маркированность указывает на уместность или неуместность использования фразеологических единиц в различных коммуникативных сферах: разговорной, просторечной, книжной, включая научную фразеологию. Например, « *pomme d' Adame*» и «Адамово яблоко» (книжн.); «*дать волю*» и «*donner la volonté*» (разг.) и т.д.

Необходимо отметить, что фразеологизм обладает сложной природой, имеющей свои свойства и признаки, соотношение с другими единицами языка. Это приводит к разногласиям между исследователями. В этой связи Н. Б. Мечковская пишет: «Фразеологическое единство представляет собой специфическое множество, состоящее из неоднородных и отклоняющихся от нормы в структурно-семантическом отношении устойчивых словосочетаний» [Мечковская 2004]. Кроме того, разногласия касаются и вопроса о том, какой признак фразеологизма считается существенным. Так, например, Н. М. Шанский считал «основным свойством фразеологизма воспроизводимость» [Шанский 1985: 20-21]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяли «тождество

номинативной природы слова и фразеологизма, утверждая, что фразеологизм, так же, как и слово, обозначает отдельный предмет или явление, за исключением пословиц и поговорок, которые описывают отношения между этими предметами или явлениями» [Верещагин, Костомаров 2005: 65].

В учениях С.Г. Гаврина, Ю.А. Гвоздарева, В.П. Жукова и В.Н. Телии универсальными признаками фразеологизма выступают воспроизводимость и устойчивость [Гаврин 1974; Гвоздарев 1988; Жуков 2011; Телия 2008].

В концепциях М.В. Никитина, В.М. Мокиенко и В.И. Шаховского ключевыми признаками фразеологических единиц являются экспрессивность и эмотивность [Никитин 2007; Мокиенко 2005; Шаховский 2008].

Как указывал В.П. Жуков, в разное время в качестве главных отличительных признаков фразеологизмов выдвигались «непереводимость на другие языки, образность, сочетаемость лексем и семем, внутрикомпонентные связи, идиоматичность, целостность номинации, характер отношения к окружающей действительности и т.д.» [Жуков 2006: 43].

Таким образом, в нашем исследовании мы учитываем следующие свойства фразеологизма: семантическую целостность, относительную устойчивость, номинативность, экспрессивность, образность, функционально-стилевую характеристику.

I.3. Понятие фразеологического значения

Фразеологическое значение выступает предметом многих исследований. Определение фразеологического значения усложняется различными подходами к пониманию ФЕ. Представляя собой особый пласт в номинативной инструментарии языка, фразеологическое значение выступает основой фразеологической системы. Впервые понятие «фразеологическое значение» появилось в исследованиях В.П. Жукова, А.М. Мелерович, Л.И. Ройзензона, А.В. Кунина и др. В их работах «предпринята попытка разграничения фразеологического и лексического значений, а также имеется объяснение

особого статуса фразеологического значения среди других явлений языка» [Жуков 2006; Кунин 1999; Мелерович 1979; Ройзенсон 1977].

Существуют многочисленные научные исследования, определяющие возникновение фразеологического значения и дифференциальных признаков фразеологического и лексического значений. Исследователи отмечают, что существуют разнообразные пути образования фразеологического значения. Вслед за А. В. Жуковым мы придерживаемся мнения, что «слова, входящие в состав ФЕ, деактуализируются в своем значении. При этом они теряют денотативную направленность, т.е. способность расчленяться на дифференциальные признаки» [Жуков 1978: 7].

Сопоставляя фразеологическое и лексическое значения, ученые выделяют основные параметры фразеологического значения. В частности, «значение отдельных компонентов ФЕ не определяет её значение в целом, тогда как в лексическом значении производное слово мотивировано семантикой мотивирующего слова» [Огольцева 2022].

В этой связи Л. И. Ройзенсон отмечает, что «слияние понятийного содержания с категориальным формирует фразеологическое значение, тогда как лексическое значение вмещает в себя словообразовательное, понятийное и категориальное значения» [Ройзенсон 1965]. Внутренняя форма фразеологического значения не является частью его семантики, в то время как содержание лексических единиц может входить в мотивирующий признак, что приводит к следующему: этимологическое значение в слове связано с основным значением, а во фразеологической единице они не связаны [Кунин 1970].

Указанные особенности делают создание цельного определения фразеологического значения достаточно сложным за счет его многогранности [Кругликова 1988].

Проблему фразеологического значения поднимала А.М. Мелерович. Она указывала, что «фразеологическое значение – это особый тип языкового значения, укрепившийся за устойчивым словосочетанием. Это значение так или иначе не связано с семантикой отдельных языковых элементов, которые

образуют его форму, в результате чего оно не распределяется непосредственно между словами, составляющими фразеологическую единицу» [Мелерович 1979:14].

Еще одной особенностью фразеологического значения в сравнении с лексическим заключается в том, что «фразеологические единицы, возникшие на основе смыслового преобразования уже существующих языковых знаков и их комбинаций, не отражают ту или иную предметную область» [Толикина 1970: 219]. Фразеологическое значение носит практический характер, а не номинативный. Отметим, что отличительной чертой семантики фразеологических единиц является оценочное отношение, эмоциональное или функционально-стилистическое основание. В свою очередь, А.И. Федоров ссылается на «наличие у фразеологических единиц особого фразеологического значения, состоящего из разных типов, а именно: образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа» [Федоров 1969: 15].

Таким образом, вслед за А. И. Черной, О. А. Бояровой, Т. А. Шепиловой мы определяем понятие фразеологического значения следующим образом: «это особая семантическая категория, которая представляет собой сложное семантическое целое, объединяющее несколько аспектов: денотативный (объем понятия), сигнификативный (содержание понятия), структурный, коннотативный и социальный аспекты» [Боярова, Черная 2004; Шепилова 2001].

Указывая на принадлежность ФЕ к разряду комплексных знаков, в частности, на их общность с производными словами, О.Б. Полянчук и А.Э. Черникова предлагают специфическую трактовку фразеологического значения. По их мнению, «фразеологическое значение представляет собой значение, которое выражает наиболее общее в семантике отношение между компонентами фразеологизма» [Полянчук 2013; Черникова 2015]. Например, во фразеологической единице *atougeux comme un moineau* – «непостоянный в любви» фразеологическое значение может быть описано как «обладающий признаком, похожим на обозначенное компаративной частью». Вслед за А. Э.

Черниковой мы устанавливаем связь эксплицитности фразеологического значения со степенью мотивированности и идиоматичности фразеологической единицы [Черникова 2015]. Таким образом, вслед за О.Б. Полянчук мы считаем, что «фразеологическое значение взаимосвязано с понятием идиоматичности, т.е. здесь подразумевается наличие или отсутствии выводимости семантики ФЕ из его компонентов» [Полянчук 2014].

Понятие идиоматичности является одним из ключевых в настоящем исследовании, поскольку оно способствует определению свойств как словообразовательного, так и фразеологического значения, позволяя установить уровень его прозрачности.

В нашей диссертации под идиоматичностью мы подразумеваем «семантическую характеристику фразеологических единиц, которая заключается в том, что значение целого языкового образования не может быть выведено из значений его составляющих частей» [Ермакова 1984].

Поскольку важное место в настоящем исследовании занимает вопрос о степени связанности элементов фразеологизма, мы учитываем, что «уровень связности составляющих элементов влияет на проявление идиоматичности в той или иной степени» [Волошкина 2009: 32].

Идиоматичность фразеологической единицы обратно пропорциональна ее мотивированности. Например, во фразеологическом сращении *regretter les sabots* – «влачить жалкое существование» можно отметить значительную степень идиоматичности, так как смысл всего фразеологизма не может быть понят из значений его отдельных элементов. Данная ФЕ также демонстрирует затемненную мотивацию. Таким образом, мы отмечаем низкий уровень мотивации и высокий уровень идиоматичности. Анализируя такие фразеологические единства, как *rire comme une baleine* – «сильно смеяться» или *malheureux comme un chien* – «несчастный», мы отмечаем следующие фразеологические параметры: частичную мотивацию и частичную идиоматичность, т.к. один из его компонентов взят в прямом значении (*rire*, *malheureux*), а другой в переносном (*une baleine*, *un chien*). Таким образом,

мотивированная часть ФЕ является неидиоматичной и, наоборот, идиоматичная составляющая оказывается немотивированной.

Мотивация и идиоматичность зависят друг от друга: при затемненной мотивации мы сталкиваемся со значительной идиоматичностью; при частичной мотивации степень выраженности идиоматичности также частичная. Эти параметры в данном случае симметричны. Понятие членимости сопряжено с понятием мотивированности: наиболее высокая степень мотивированности соответствует такой же высокой степени членимости. Таким образом, членимыми можно считать те фразеологические единицы, которые дают нам четкое представление о семантике компонентов, составляющих ФЕ.

Поскольку одной из наших задач является выявить композиционные особенности ФЕ, нам необходимо разграничить ФЕ по степени мотивированности КЗ, т.е. разграничить фразеологические единицы на мотивированные и немотивированные. Именно проявленная в них степень мотивированности свидетельствует о принадлежности ФЕ к группе фразеологических единств, либо фразеологических сращений.

Как уже указывалось ранее, КЗ являются производное слово и фразеологическая единица, мы считаем возможным применить предложенную О.Б. Полянчук схему взаимосвязей словообразовательных параметров к исследованию фразеологических единиц. Степени выраженности фразеологических параметров представлены в таблице 1.

Таблица 1. Степень выраженности фразеологических параметров.

№	Мотивация	Членимость	Идиоматичность	Фразеологическое значение
1	Полная	четкая	слабая	эксплицитно
2	Частичная	условная I степени	частичная	представлено в измененном виде
3	Затемненная	отсутствует	значительная	имплицитно

Проиллюстрируем данное положение на примерах.

а) При наличии частичной мотивации, условной членимости I степени, частичной идиоматичности, фразеологическом значении, представленном в измененном виде, мы имеем дело с фразеологическим единством [Черникова 2014]. Рассмотрим указанные параметры фразеологического единства на следующем примере: *être triste comme un bonnet de nuit* – «быть очень грустным», в котором представлена частичная мотивация, т.к. фразеологическое значение может быть выражено следующим образом: «быть похожим на то, что обозначает предмет», а также условную членимость I степени. Это доказывает, что степень идиоматичности в данном ФЕ частична, а фразеологическое значение представлено в измененном виде.

б) При наличии затемненной мотивации, отсутствии членимости, значительной степени выраженности идиоматичности, имплицитном фразеологическим значением речь идет о фразеологическом сращении [Черникова 2014]. Продемонстрируем параметры фразеологического сращения на следующем примере: *prendre la mouche* – «сердиться по пустякам». Лексические единицы данного фразеологического сращения полностью переосмыслены, из этого следует, что мотивация в данном случае затемненная, членимость на компоненты отсутствует, степень идиоматичности значительная.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сделать следующие выводы: степень выраженности мотивации в ФЕ обратно пропорциональна идиоматичности и прямо пропорциональна членимости, фразеологическое значение эксплицитно при полной мотивированности ФЕ и имплицитно при отсутствии мотивации.

I.4. Процесс фразеологизации как отражение динамики языка

Поскольку в центре нашего внимания оказывается не столько анализ уже существующего фразеологизма, сколько сам процесс фразеологизации, нам необходимо подробнее остановиться на характеристике его особенностей. Фразеологизация – это сложный лингвистический процесс с разнообразными

формами выражения. Вслед за А.В. Куниным под фразеологизацией мы понимаем «образование ФЕ и устойчивых сочетаний нефразеологического характера в результате постепенного приобретения теми или иными словосочетаниями всех элементов фразеологической устойчивости или устойчивости нефразеологического характера» [Кунин 1999]. По мнению Л. В. Ковалевой, результатом фразеологизации являются фразеологизмы или словосочетания и их составные части (слова), которые утрачивают свою исходную семантику, то есть десемантизируются [Ковалева 2004]. В данном случае мы имеем дело с динамическим аспектом теории фразеологии. Подходя к исследованию французских фразеологизмов с фразеолексой ЭСС с таких позиций, мы сможем изучить «семантические потенции базового компонента фразеологических единиц, проанализировать семантические аспекты его сочетаемости с другими составляющими фразеологизма» [Полянчук 2016].

Как указывалось выше, в настоящем исследовании мы изучаем ФЕ как КЗ, которые «выполняют целый ряд функций по отношению к объекту и элементам сознания: номинативную (называет объект), экспрессивную (выражает состояние сознания), сигнификативную (обозначает понятия), моделирующую (создает знаковый аналог ситуации), прагматическую (воздействует на человека), коммуникативную» [Кубрякова 2004].

С этих позиций в данной работе изучается степень интеграции компонентов ФЕ, включающих семантический компонент ЭСС. Говоря о фразеологизации, необходимо остановиться на явлении идиоматизации. Данное явление – обязательное условие фразеологизации, когда составляющие КЗ теряют свою самостоятельность, в результате чего значение целого фразеологического единства не прочитывается как сумма составляющих.

Наиболее общими чертами идиомы по Л.И. Ройзенсону являются 1) метафоричность, 2) обобщенно-оценочное значение, 3) семантическая цельность, 4) экспрессивность, 5) эмоциональность, 6) особая модальность и интонация [Ройзенсон 1977].

Необходимо отличать фразеологизацию от явления идиоматизации. Фразеологизация предполагает процесс трансформации свободного словосочетания в устойчивую структуру, в то время как идиоматизация – это результат, сопровождающий данный процесс. Не все фразеологические образования обязательно становятся идиоматическими. Идиоматичность характерна для фразеологических сращений и фразеологических единств. Поскольку наш интерес сосредоточен на исследовании процесса фразеологизации и выявлении степеней идиоматичности фразеологических единиц, мы, как было отмечено ранее, не рассматриваем фразеологические сочетания, которые не обладают достаточной степенью идиоматичности.

Таким образом, большинство ФЕ являются результатом переосмысления. Под переосмыслением понимается «любой смысловой сдвиг, приводящий к утрате собственного значения компонентов (или части компонентов) фразеологических единиц и к появлению у них нового значения, реализуемого лишь в данной единице» [Назарян 1987: 154]. Именно это понятие будет рассмотрено в параграфе I.4.4 в соответствии с анализом явления переосмысления как ключевого элемента в процессе образования фразеологической единицы с использованием таких приемов, как метафора и метонимия, которые и являются механизмами создания идиоматичности.

Иными словами, изучение фразеологизации сводится преимущественно к поиску собственно языковых источников или внутриязыковых факторов, обуславливающих возникновение особых – фразеологических – средств языковой системы как косвенных или вторичных средств языковой номинации. При этом заслуживает внимания тот факт, что наряду с лингвистическими выделяются и экстралингвистические факторы [Ройзензон 1973], влияющие на процесс образования фразеологизмов.

Лингвокультурологический подход к исследованию процесса фразеологизации позволяет учесть роль когнитивных факторов в образовании фразеологизмов, что открывает новые пути для изучения глубинной сущности этого явления и расширяет научное представление о нем [Токарев 2022; Толстых

2023]. Этот подход помогает прояснить, какое концептуальное содержание, став релевантным для процесса фразеологизации, отбирается из различных семиотических областей культуры и комбинируется для создания целостных концептуальных структур. Эти сложные концептуальные модели порождают фразеологические образы и семантику, то есть служат источником фразообразовательного процесса и потенциала конкретной языковой системы. Лингвокультурологический подход к изучению специфики формирования фразеологизмов не отвергает и не противоречит укоренившейся традиции рассмотрения фразеологизации как явления языка. Предлагаемая лингвокультурологическая реконструкция дополняет текущее представление о фразеологической номинации [Дадаева 2023; Зыкова 2015; Магомадова, Подуруева-Милоевич, Скуратов 2022].

В данной работе основное внимание уделяется лингвистическим аспектам формирования ФЕ. Тем не менее, некоторые аспекты лингвокультурологического подхода к фразеологии остаются важными для настоящего исследования, в частности такие, как, например, культурная обусловленность некоторых видов метафоры и метонимии, лежащих в основе процесса фразеологизации.

Затрагивая тему о динамическом аспекте фразеологии (см. подробнее глава 3), нам необходимо ответить на вопрос: *как образуется фразеологизм?*

В связи с этим нам необходимо обратить внимание на такие понятия, как семантическая композициональность и кореферентность ФЕ. Е.С. Кубрякова определяет кореферентные значения как «сочетающиеся значения, которые обязательно должны быть выявлены для правильной интерпретации комплексного знака» [Кубрякова 2002: 21]. Определяя понятие кореферентности относительно словообразования, О.Б. Поляничук уточняет, что «соблюдение правил кореферентности заключается в том, что в акте словообразования мотивирующее слово актуализирует ту часть значения, которая кореферентна значению определяемого слова» [Поляничук 2008]. С нашей точки зрения данное положение является релевантным и в аспекте фразеологии: речь идет о

корреферентности базового компонента и формирующей части с фразеолексой «эмоциональное состояние субъекта».

А. Н. Бертякова установила, что процесс фразеологизации включает в себя изменение семантической корреферентности фразеологических единиц. На начальном этапе этого процесса составляющие фразеологизмов остаются свободными в сочетании с другими элементами их дистрибуции, как и любые другие синтаксические единицы. Усиление семантической спаянности компонентов КЗ подразумевает начало процесса фразеологизации [Бертякова 2022].

Например, во фразеологическом единстве *mourir comme un chien* – «подохнуть, как собака, умереть в одиночестве» ФЧ *chien* способствует созданию идиоматичности фразеологического единства за счет актуализации семантических компонентов, корреферентных БК.

I.4.1 Когнитивные основы фразеологии

В современной лингвистике популярность когнитивных исследований благоприятствовала формированию нового когнитивного подхода к изучению фразеологии. Смещение акцентов в исследовании ФЕ, появление новых взглядов на традиционные вопросы все больше привлекает ученых-лингвистов.

С когнитивно-лингвистическим подходом тесно связано исследование ФЕ в динамическом аспекте. Данный подход основывается на разработке концепции ментальных процессов, представленных единицами различных языковых уровней. Ключевым понятием когнитивной лингвистики является ментальная репрезентация или мысленное представление о внешнем мире; оно основывается на положении, что «суть познания заключается в создании внутренних коррелятов внешних объектов и явлений, а также в воспроизведении их качеств и связей между ними [Poitou 1999; Sperber 1995].

Многие ученые констатируют, что «мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди

мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода и составляющими базу универсального предметного кода» [Выготский 1982; Горелов 2003; Горелов, Седов 2001; Жинкин 1958, 1982].

Вслед за В. И. Карасиком, С. Г. Воркачевым, Г. Г. Слышкиным, Г. В. Токаревым, И. А. Краевой, И. А. Стерниным, З. Д. Поповой и другими представителями лингвокультурологического подхода в изучении когнитивной лингвистики мы понимаем концепт как основную единицу мыслительной деятельности человека, отражающую сознание в целом [Бабушкин 1996; Воркачев 2004; Карасик 2002; Краева 2023; Попова, Стернин 2010; Слышкин 2000; Токарев 2003]. Упорядоченная совокупность концептов формирует концептосферу человека. Язык является одним из способов доступа к концептосфере и структуре концептов, которые представляют собой основные единицы мышления. Через язык возможно осознание и экспликация значительной части концептуального содержания сознания [Краева 2023].

Совокупность значений языковых единиц формирует семантическое пространство языка, где концепт является единицей концептосферы, а значение – единицей семантического пространства языка. Значение и концепт одновременно представляют собой явления мыслительной и когнитивной природы. Значение является частью концепта как мыслительной единицы, закреплённой языковым знаком для целей коммуникации [Воложанина, Барачевская 2024].

Концепт не всегда связан с определённым словом или другими языковыми средствами вербализации. Он может быть как вербализован, так и не вербализован. Причины вербализации или её отсутствия обусловлены исключительно коммуникативной значимостью концепта. Наличие или отсутствие вербализации не влияет на его существование в сознании как мыслительной единицы. В сознании присутствует множество невербализованных концептов, и значительная часть индивидуальных концептов не подлежит вербализации вообще [Дугарова 2024; Croft 2004].

Концепт может быть вербализован, в зависимости от коммуникативной необходимости, различными способами – лексическими, фразеологическими, синтаксическими и другими средствами. Вслед за Л. Г. Зубковой мы считаем, что «систематизация и семантическое описание этих средств позволяют выделить когнитивные признаки и классификаторы, используемые для моделирования концепта» [Зубкова 2000].

Концепт обладает следующими ключевыми характеристиками:

1. Он связан с ментальной, духовной, социальной или материальной сферой жизни человека.
2. Представляет собой совокупность образов предметов и ситуаций внешнего мира, которые могут быть как вербализованы, так и невербализованы.
3. Имеет связь с устоявшимися обычаями жизни и народными традициями.
4. Существует в языковом окружении человека.
5. Обладает сложной природой, отражая объективную и субъективную реальность в сознании и являясь продуктом когнитивного сознания.
6. Носит в себе информацию.
7. Существует как понятийная данность, представленная через оппозиции концептов [Степанов 2007].

Указывая на важность семантико-когнитивного подхода к исследованию явлений языка, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин пишут: «В процессе лингвокогнитивного исследования, руководствуясь методом семантико-когнитивного анализа, мы переходим от содержания значений к содержанию концептов на этапе когнитивной интерпретации, которая является основным этапом семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках чисто лингвистической семантики» [Бабушкин 2001; Попова, Стернин 2007].

Исследователи отмечают, что «наиболее целесообразным методом систематизации средств языковой репрезентации концепта является семантическое поле» [Алефиренко 2008; Арутюнова 1999: 181; Кириллова 2003; Попова, Стернин 2003: 77, 2006 и др.].

Большинство лингвокогнитологов [Воркачев 2004; Карасик 2004; Никитин 2007; Попова, Стернин 2006] выделяют в составе концепта три базовых структурных компонента, являющихся обязательной составляющей концептуальной структуры: образно-ассоциативный слой, информационно-понятийное содержание, интерпретационное поле [Попова, Стернин 2006], или прагматический слой [Алефиренко 2005: 162; Быкова 2014; Виноградов 1977; Воркачев 2004; Карасик 2004; Никитин 2007; Попова, Стернин 2003; Телия 2002; Хайруллина 2001].

Рассуждая о признаках концепта, стоит отметить такие его характеристики, как абсолютность (концепт включает в себя языковое содержание) и относительность (концепт рассматривается в связи с другими концептами) [Kleiber 2006]. В нашей работе мы исследуем относительные концепты, так как во фразеологических единствах и сращениях компоненты, вербализующие признак концепта ЭСС, взаимодействуют с другими признаками концепта сначала на этапе концептуальной, а затем фразеологической деривации.

Необходимо отметить, что процесс фразеологизации вслед за А.М. Мелерович можно охарактеризовать как «особый когнитивно-семантический процесс формирования и языкового выражения фразеологических концептов» [Мелерович 2008: 21]. Эту точку зрения поддерживает А.П. Бабушкин: «Фразеологический концепт, являясь когнитивной основой формирования фразеологического значения, обладает сложной многокомпонентной структурой. Динамические процессы, протекающие в концептах, отражают взаимосвязь между ментальным и вербальным уровнями» [Бабушкин 2001].

В процессе фразеологизации происходит взаимодействие нескольких концептов, в то время как в процессе концептуальной интеграции, на основе которой формируются фразеологизмы, особое внимание уделяется значимому признаку, который либо соотносится с одним из взаимодействующих концептов, либо возникает в результате их переосмысления [Ковалева 2004]. В его

вербализации этот признак является основным элементом метафорической переоценки, что способствует созданию различных типов фразеологизмов.

Анализ таких признаков, представленных на концептуальном, а затем на вербальном уровне, и является одной из задач нашего исследования.

Когнитивный аспект фразеологии связан, во-первых, с интерпретацией фразеологизма как результата слияния нескольких ментальных пространств и, во-вторых, как его реализации в определенной концептосфере или перемещение в другую концептосферу. Таким образом, современную фразеологию с когнитивной точки зрения следует рассматривать в следующем ключе: концептуализация ментальных пространств – вербализация исходных концептов средствами фразеологии – фразеологическая единица – значение – употребление [Сборошенко 2009].

В Н. Телия утверждает, что в «отличие от «традиционной» фразеологии, которая рассматривает ФЕ исключительно как часть языковой системы, когнитивный подход чаще всего определяет фразеологизмы с точки зрения языка-феномена. Фразеологизмы понимаются как «микротексты», в которых номинативное основание, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягивает все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, при их концептуализации, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия 1996:8].

В связи с этим по-новому осмысливается вопрос и о фразеологическом значении. Именно в рамках когнитивного подхода «значение фразеологизма начинает восприниматься не просто как конструкт, а как «достояние языкового сознания, реальный источник информации, работающий как единица языкового кода»; как макрокомпонентная структура, включающая в себя различные блоки информации; как многомерный информационный комплекс» [Алефиренко 2000, 2005; Телия 1996: 103]. Как отмечает В.Н. Телия, только при изучении всех типов информации, которую несет фразеологизм как языковой знак, возможно определить специфику фразеологического значения.

Рассматривая более подробно процесс фразеологизации, необходимо обратить внимание на его аспекты, связанные с концептуальной деривацией. Под концептуальной деривацией, вслед за Н.Н. Болдыревым, мы понимаем формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знака. Таким образом, концептуальная деривация является внешней по отношению к семантической или внутренней вербализованной деривации [Болдырев 2009]. Н.Н. Болдырев утверждает, что «формирование нового смысла происходит вследствие выделения одного из наиболее значимых признаков в рамках модели семантической деривации» [Болдырев 2009]. Рассматривая когнитивные механизмы, лежащие в основе семантической деривации, следует отметить, что «модель семантической деривации определяется моделью концептуальной деривации, демонстрирующей процесс формирования производного концепта» [Полянчук 2005].

Настоящее исследование предполагает рассмотреть такой тип концептуальной интеграции, в основе которого лежит процесс фразеологизации, отражающий вербализацию определенных когнитивных признаков средствами фразеологии. Процессы концептуальной деривации тесно связаны с познавательной деятельностью человека и должны изучаться в контексте основных познавательных процессов концептуализации и категоризации, которые являются их неотъемлемой частью. В основе концептуальной деривации лежит представление о ключевых уровнях концептуализации и категоризации объектов, а также о разной направленности этих процессов: конкретизация характеристик объектов базового уровня (формирование концептов и категорий субординатного уровня) и абстрагирование от этих характеристик, их обобщение (формирование концептов и категорий суперординатного уровня) [Rosch 1978]. В этих случаях концептуальная деривация подразумевает создание новых концептов и категорий как единиц знания конкретного или абстрактного характера. Формирование концептов и категорий базового уровня является результатом первичной концептуализации и

категоризации мира. Возникновение новых единиц знания происходит в результате вторичной концептуализации определённых характеристик концепта, их профилирования или конкретизации и оценки, что лежит в основе всех процессов формирования КЗ, в частности, ФЕ. Следует подчеркнуть, что сам факт концептуальной деривации и доминантный характер ее моделей в процессах формирования нового знания указывает на системный характер процессов концептуальной и фразеологической деривации [Shore 1997].

Исследование деривации как процесса и результата образования вторичных знаков в языке привело к мысли о необходимости применения определённых правил реконструкции акта деривации. В этом процессе важны такие факторы, как функционально-семантический сдвиг, который преобразует сам знак и отражает его регулярность/нерегулярность и мотивированность/немотивированность, характерные для внутренней деривации в отличие от внешней. Это требует изучения динамики семантических процессов в контексте изменяющейся картины мира, в частности, фразеологической. Исследователи отмечают необходимость создания моделей окружающего мира, которые отражают культуру народа, его систему ценностей, особенности восприятия мира, а также мироощущение и мирочувствование [Вендина 1999; Кравцов 2004; Кубрякова 1974].

Таким образом, семантическая и концептуальная деривация служит основным инструментом для категоризации и концептуальной инвентаризации явлений окружающего мира. Процессы семантической деривации как в отдельных словах, так и во фразеологизмах необходимо связывать с ментальными репрезентациями объектов, отражающими слияние различных ментальных пространств или концептуальную интеграцию смыслов [Болдырев 2009; Зализняк 2001]. В связи с этим представляется целесообразным детально рассмотреть особенности фразеологизмов с точки зрения композиционной семантики.

1.4.2. Особенности фразеологизации и основные характеристики ее этапов

Проблема фразеологизации актуальна из-за необходимости исследования специфических черт фразеологизма как языковой единицы. Поскольку нас интересует лексема (фразеолекса), обозначающая ЭСС в составе фразеологизма, важно подчеркнуть специфические особенности лексемы как вне фразеологической единицы, так и внутри неё. Значимым признаком слова является его семантическая самостоятельность, в то время как отличительной чертой слова с фразеологически связанным значением является его семантическая связанность. Определение семантики слова в составе фразеологизма требует особого внимания. Определение свободного значения слова типично для лексикографической практики. Не случайно Б.А. Ларин полагал, что, «если мы имеем лишь два-три варианта сочетаний с каким-нибудь словом, надо относить их к фразеологии, так как в таких случаях обычно нет четкой членимости, нет полной ясности значения слов» [Алехина 1972; Ларин 1954].

Фразеологически связанные значения слов лишают их номинативной функции. В данном исследовании мы стремимся определить долю семантики, внесенной компонентом фразеологической единицы, который обозначает ЭСС в общую семантическую структуру ФЕ. Потеря такими компонентами своей семантической самостоятельности препятствует словам с фразеологически связанными значениями проявлять другую важную черту обычных слов – сочетаемость с другими словами. Семантическая сочетаемость, имеющая логическое обоснование, вызывает трудности, связанные с объяснением ограниченной сочетаемости слов с фразеологически связанным значением. Такая особенная сочетаемость связана с идиоматичностью фразеологизма и представляет определенные сложности в выявлении семантики его компонентов [Мельчук 1960].

Поскольку нам необходимо исследовать композиционные особенности фразеологизмов, необходимо подробнее остановиться на понятии внутренней формы фразеоединиц. Внутреннюю форму можно рассматривать как основу и

одну из важнейших составляющих фразеологического значения. Существуют различные определения внутренней формы. Например, А.В. Кунин определяет данное понятие «как диахроническую связь фразеологического значения оборота и его этимологическое значение» [Кунин 1969: 72]. Согласно В.П. Телия «внутренняя форма фразеологизма – это «ассоциативнообразный мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке» [Телия 1986: 12]. В.В. Виноградов определял внутреннюю форму следующим образом: «Внутренняя форма фразеологизма – это лексико-семантическое содержание свободного словосочетания, на основе метафоризации которого возник фразеологизм, это тот изначальный образ, который позволил свободному индивидуальному словоупотреблению постепенно стать фразеологической единицей со своим собственным устойчивым значением» [Виноградов 2009: 184].

Внутренняя форма присуща всем ФЕ, однако она проявляется особенно ясно в тех случаях, когда значение можно легко вывести из структуры выражения, т.е. в сочетаниях с высокой степенью мотивации.

Понятие мотивации в контексте фразеологии тесно связано с понятием деривации в общем и фразеологической деривацией в частности. Термин «деривация», введенный Е. Куриловичем для описания процессов словообразования и разграничения лексической и синтаксической деривации, оказал влияние на понимание фразеологических явлений. Термин «фразеологическая деривация», введенный А. В. Куниным, получил широкое признание и стал использоваться даже в контекстах, не связанных непосредственно с лингвистическими явлениями [Кунин 1955; Курилович 1962].

Под деривацией в сфере фразеологии, вслед за Полянчук О.Б. и Черниковой А.Э., понимается «процесс создания фразеологических единиц на базе уже имеющихся в языке лексических единиц (будущих БК и ФЧ), принимаемых за исходные, с формальным и семантическим изменением их природы» [Полянчук 2005; Черникова 2015].

О.Б. Полянчук и А. Э. Черникова выделяют два вида фразеологизации: фразеологическая деривация и фразеосемантическая деривация [Полянчук, Черникова 2016]. Если значение фразеолексы присутствовало в языке до начала процесса фразеологизации, то речь идет о фразеологической деривации. Если же процес фразеологизации предполагает возникновение новых значений, не представленных ранее в анализируемой семантеме, то мы имеем дело с фразеосемантической деривацией. Например, во фразеологизме, выражающем ЭСС *méchant comme une teigne* – «злой как лишай», фразеолекса *méchant* сохраняет свою семантику эмоционального состояния в том виде, к какому она присутствует в словарной дефиниции (фразеологическая деривация). Напротив, фразеологизм *avoir un cafard dans la tête* – (букв. «иметь таракана в голове») – «быть ненормальным, быть не в своем уме» демонстрирует приобретение нового смысла в процессе фразеологизации (фразеосемантическая деривация).

Для более подробного объяснения понятия фразеологизации нам следует обратиться к концептуальной деривации, поскольку «семантика языковых единиц определяется процессами на концептуальном уровне и формируется за счет различных когнитивных операций» [Шемаева 2013: 11].

Концептуальная деривация является внешней стороной, тогда как модель семантической деривации представляет собой внутреннюю сторону по отношению к концептуальной деривации [Перелыгина 2017: 64].

В настоящей диссертации мы пользуемся моделью семантической деривации, которая определяется моделью концептуальной деривации, демонстрирующей процесс формирования производного концепта [Перелыгина 2017:64]. В нашем исследовании основой фразеологизации является тот факт, что совокупность семем компонентов свободного словосочетания, будучи переосмысленными, дает начало производному значению, которое словосочетание приобретает в процессе фразеологизации и которое семантически связано с семами компонентов, составляющих фразеоединицу. Здесь речь идет о ядерной семе модели фразеологизации. Вслед за Л.А. Илюшечкиной мы определяем ядерную сему как «дифференциальную сему,

которая представляет основной существующий признак в логической системе описания» [Илюшечкина 1983:10]. Так, например, во фразеологическом единстве *ennuyeux comme la pluie* (или *comme un jour de pluie*) – «прескучный; тоскливый, как осенний дождь» в качестве ядерной семы модели фразеологизации выступает компонент семемы *pluie* – «грусть».

Разграничение указанных видов фразеологизации обуславливает степень прозрачности фразеологического значения. В настоящей работе, как указывалось выше, понятие фразеологического значения имеет специфическую интерпретацию.

Как будет продемонстрировано далее, причины, определяющие структурные особенности компонентов фразеологических единиц при фразеологической и фразеосемантической деривации, обусловлены законами концептуальной интеграции. Из этого следует необходимость более детального рассмотрения основных положений композиционной семантики в рамках процесса фразеологизации.

I.4.3. Композиционная семантика как составляющая когнитивной лингвистики и ее специфические черты в аспекте фразеологии

Как известно, в рамках современной когнитивной парадигмы языкознания язык рассматривается как «поверхностная структура, отражающая структуры знания, с которыми работает когнитивная система человека во время восприятия и порождения речи [Абросимова, Редкозубова 2023; Кубрякова 2004]. Процессы категоризации и концептуализации охватывают и фразеологическую систему. Фразеологизм как КЗ подчиняется законам композиционной семантики. По мнению Г. Фреге, семантика КЗ представляет собой «композиционную функцию значений составляющих единиц и их взаимных отношений» [Фреге 1977].

С появлением когнитивной науки настает новый этап в понимании композиционной семантики. В частности, речь идет о проблемах организации

семантических структур у разных единиц языка, «которые исследуются как проблемы объективации этими единицами разных структур знания, как проблемы участия этих единиц в процессах концептуализации и категоризации мира» [Кубрякова 2002].

Говоря о композиционной семантике Б. Ю. Норман, отмечает: «Композиционная семантика – сравнительно новое направление в лингвистике, которое изучает комплексные знаки языка, как значения слов объединяются, создавая при этом более крупные объекты» [Норман 2019].

С когнитивной точки зрения, фразеологизм рассматривается как единица языка-феномена, микротекст, включающий в себя в виде свертки все типы информации. «Подобно тому, как в результате химического синтеза соединение нескольких элементов дает качественно новый элемент, во фразеологии значение ФЕ не равно сумме значений составляющих его частей, это не сумма смыслов, а новый смысл», – считает Е. С. Истрина [Истрина 1951: 83].

В последнее время понятие композиционной семантики, впервые введенное Г. Фреге, активно обсуждается в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов [Беляевская 2005; Кубрякова 2002]. Изначально это понятие использовалось Г. Фреге для описания предложений. В таком же контексте его применяет и Е. В. Падучева, отмечая, что «смысл целого формируется из смыслов частей. Однако, – подчеркивает она, – смыслы отдельных слов в составе предложения не просто «складываются» друг с другом: при объединении в единое целое неизбежно происходит преобразование смыслов частей» [Падучева 2004].

Большой вклад в развитие теории композиционной семантики внесли исследования Е. С. Кубряковой, проведенные в русле когнитивного подхода к анализу языковых явлений. По мнению Е. С. Кубряковой, принцип Фреге имел своей целью «объяснить природу семантики комплексных знаков, т.е. тех, которые по своей форме представляют собой «композицию» из нескольких готовых знаков языка, – их объединение и сочетание» [Кубрякова 2002: 52].

О. К. Ирисханова выделяет две основные идеи композиционной семантики. Первая заключается в том, что значение слова содержится не только в самом слове, но и в его партнерах по речевой цепи. Рассуждая подобным образом, можно утверждать, что значение слова находится за его пределами — в соседних словах, в контексте. Однако это означало бы определять одно неизвестное через другое, что было бы малопродуктивным для лингвистов. Поэтому не менее важна вторая идея: при выборе нужного значения и формировании смысла целого, адресат обращается к своей памяти — языковой и энциклопедической. Накопленный опыт играет решающую роль, позволяя «переварить» любые отклонения в сочетаемости [Ирисханова 2013].

В целом, пишет О. К. Ирисханова, «композиционная семантика основывается на когнитивном подходе к языковому значению, который предполагает, что в сознании человека активно взаимодействуют знания, связанные с языковыми единицами, и неязыковые знания, накопленные через практический опыт и представленные в концептуальных структурах. В этом случае практические знания, латентно присутствующие в семантике слова, реализуются в высказывании через взаимодействие («композицию») с другими словами. Эти другие слова как бы выбирают нужные элементы из всего семантического потенциала слова» [Ирисханова 2013].

Например, в слове *coq* «петух» наблюдается потенциальная сема «важный, главный», поэтому во фразеологическом единстве *le coq du village* – «важный, как петух» данная сема эксплицируется. В слове *sage* «мудрый, умный» присутствует сема «опытный, послушный», поэтому во фразеологическом единстве *sage comme une image* «послушный» репрезентируется признак «послушание».

Таким образом, мы убеждаемся в том, что свойство комбинаторики не случайно, оно закономерно отражает специфику концептуализации действительности. З. А. Харинтончик утверждает: «Разная комбинаторика слов — это убедительное свидетельство разной концептуализации, вычленения

неидентичных аспектов одного денотативного пространства» [Харитончик 2015: 110–111].

Подобного рода концептуализации имеет системный характер, что проявляется в таком явлении, как когнитивное моделирование. В частности, в случае фразеологизации первоначально актуализируется модель концептуальной деривации, в которой перспективизируется определенный признак одного из интегрирующих концептов (либо признак-результат их фузии), что впоследствии в процессе вербализации отражается в наличии модели фразеологической деривации [Кунин 1986]. Такая модель понимается в данном исследовании как схема, по которой происходит фразеологизация. Выявление таких моделей является одной из задач настоящего исследования.

Важным для нашего исследования является тот факт, что в результате реализации модели фразеологической деривации включаются синтагматические отношения, которые способствуют экстериоризации скрытых имплицитных семантических компонентов, которые нам предстоит выявить и классифицировать. Проводя исследование в данном направлении, мы опираемся на следующее высказывание Б. Ю. Нормана:

«Исследования в области композиционной семантики «вытягивают» на поверхность те знания, которые скрыты в значении лексемы, синтагматически связанной с первым словом, однако, одновременно выясняется, каким образом взаимодействуют между собой компоненты лексического значения, какие существуют предпосылки для актуализации сем, их экспликации или, наоборот, нейтрализации (погашения)» [Норман 2013: 205–207].

Анализ особенностей композиционной семантики во фразеологизмах, а также исследование соотношения интегративности и композиционности в их семантической структуре, составляет основную задачу нашей работы. В соответствии с этим, рассмотрим более подробно теорию концептуальной интеграции в аспекте фразеологии, которую в настоящее время активно исследуют как отечественные [Бабина 2003; Гончарова 2001; Ирисханова 2004;

Кубрякова 2004], так и зарубежные лингвисты [Coulson, Oakley 2000; Fauconnier, Turner 2002; Grady 1999; Sweetser 2000; Turner 1998].

Ученые считают, что каждая языковая единица рассматривается как результат действия когнитивных процессов [Кубрякова 1997], а «концептуальная структура, возникающая в результате мыслительной деятельности, претерпевает изменения, влияя на изменение значения языкового знака (слова, словосочетания, предложения, текста)» [Полянчук 2024].

В последнее время теория концептуальной интеграции ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier, Turner 1998: 133-187] помогает сделать новые важные шаги в разъяснении правил семантической композиции знаков и, как считает Е. С. Кубрякова, признать, что «при анализе каждой комплексной единицы необходимо выявить, как именно взаимодействуют (не складываются!) значения ее составляющих и какие типы взаимодействия наблюдаются в комплексных знаках разного порядка» [Кубрякова 2002а; 2002б].

Согласно этой теории «взаимодействующими сущностями выступают не только отдельные понятия, или концепты, сколько концептуальные домены, под которыми понимаются связные области концептуализации, на фоне которых определяется значение языкового выражения» [Fauconnier, Turner 2002; Fauconnier 2005: 1; Lakoff 1980:1, 2003: 203, 245; Langacker 1987: 547].

Таким образом, в основе анализа КЗ лежит теория концептуальной интеграции, основателями которой являются М. Тернер и Ж. Фоконье. Они предложили многопространственную модель (many-space model) метафоры, которая явилась альтернативой двухдоменной модели (two-domain model). В рамках этой теории «метафора основывается на взаимодействии двух концептуальных пространств – области цель и области источник». Однако «реальная структура знаний о мире, используемая в метафоре, не всегда позволяет строить и интерпретировать метафору только на основе этих двух пространств. Например, иногда знание более низкого уровня является общим для обоих пространств и служит посредником между ними. Часто результатом

метафоры становится новое концептуальное пространство, структурно возникающее из взаимодействия исходного и целевого пространств, но обладающее собственным концептуальным существованием» [Fauconnier, Turner 1998: 270; Rohrer 1997: 99-129].

Схема концептуальной интеграции, предложенная Ж. Фоконые и М. Тернером, предоставляет теоретическую основу для описания этих возможностей. В рамках этой схемы «два традиционных входных пространства (input spaces) дополняются двумя дополнительными: родовым пространством (generic space) и выходным смешанным пространством (blended space). Взаимодействие содержательных пространств приводит к концептуальному смешению. Два входных пространства (ВП 1, ВП 2) содержат прототипические черты концептов, которые участвуют в процессе интеграции» [Fauconnier, Turner 2002: с. 47].

В. Крофт и Д.А. Круз отмечают, что «входные пространства соотносятся с областью «источник» и областью «цель» в теории концептуальной метафоры» [Croft, Cruse 2004: 207]. Исследователи указывают, что «эти пространства комбинируются с помощью образно-схематического построения концепта и создают новое, независимое выходное смешанное пространство (ВСП) или бленд, которое несет в себе результирующую интегрированную структуру» [Fauconnier, Turner 1998:113-129].

Концептуальная интеграция является ключевой умственной способностью, которая помогает глубинному пониманию концепта. Она играет основополагающую роль в процессе формирования интегрированного значения [Sweetser 2000; Williams 2004]. Таким образом, теория концептуальной интеграции представляет собой значительный шаг вперед как в развитии интерпретации концептуальных метафор, так и в анализе отдельных метафорических выражений.

Рассматривая в данном контексте фразеологические единицы, следует воспринимать их как «результат концептуальной интеграции, как «застывший» продукт концептуального слияния ментальных пространств» [Заботкина 2007:

60]. Блендинг не выступает случайным набором неких концептуальных элементов исходных пространств, он есть новая структура, которая включает как специфические, так и новые элементы. Когнитивные процессы и механизмы восприятия информации и распределения внимания тесно связаны с особенностями зрительного восприятия мира и одновременно являются вербализованным результатом этого восприятия. Распределение внимания осуществляется через два взаимосвязанных механизма – фокусирование и дефокусирование [Ирисханова 2002].

Поскольку ФЕ является КЗ, в которой присутствует несколько компонентов, один из них находится в фокусе внимания, в то время как «остальные компоненты ФЕ затемнены или находятся в зоне дефокусирования» [Ирисханова 2002]. О.К. Ирисханова подчеркивает, что для освоения мира, в том числе через язык, важны не только механизмы фокусирования, но и когнитивные механизмы дефокусирования [Ирисханова 2002].

ФЕ подразделяются в соответствии с количеством и семантической значимостью их составных частей. Выделяются две крупные группы ФЕ: 1) с одной вершиной, которые имеют одну значимую составляющую: например, *de bas Breton* – «необтесанный, некультурный» (один фокус); 2) ФЕ, которые можно условно назвать двухвершинными и многовершинными (два фокуса), например, *être en rouge* – «быть в затруднительном положении» [Смирницкий 1955: 212].

Дефокусирование определяется как выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью различных языковых единиц. Существуют два подхода к понятию дефокусирования: узкий и широкий. В широком понимании дефокусирование рассматривается как естественное сопровождение фокусирования или как расфокусирование – распределение фокуса внимания на несколько компонентов ситуации, несколько свойств объекта, образование множественных фокусов. В узком смысле дефокусирование относится к тем языковым явлениям, которые основываются на осознанном подавлении определенных фрагментов (свойств, участников) конструируемых в дискурсе образов событий и объектов, которые

ранее находились в фокусе внимания говорящих или обычно выделяются языковой и речевой нормой [Ирисханова 2017].

Дефокусирование является необходимым условием существования лексической системы, т.к. осуществляет концептуальную компрессию и упаковывает сложные структуры знаний в компактные единицы языка, распределяя концептуальные элементы по степени выделенности, или степени салиентности [Ирисханова 2014: 7–15]. В данной диссертации мы рассматриваем процессы формирования фразеологизмов как комплексных знаков с акцентом на их статический и динамический аспект, придавая большое значение процессу фразеологизации. Специфичность процесса дефокусирования представляется наиболее существенной для нашего исследования, так как, данный процесс объединяет в себе элементы динамичности, что позволяет нам говорить о выведение из фокуса и статичности – закрепление в языковой системе.

Таким образом, в «процессе перехода от свободного словосочетания к ФЕ изменяется фокус внимания: некоторые элементы (компоненты) комплексного знака теряют свою значимость, перемещаясь во вторичный фокус или фон, т.е. можно утверждать, что процесс дефокусирования происходит и на концептуальном уровне» [Ирисханова 2014: 65-68].

Поскольку наряду с композиционной семантикой существует структурная, то нам предоставляется необходимым указать на отличие композиционной семантики от структурной.

Структурная семантика – раздел структурной лингвистики, посвященный описанию смысла языковых выражений и операций над ними. Структурная лингвистика имеет свои воззрения на язык, свои разработанные на их основе принципы получения знаний о языке и способы их экспликации, т.е. свой метод и свой метаязык, что и определяет ее статус как особого направления лингвистики. Принципы структурной семантики в обобщенном виде выглядят так: изучаются слова с более или менее абстрактным значением, обозначающие отношения, с целью разложения их значения на элементарные смыслы методами, которые структурная семантика считает объективными в силу «точности»

метаязыка [Апресян 1966: 99–107]. Границы объекта структурной семантики устанавливаются её строго рационалистическим методом. Это значимости, которые отражают лингвистически значимые свойства явлений. Внеязыковая действительность интересует структурную семантику лишь в той мере, в какой она воспринимается через призму этих значимостей.

Согласно А. Ж. Греймасу, структурная семантика руководствуется тремя методологическими принципами [Greimas 1996].

В отличие от подхода Р. О. Jakobsona, где неясно, как одни структуры языкового объекта располагаются относительно других, здесь иерархия уровней языка представлена четко: начинается с языкового объекта, затем используется язык для описания элементарных структур языкового объекта, далее используется язык для формирования операциональных понятий этого описания, и наконец, язык, который утверждает и определяет эти операциональные понятия. Это ясное представление иерархии уровней языка в рамках закрытого лингвистического пространства помогает выявить основные постулаты этой науки, включая то, что структуры, созданные на металингвистическом уровне, совпадают с имманентными структурами языка. Второй постулат или методологический подход связан с изменением уровня стратегического анализа: для анализа используются не слова (лексемы), а более глубокие структуры, специально созданные для этой цели. Третий постулат заключается в том, что единицы, которые в дескриптивной лингвистике называются лексемами и используются как слова в языковой практике, относятся к области проявления дискурса, а не к области имманентного. Слова, если использовать обыденный язык, имеют собственный способ существования, который отличается от существования этих структур. Все силы структурной семантики будут направлены на то, чтобы шаг за шагом реконструировать отношения, которые позволят выявить эти действия смысла в их всевозрастающей сложности» [Greimas 1996].

Структурная семантика стремится раскрыть семантическое богатство слов с помощью оригинального метода, который заключается в соотнесении

определённых вариантов смысла с классами контекстов. Таким образом, варианты смысла могут быть проанализированы в определённой перспективе, общей для всех контекстов, а также с учётом их контекстуальной изменчивости [Greimas 1996].

В свою очередь композиционная семантика позволяет взглянуть как на семантическую структуру слова, так и на место лексических групп (синонимов, антонимов и гиперонимов) в общей системе языка.

В соответствии с поставленными задачами можно отметить, что композиционная семантика – направление лингвистики, которое позволяет исследовать динамику формирования фразеологизма, выявить те семантические компоненты, которые подвергаются процессу дефокусирования или, наоборот, оказываются в семантическом фокусе, что позволяет определить роль семантики ЭСС в общей семантической структуре фразеологизма. Поскольку мы уделяем внимание семантике фразеолексы, обозначающей ЭСС, нам необходимо исследовать также и структуры всей семантемы, включающую данную фразеолексу. Следовательно, также необходимо обратиться и к структурной семантике.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее продуктивным для настоящего исследования является сочетание структурной и композиционной семантики.

1.4.4. Инструменты фразеологизации: метафора и сравнение

Метафора и сравнение выступают как особые когнитивные механизмы компрессии и кодирования информации, позволяющие с помощью «простоты схематизации» лучше понять мир [Дружинин, Песина 2016].

Роль метафоры в процессе фразеологизации неодинакова: в различных типах фразеологизмов она создает разную степень идиоматичности их значений. Однако следует отметить, что в процессе фразеологизации все компоненты фразеологизма переосмысливаются благодаря метафоризации, которая является

основой этого процесса [Ковалева 2004]. Поэтому эти два инструмента фразеологизации требуют более детального изучения.

Соотношение метафоры и сравнения — важный вопрос для понимания природы и механизмов образования метафоры, а также для объяснения многих глубинных языковых процессов. В нашем исследовании метафора рассматривается как превалирующий семантический и ментальный механизм процесса фразеологизации. Остановимся подробнее на основных характеристиках этого явления.

Метафора — слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака. Этот инструмент привлекал внимание еще Аристотеля. «Его универсальность проявляется в общей и характерной для всех индивидов процедуре сравнения» [Аристотель 1975-1984: 43, 62]. Метафора и сравнение являются основными инструментами, которые лежат в основе процесса фразеологизации. Благодаря им происходит частичное или полное переосмысление компонентов, составляющих ФЕ.

С позиций когнитивного подхода, анализируя идиоматические средства языка, неизбежно приходится обращаться к метафоре. Фразеологический образ, появляющийся посредством метафоризации структурирует значение фразеологической единицы [Сегал 2024].

В данном исследовании мы придерживаемся традиционного понимания метафоры как «вид тропа, употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений)» [Будаев 2007].

Среди всех тропов метафора занимает центральное место, поскольку она позволяет создавать выразительные образы на основе ярких и неожиданных ассоциаций. Метафоры могут быть основаны на сходстве самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения и т. д.

Американский лингвист Джордж Лакофф утверждал, что метафора, будучи и прозаическим, и поэтическим выражением, является неотъемлемой частью как повседневной речи, так и мышления [Лакофф 2008].

Использование метафор в обычной жизни позволяет пересматривать ситуации, а в процессе общения такие скрытые сравнения могут смягчить атмосферу и сделать ее менее формальной. Метафору также можно определить как замаскированное сравнение [Падучева 2004].

А. Вежбицкая, признавая ощущаемую на протяжении столетий близость между метафорой и сравнением, основанную на общем семантическом элементе «можно сказать», вместе с тем настаивает на положении, согласно которому метафора и сравнение различаются глубинными структурами: «Сказать, что метафора – это сокращенное, редуцированное сравнение», – сказать, что отличие между метафорой и сравнением не является семантическим; иначе говоря, приведенная классическая формулировка помещает отличие между метафорой и сравнением в поверхностную, а не глубинную структуру [Вежбицкая 1990: 142].

Н. Д. Арутюнова как будто бы не отвергает традиционную точку зрения, утверждая, что «в метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение» и «близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений. Исключение из сравнения компаративной связки как (подобно, точно, словно, будто, как будто) или предикативов подобен, сходен, похож, напоминает часто считается основным приемом создания метафоры» [Арутюнова 1990: 18].

Рассмотрим основные характеристики метафоры, на которые обращается внимание в современных публикациях.

В лингвистических трудах выделяют три основные трактовки, каждая из которых строится на предыдущей: «метафора как троп или фигура речи, метафора как специфическое проявление языковой номинации и метафора как когнитивная структура, обеспечивающая определенные механизмы мышления,

конструирования и опредмечивания знания» [Добровольский 1996; Жевайкина 2004; Левченко 2002; Филипенко 2001; Schulz 2002].

В языкознании метафора определяется как «механизм речи, состоящий в использовании слова, обозначающего определенный класс предметов или явлений, для характеристики или наименования объекта из другого класса либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1990].

Таким образом, предназначение метафоры для выразительности и красоты речи отходит на второй план, уступая место ее более практическому, «инструментальному» аспекту, подчеркивающему ее «механизм».

Лингвисты считают, что «привлечение таких понятий, как фрейм и гештальт при изучении метафоры с когнитивной точки зрения, является ключом к пониманию когнитивной сущности метафорического переноса» [Grady 2007; Molino 1979].

«Анализ механизма метафорического переноса фокусируется на выявлении скрытых промежуточных этапов, через которые мысль переходит от одной концептосферы к другой. В классической концепции метафоры такой перенос основывается на сходстве между двумя сущностями, что позволяет рассматривать его как скрытое сравнение: «одно в некоторой степени подобно другому» [Телия 1988]. А. Вежбицкая уточняет, что такой перенос может также пониматься как «скрытое отрицание» [Вежбицкая 1990]. Например, выражения «глаза – огонь» или «люди – свирепые львы» можно интерпретировать как «это не просто глаза, а огонь» или «это не просто люди, а свирепые львы» [Вежбицкая 1990: 147].

Н.Д. Арутюнова продолжает эту идею, утверждая, что «в структуре метафоры присутствует «скрытое противопоставление»» [Арутюнова 1990]. Важно подчеркнуть, что именно «скрытость» этих механизмов метафоры позволяет разнообразные их интерпретации.

Основная идея состоит в том, что «скрытые» компоненты метафоры присутствуют только в контексте метафорического употребления конкретного

слова, которое возможно благодаря наличию множества текстов на данном языке, где зафиксированы различные употребления этого слова в разных значениях, включая прямые и переносные значения [Осокина 2003: 94-99; Goalty 2007].

Важным аспектом является изучение непосредственного контекста, в котором употребляется метафора, поскольку вне контекста она существовать не может. Именно с таким явлением мы и сталкиваемся, когда речь идет о фразеологизации: в данном случае контекстом является новая ситуация, возникающая при соединении элементов «будущего» фразеологизма.

Употребление метафорических слов в устойчивых контекстах позволяет метафоре приобрести номинативную функцию. В.Н. Телия определяет метафору следующим образом: «Метафора, как и другие виды тропов, рассматривается как вторичная номинация, основанная на «ассоциациях по сходству или смежности между определенными свойствами элементов внеязыковой действительности, отраженными в уже существующем значении слова, и свойствами нового объекта, называемого через переосмысление этого значения» [Телия 1977]. Необходимость анализа метафорических отношений применительно к фразеологии подчеркивали Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, С. М. Кравцов [Гудков, Ковшова 2007: 90; Кравцов 2022]. Всё это дает основание говорить, что метафоры являются наиболее типичным механизмом фразеологизации.

Таким образом, в основе расширения концептуального поля ЭСС лежит процесс метафоризации, который является инструментом для актуализации и выражения признаков данного концепта в процессе создания фразеологизмов.

I.4.5. Связь ментальных и вербальных механизмов фразеологизации

Языковая картина мира – это такое образование, которое всегда участвует в постижении мира и дает знания об окружающей действительности. Ее можно назвать сеткой, которую накидывают на восприятие человека, влияющей на его оценку и видение различных ситуаций и событий сквозь призму языка, а также

приобретенного вместе с ним опыта, который включает не только огромное количество единиц номинации, но и правила их функционирования и образования [Кубрякова 1997]. Наиболее ярко образное представление мира отражено во фразеологическом фонде языка. Фразеологический образ как ментальная конструкция формируется в процессе приобретения новых знаний о мире или осмысления уже имеющегося опыта познания» [Баско 2017].

В нашем исследовании требуется не только определить фразеологизмы как КЗ, но и подробно рассмотреть, как основные ценности и элементы культуры могут быть переданы вербально через фразеологизмы.

Анализируя данную проблему, Н.А. Новикова исходит из того, что фразеологизмы отражают основные нравственные ценности человека и определяют национальную специфику этической стороны его жизни [Новикова 2004: 234]. Можно утверждать, что ФЕ созданы не столько для описания мира, сколько для его интерпретации, оценки и выражения субъективного отношения к нему.

В. А. Маслова называет фразеологизмы носителями культурной информации, которые позволяют проникнуть в глубины народного духа и его культуры. Они всегда отражают определенные стереотипы и эталоны, значимые только для данного общества [Маслова 2004: 74]. Схожего мнения придерживается В.Н. Телия, которая отмечает, что «в языке закрепляются и фразеологизируются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996: 215].

Следует отметить, что «различные типы фразеологизмов отражают культуру по-разному. Те, у которых денотативный аспект играет значительную роль, более понятны и объяснимы с культурной точки зрения. Значения таких фразеологизмов сформировались с учетом значений входящих в них слов» [Малкина 1996].

Имеются также фразеологизмы с образно-эмотивной основой, где важную роль играет образное начало. Формирование этих фразеологизмов происходит на протяжении длительного времени: сначала возникает прототипическая ситуация, соответствующая прямому значению фразеологизма, затем за ней закрепляется конкретное содержание, которое впоследствии переосмысливается, образуя внутреннюю форму, несущую основную культурную информацию [Добровольский 2008; Зыкова 2022]. Таким образом, «процесс формирования фразеологизмов, включающий отбор образов, отражает связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем проявляется в коннотациях, которые показывают связь образной основы с культурой» [Маслова 2004: 83-84].

Учёные по-разному трактуют фразеологическую образность с точки зрения когнитивной деятельности человека. Такие как Дж. Лакофф, Р. Гиббс и О'Бриен рассматривают её как «результат закрепления в языке конкретных виртуальных представлений о мире» [Gibbs 2016].

Д.О. Добровольский считает, что «ментальная природа фразеологической образности довольно субъективна и неустойчива, что затрудняет определение её мотивированности». Он утверждает, что следует говорить лишь о тех образах, которые получили закрепление в языке: «Для лингвистического описания семантики идиом, – отмечает он, – интересны только те элементы ментального образа, которые находят выражение в языке» [Добровольский 1996].

«Под фразеологическим образом следует понимать, – пишут Р.Х. Хайруллина, М. Айчичек, А. Бозташ, – возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [Айчичек, Боздаш, Хайруллина 2010].

Национально-культурная специфика фразеологии обусловлена прежде всего культурно маркированными ассоциациями. Эти ассоциации возникают при осмыслении образа жизни народа, окружающей природы, традиций, обычаев и верований. Представители различных лингвокультурных сообществ

воспринимают объекты мира через призму культурно маркированных коннотаций и ассоциаций, так как коллективный опыт миропонимания влияет на контекст восприятия носителей языка [Хайруллина 2012: 58].

«Национальное восприятие мира, выраженное через фразеологические образы, может варьироваться в смысловой интерпретации в зависимости от культурных и ментальных особенностей нации, несмотря на одинаковую языковую форму» [Кравцов 2004].

Таким образом, «фразеологические образы обладают сложной ментальной природой и формируются через осмысление человеком окружающего мира, конкретных жизненных ситуаций и накопленного опыта. Языковое выражение фразеологических образов, с одной стороны, универсально благодаря универсальности самой языковой системы, а с другой стороны, оно носит национально специфический характер, так как оценочно-когнитивный опыт приобретается в контексте национального культурно-исторического развития народа. Поэтому фразеологические образы могут быть уникальными. Сочетание универсального и этнического в образном представлении мира придает фразеологической картине мира каждого народа неповторимый характер» [Буянова 2017].

В настоящее время «приоритетными направлениями в лингвокультурологии являются исследования культурных концептов как ключевых элементов культуры, в которых отражены мировоззренческие особенности этноса, а также лингвокультурный анализ ФЕ» [Карасик; Слышкин 2001]. «Сфера этносознания включает в себя константы культуры – относительно стабильные концептуальные структуры, которые передают культурно-ценностную информацию и воплощены в знаковых продуктах культуры, в том числе во ФЕ» [Слышкин 2000]. «Знаковая специфика фразеологизмов заключается в том, что они не только называют обозначаемое, но и характеризуют его, дополняя и обогащая номинативные элементы языка эмоционально-экспрессивными средствами, а также компонентами, способными описать такие детали обозначаемого, которые выходят за рамки лексической

номинации» [Баранов, Добровольский 2008; Кравцов 2008]. Это объясняется тем, что язык и культура составляют единое целое, являясь когнитивными инструментами познания действительности.

Концептуальная картина мира абстрактна, так как она представляет собой совокупность идей и знаний об окружающей среде и её организации. Языковая картина мира, в свою очередь, является конкретным продуктом выражения этих знаний при помощи определённых языковых средств [Кубрякова 1997]. Она отражает представления, верования, стереотипы, концепты и понятия, составляющие концептуальную картину мира. Компоненты концептуальности активно проявляют себя в лексическом значении, являются реальными элементами языкового сознания и языковой компетенции, находят отражение в речи, влияют на семантические варьирования языковых средств в синхронии и семантическое развитие в диахронии, а также оказывают значительное влияние на сочетаемость и ассоциативные связи языковых единиц» [Ляпин 1997].

Необходимо отметить отличие коннотации во фразеологии от коннотации в лексике. В лексике коннотация накладывается на денотативное значение, в то время как ФЕ изначально создаются через непрямую номинацию или глобальную семантическую «перестройку», приобретая коммуникативную значимость, которая сразу же является оценочной и характеризующей. Поэтому «с момента создания ФЕ важным признаком её семантики становится наличие коннотативного компонента, который входит в структуру фразеологического значения наряду с денотативным и сигнификативным компонентами как центральный элемент значения» [Гладко 2024]. Наиболее ярко такой компонент значения лексемы проявляет себя при фразеологизации на базе фразеолексы, обозначающей эмоциональное состояние субъекта, что и послужило основанием для ее выбора в качестве объекта нашего исследования.

Мы придерживаемся точки зрения, что «менталитет носителя языка придаёт вербальному выражению осмысленность в рамках определённой концептуальной системы, что включает также понимание национально-

культурного значения фразеологизма в контексте личного смысла» [Буянова 2015].

Таким образом, механизм этнокультурной ментальной системности строится на взаимодействии между языковыми и мыслительными процессами и национальными концептуальными системами. С одной стороны, этот механизм включает языковые аспекты (способы внешнего выражения мысли), а с другой – регулирует содержательный аспект порождения речевого высказывания (довербальные уровни процессов формирования мысли).

Фразеология занимает одно из значимых мест в языковой картине мира, активно участвуя в создании её национально-специфического своеобразия. Следует отметить, что различные культуры по-разному относятся к проявлениям положительных и отрицательных характеристик человека. Во французской фразеологии эти характеристики играют существенную роль, представляя важную информацию о национальном характере и менталитете. Черты характера отражают особенности состояний, психологических процессов, темперамента и поведения индивида, что влияет на его взаимодействие с обществом и окружающей средой. Положительные качества человека обычно принимаются и поддерживаются в обществе, тогда как отрицательные качества стремятся искоренить. Однако разделение между этими группами условно и определяется общественными устоями, нравственностью и моралью [Кравцов 2004].

Образ человека, запечатленный во французской фразеологии, связан с важными для данного этноса аспектами жизнедеятельности. Их значимость определяется соответствием системе ценностных отношений, лежащих в основе этнокультуры.

При анализе фразеологической семантики французского языка, относящейся к положительным и отрицательным эмоциональным состояниям человека, мы отмечаем, что в ней интегрированы результаты отражения объективной действительности и субъективного отношения к ней носителя определенного национального менталитета.

Выводы по I главе

Обобщая основные теоретические положения, исследованные в данной главе, мы приходим к выводу, что для дальнейшего исследования, проводимого в указанном направлении, необходимо учитывать следующее:

1. Фразеологизмы являются сочетанием слов, т.е. раздельнооформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, обладающими фразеологическими значениями.

2. ФЕ представляет собой комплексный знак, компоненты которого вступают в целый ряд сложных отношений, изучение которых требует специального подхода. Такой подход связан с комплексным анализом объекта исследования, в частности, подразумевается сочетание методов и закономерностей, разрабатываемых целым рядом лингвистических направлений.

Наиболее эффективным является исследование таких отношений с позиций композиционной семантики. В этой связи важными оказываются такие понятия, как семантическая интеграция и семантическое дефокусирование. Данные процессы связаны с явлениями перспективизации определенного семантического признака, композициональности комплексного знака и кореферентности его составляющих. Если рассматривать ФЕ как комплексный знак, необходимо учитывать, что ее формирование и дальнейшее развитие подчиняется законам, свойственным всем комплексным знакам.

Исходя из этого, мы опираемся на закономерности, проявляющиеся при образовании производного слова, в частности:

а) в процессе фразеологизации актуализируются типовые отношения, присущие взаимодействию ономазиологического базиса и ономазиологического признака. Поскольку в данном процессе присутствуют формальные и семантические изменения, приводящие к изменению статуса исходных единиц, мы используем понятие «деривация» применительно к фразеологии;

б) ключевыми характеристиками фразеоединицы являются идиоматичность и мотивированность. Данные характеристики выявляются в соответствии с наличием нескольких степеней их выраженности, которые необходимо учитывать при исследовании процесса фразеологизации;

в) для верификации степени идиоматичности фразеоединицы необходима специфическая трактовка понятия «фразеологическое значение». Такая трактовка подразумевает разграничение понятий «фразеологичность» значения, которое понимается как его идиоматичность и само «фразеологическое значение», которое выводится по аналогии с процедурой выведения словообразовательного значения и имеет несколько степеней выраженности (либо оказывается имплицитным).

3. Важным теоретическим положением, необходимым для данного исследования, является критерий дифференциации процесса фразеологизации. Мы разграничиваем фразеологическую и фразеосемантическую деривацию. Критерием такого разграничения является наличие семантического сдвига, выявляемого до либо после процесса фразеологизации. В частности, если одна или более фразеолексы используется в производном значении (например, одна из семем многозначной фразеолексы), речь идет о фразеологической деривации. Если же семантическое развитие сопровождает процесс фразеологизации, то мы имеем дело с фразеосемантической деривацией. Таким образом, фразеологизация является общим термином, а фразеосемантическая и фразеологическая деривация – ее разновидностями.

4. Мы принимаем также и специфическую трактовку явлений статики и динамики. В частности, речь идет о динамике и статике семантики фразеологизма: к области статики мы относим фразеологическую деривацию, а к области динамики – фразеосемантическую.

Динамический аспект нашего исследования позволяет анализировать закономерности формирования фразеологизмов, специфику механизмов фразеологизации, которые приводят к возникновению фразеологических единств и сращений, а также изучать семантические модели фразеологизации и

изменения семантики компонента «эмоциональное состояние субъекта» в процессе фразеологизации.

5. Необходимо также отметить особый статус фразеологизма, который мы определяем в соответствии с предложенными ранее исследователями в области фразеологии терминами «базовый компонент» и «формирующая часть». Данные структуры фразеоединицы с позиций деривационной ономазиологии соответствуют ономазиологическому базису и ономазиологическому признаку.

6. Классификация фразеологизмов по семантическому принципу, предложенная В.В. Виноградовым, является опорным моментом в настоящем исследовании, поскольку мы считаем целесообразным использовать системный подход, позволяющий разграничивать фразеологические единства и фразеологические сращения, обладающие различной степенью идиоматичности.

7. В исследовании необходимо учитывать взаимосвязь между закономерностями семантического, структурного и когнитивного уровней. Мы понимаем процесс фразеологизации и сопровождающий его процесс семантической интеграции как поверхностные структуры, опирающиеся на глубинные структуры. Последние представляют собой процессы концептуальной интеграции, связанные с перспективизацией определенного концептуализируемого признака.

8. Процесс фразеологизации является системным и предполагает наличие определенного алгоритма (структурного и семантического), что выражается в наличии модели фразеологической (либо фразеосемантической) деривации. В процессе актуализации такой модели важную роль играет ядерная сема модели фразеологизации, которая понимается как смысловой компонент, на котором базируется полное или частичное переосмысление фразеологизма. Механизмом фразеологизации является метафоризация, которая предполагает изменение архисем фразеолексы в свободном и связанном употреблении, а также перегруппировку дифференциальных сем. В данном процессе значимой оказывается роль потенциальных компонентов значения фразеолексы, что

указывает на необходимость исследования моделей экстерииоризации сферы латентности.

9. Процесс фразеологической деривации тесно связан с концептуальной деривацией, что позволяет выделить во фразеологизме ядерную семантику, актуализирующуюся в процессе фразеологизации. В рамках теории композициональной семантики ядерная сема фразеологической деривации представляет наибольший интерес для нашего исследования.

10. Основным инструментом фразеологизации является метафора, которая активизирует имплицитные семы в процессе механизма фразеологизации, что и является одной из задач нашего исследования.

Глава II. Особенности фразеологических единиц, обозначающих положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта в статическом аспекте исследования

Прежде чем приступить к описанию статического аспекта исследования, необходимо уточнить наш подход к пониманию данного аспекта. В настоящей работе мы, вслед за О.Б. Полянчук, предлагаем специфическую интерпретацию термина «статика» [Полянчук 2009]. В частности, речь идет не о каком-либо «застывшем» состоянии лексической или фразеологической единицы, а об отсутствии в определенной мере значимых семантических изменений фразеолексы, сопровождающих процесс фразеологизации. Другими словами, в данном случае можно говорить о статике (или динамике, гл. III) семантики компонентов ФЕ. Такое явление возможно при использовании в процессе фразеологизации либо уже «готовой» фразеолексы, не претерпевшей семантических изменений, либо претерпевшей их до начала процесса фразеологизации. Кроме того, говоря о статике, мы сосредотачиваем внимание на фразеолексе (БК или ФЧ), обозначающей ЭСС. Семантические изменения, которые могут происходить с другими компонентами фразеологизма, безусловно, отражают его динамику, но выходят за рамки данного исследования. Таким образом, понятие «статика» рассматривается в диссертации как отсутствие семантических изменений в процессе фразеологизации на базе лексемы «эмоциональное состояние субъекта».

Именно поэтому в нашем исследовании, направленном на всестороннее изучение композиционной семантики ФЕ, необходимо проанализировать базовые лексические единицы, играющие ключевую роль в этом процессе. Иными словами, нам необходимо изучить семантические особенности «будущего» базового компонента, в том числе, его потенциал. Как мы увидим далее, именно эти особенности определяют направление процесса фразеологизации, приводящее к образованию фразеологических единств или

фразеологических сращений, а также влияют на степень идиоматичности полученных конструкций.

Исследуя семантические особенности элементов фразеологизмов в их свободном употреблении, мы стремимся выяснить, какие именно семантические характеристики этих элементов проявляются при формировании фразеологических единиц. Мы также анализируем, какие семантические компоненты базового элемента входят в ядро или периферию лексико-семантического микрополя «эмоциональное состояние субъекта» и какие из них становятся ядерными семами в модели фразеологической деривации. В терминах когнитивной лингвистики речь идет о выборе концептуализируемого признака (термин Н.Н. Болдырева) [Болдырев 2001], входящего в состав микроконцепта «эмоциональное состояние субъекта».

В этой связи задачами главы являются:

- 1) классификация исследуемых ФЕ по семантическому принципу;
- 2) описание фразеосемантических параметров изучаемых ФЕ и выявление релевантных признаков, позволяющих разграничить статические и динамические процессы фразеологизации;
- 3) типологизация семантики фразеолекс в рамках статики;
- 4) описание семантики фразеолекс, обозначающих эмоциональное состояние субъекта в свободном и связанном употреблении;
- 5) конструирование лексико-семантического микрополя «эмоциональное состояние субъекта» и выявление его ядерных и периферийных зон.

II.1. Классификация фразеологических единиц по семантическому критерию

Целью настоящего параграфа является классификация фразеологизмов с компонентом ЭСС на основе семантической классификации В.В. Виноградова [Виноградов 1986]. В этом параграфе мы различаем фразеологические единства и фразеологические сращения, содержащие семантический компонент ЭСС. Это необходимо для решения такой задачи исследования, как установление причин,

определяющих направление процесса фразеологизации. Именно поэтому важным для нас является разграничение фразеологических единств и фразеологических сращений как результата данного процесса.

Мы поставили задачу проследить, как лексическая единица, вербализующая концепт ЭСС, образует фразеологизм в сочетании с другими единицами, а также определить её роль и степень сохранения ее семантики во фразеологических единствах и сращениях. В фразеологических единствах степень спайки компонентов (степень семантической интеграции) значительно ниже, чем во фразеологических сращениях, где можно говорить только о значении ФЕ в целом. В свою очередь, в рамках фразеологических единств можно подробно рассматривать изменения семантики отдельно взятой фразеолексы под воздействием внутреннего и внешнего синтаксиса.

Проанализировав 1450 примеров ФЕ и более 2000 словарных единиц, репрезентирующих ЭСС – «будущих» фразеолекс в свободном употреблении (исходные и производные значения), мы пришли к выводу, что процесс фразеологизации включает различные степени выраженности фразеологического значения, что объясняет наличие двух основных типов фразеологических единиц: фразеологических сращений, например: *suer les grosses gouttes* – а) лезть из кожи вон, стараться изо всех сил и б) приходить в состояние крайнего беспокойства; *couper bras et jambes* – «парализовать от удивления»; *boire au (petit) lait* – «с удовольствием слушать похвалы в свой адрес» и др. и фразеологических единств, например: *être (rester) de glace* – «быть (оставаться) холодным, безучастным»; *ne pas sentir d'aise* – «не чувствовать под собой ног от радости»; *ne pas se tenir de joie* – «быть вне себя от радости» и др. Соответственно, основные параметры, характеризующие эти группы, существенно различаются, что будет представлено в ходе исследования.

В частности, мы можем проследить чёткую членимость по модели фразеологизации во фразеологическом единстве *à coeur ouvert* – «с открытой душой», выделив его компоненты: «*à coeur*» – БК, взятый в переносном значении, «*ouvert*» – ФЧ. Подобной относительной прозрачности значения

невозможно обнаружить в сращениях, поскольку они являются целостными, неделимыми по своей структуре, высоко идиоматичными образованиями, например, *suer les grosses gouttes* – «лезть из кожи вон, стараться изо всех сил», «приходить в состояние крайнего беспокойства».

Частичная степень идиоматичности просматривается на примере фразеологического единства *dur comme une pierre* – «холодный, бесчувственный», где инструментом фразеологизации служит метафора; переосмысливается компонент «*pierre*», в данном случае он берется в своем переносном значении – «безразличный». Что касается фразеологических сращений, то переосмыслению подвергается вся идиома полностью, например, *devenir chèvre* (разг.) – «проявлять нетерпение, психовать, беситься».

Компоненты фразеологического единства обладают высокой степенью семантической кореферентности. Другими словами, семантика базового компонента сохраняет определенную независимость. Степень интегративности фразеологического единства невысокая, но повышенная, так как значение базового компонента сочетается со значением формирующей части, но при этом базовый компонент остается относительно семантически автономным. Например, *éclat de la jeunesse* – «красота молодости». Здесь БК *éclat* является семантически самостоятельным, степень его интеграции с компонентом «*de la jeunesse*» минимальна. Что касается фразеологического сращения, то семантика идиомы переосмыслена полностью, создается новое значение, например, *faire quatorze lieues en quinze jours* – «быть тяжелым на подъем».

Следует отметить, что в нашем исследовании понятие «фразеологическое значение» приобретает специфическую трактовку и должно быть четко разграничено с понятием «фразеологичность значения фразеологической единицы (ФЕ)». Например, во фразеологическом единстве мы можем выявить фразеологическое значение, например, *avoir peur de son ombre* – «бояться собственной тени, быть робким, забитым» имеет фразеологическое значение «бояться того, что обозначено ФЧ».

Во фразеологическом сращении, напротив, фразеологическое значение не выражено явно, оно имплицитно, например, *lâcher ses foudres* – «выплескивать свой гнев, бурно негодовать». Таким образом, мы можем обобщить различия основных фразеосемантических параметров фразеологических единств и фразеологических сращений.

Таблица 2. Сопоставительные характеристики фразеологических единств и фразеологических сращений.

Фразеологические единства (ФЕ)	Фразеологические сращения (ФС)
1. Четкая членимость по модели фразеологизации.	1. Отсутствие членимости.
2. Частичная степень идиоматичности	2. Значительная степень идиоматичности
3. Семантика базового компонента (БК) сохраняет независимость от семантики формирующей части (ФЧ).	3. Семантика БК и ФЧ переосмыслена в рамках всего сращения и выступает как компонент лексического значения.
4. Фразеологическое значение эксплицитно, представлено в измененном виде.	4. Фразеологическое значение имплицитно.
5. Повышенная степень концептуальной и семантической интеграции.	5. Высокая степень концептуальной и семантической интеграции.
6. Отсутствие или низкая степень семантического дефокусирования (2 фокуса)	6. Высокая степень семантического дефокусирования (1 фокус)
7. Повышенная степень кореферентности	7. Пониженная степень кореферентности

Для более подробного рассмотрения ФЕ мы делим фразеологические единства на две группы: 1) фразеологические единства, в которых семантический компонент ЭСС является БК и 2) фразеологические единства, в которых семантический компонент ЭСС находится в ФЧ.

Классификация ФЕ по семантическому принципу, осуществленная на взаимодействии БК и ФЧ продемонстрирована в таблице 2, где представлено несколько примеров для семантического микрополя ЭСС.

Таблица 3. Классификация фразеологических единиц по семантическому принципу.

	фразеологическое единство		фразеологическое сращение
семантический компонент «положительные/отрицательные характеристики субъекта»	в составе БК	в составе ФЧ	—
<i>une joie</i> «радость»	<i>joies de mariage</i> «кратковременные удовольствия»	<i>être à (dans) la joie de son cœur</i> «радоваться всем сердцем, веселиться от души»	<i>se lécher (s'en lécher, se pourlécher) les babines</i> (разг.) «облизываться от удовольствия»
<i>une patience</i> «терпение»	<i>la patience vient à bout de tout</i> – «терпение и труд все перетрут»	<i>exercer la patience</i> – «испытывать терпение»; <i>prendre en patience</i> – «терпеливо сносить; терпеливо относиться к чему-либо».	<i>ronger son frein</i> – «проявлять нетерпение; с трудом сдерживать себя (от нетерпения, гнева)
<i>une bonté</i> «добродота»	<i>être bon comme du pain</i> – «быть очень добрым»	<i>avoir des bontés pour qn</i> – «питать к кому-либо слабость»	<i>ne pas faire de mal à une touche</i> – «быть по натуре добродушным, безобидным»
<i>une colère</i> «гнев»	<i>colère blanche (bleue, jaune, rouge, noire)</i> – <i>ярость</i>	<i>dans le feu de sa colère</i> – «в пылу гнева»	<i>prendre feu et flammes</i> «метать громы и молнии»
<i>une peur</i> «страх»	<i>peur bleu</i> «панический страх»	<i>avoir la peur au ventre</i> – «смертельно испугаться, перепугаться на смерть»	<i>donner (foutre) les chocottes</i> (прост.) «пугать, нагонять страх»
<i>un mensonge</i> «ложь»	<i>mensonge joyeux</i> – «невинный обман»	<i>prendre qn en mensonge</i> – «уличать кого-то во лжи»	<i>mettre en plein jour</i> – «вывести на чистую воду, уличить в обмане»

Рассмотрим приведенный выше пример лексической единицы *la joie* – «радость». Исследуемая семема представлена во фразеологическом единстве *joies de mariage* – «кратковременные удовольствия» в составе БК (где *joie* – БК, а *mariage* – ФЧ); в составе ФЧ *être à (dans) la joie de son cœur* – «радоваться всем сердцем, веселиться от души» (в котором БК представлен глаголом *être*, а семантический компонент «радость» находится в ФЧ – «*la joie de son cœur*»).

Также семантический компонент *joie* представлен во фразеологическом сращении *se lécher (s'en lécher, se purlécher) les babines (разг.)* – «облизываться от удовольствия», в котором семантика анализируемого компонента настолько «спаяна» с семантикой других компонентов, что ее невозможно эксплицировать таким же образом, как во фразеологических единствах.

Отметим, что все указанные семантические изменения опираются на соответствующие ментальные процессы. В этой связи нам необходимо подробнее остановиться на исследовании концепта ЭСС.

II.2. Содержание концепта «эмоциональное состояние субъекта»

В нашей работе в качестве объекта исследования выбраны ФЕ с компонентом, обозначающим ЭСС, в которых в процессе фразеологизации актуализируются признаки, связанные с различными качествами человека, такими как его поведение, характер, эмоции и другие аспекты.

Перед тем как обозначить группу интересующих нас фразеолекс, которые входят в объект исследования, следует рассмотреть, что подразумевает под собой понятие «эмоциональное состояние субъекта». Так, черты личности человека – это сложные, биологически и социально обусловленные компоненты его индивидуальности. Личностные качества охватывают аспекты психических процессов, состояний и особенностей индивида, относящиеся ко всем характеристикам его личности, таким как темперамент, особенности поведения и взаимодействия с окружающей средой и самим собой. Они также включают в себя знания, навыки и умения, имеющиеся у человека [Волошкина 2009; Кузьмина, Лубовский, Одинцова 2023]. Мы разграничиваем черты личности на положительные и отрицательные. Отрицательные проявления эмоций человека, нежелательные качества, возникающие в их результате, составляют огромный список. Поэтому в нашей работе мы остановимся лишь на немногих отрицательных эмоциональных состояниях, таких как гнев, страх, грусть/печаль, раздраженность. Список положительных эмоций также безграничен, как и

список отрицательных. К положительным качествам, находящимся в фокусе нашего внимания, мы относим счастье, радость, удовольствие, любовь. Выбор данных «эмоциональных состояний» аргументируется тем, что именно гнев, страх, грусть/печаль, раздраженность, счастье, радость, удовольствие, любовь являются базовыми эмоциями человека. Остальные эмоции, отражающие внутреннее состояние человека, представляют собой более сложные психические образования и надстраиваются над базовыми эмоциями. Анализируя концепты, обозначающие эмоциональное состояние субъекта, можно понять и изучить внутренний мир человека на материале того или иного языка. Отметим, что понятие «состояние» связано с понятием положительные/отрицательные эмоциональные состояния субъекта [Синельникова 2013].

«Обозначения состояний относят, в первую очередь к лицам, указывая на их внутренние или внешние свойства. При этом различают состояния как таковые, представляющие собой признаки чувствующего субъекта, оцениваемые как бы изнутри, и внешние проявления состояний, поведение субъекта, оцениваемое со стороны. Первые могут описываться лишь самим субъектом, а вторые – сторонним наблюдателем» [Селиверстова 1982: 324].

Категория состояния изучена достаточно подробно в лингвистических исследованиях. Впервые термин «категория состояния» был употреблен Л.В. Щербой [Щерба 1957]. Щерба «представлял категорию состояния в виде функционально-семантического поля, ядро которого образуют формы типа *надо*, *жаль*, а периферию – словоформы, принадлежащие парадигмам склонения: *держаться молодцом*, и краткие прилагательные, например, *доволен*» [Щерба 1974: 90].

В.В. Виноградов расширил учения о категории состояния. Он называл ее «новой для русского языка, но очень активно развивающейся частью речи», и считал, что «значения слов, обозначающих эмоциональное состояние – зол, рад, стыдно и др., являются частью этой категории» [Виноградов 1986: 347].

Во французском языке способы выражения этой категории изучались на лексическом [Grevisse 2007; Dubois 1969; Бенвинист 1974] и синтаксическом [Riegel 2004] уровнях. В настоящем исследовании категории эмоционального состояния анализируются на фразеологическом уровне.

Эмоции представляют собой особый тип психического состояния, выражающийся в виде настроений, переживаний, чувств и ощущений. Они обычно проявляются в различных формах и степенях, сопровождая почти все психические состояния и процессы. Основная функция эмоций — связывать объективную реальность с оценочным восприятием человека [Митина, Нугаева, Шурухина 2020].

Американский психолог К. Изард «выделял базовые (фундаментальные) эмоции (радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, горе-страдание, стыд, интерес-волнение, вина, смущение) и производные или составные» [Изард 1980]. «Базовыми называют элементарные эмоции, которые больше ни на что не расщепляются и сами являются составляющими остальных производных эмоций. Их может прочувствовать каждый, тогда как более сложные, производные, некоторым людям недоступны» [Куликов 1997].

Многие исследователи определяют «эмоции как средство доступа к стоящим за названиями эмоций концептам». Эти концепты получили название эмоциональных, а их ядром являются базовые эмоции [Ильин 2002].

«Эмоциональный концепт — это ментальная абстрактная единица, отражающая многовековой опыт народа в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях» [Лук 1982].

В. И. Шаховский считает, что «концепт, в отличие от понятия, имеет эмоциональную окрашенность, т. е. все концепты эмоциональны» [Шаховский 2017].

Н. А. Красавский определяет эмоциональный концепт как «этнокультурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся

на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский 2001].

Концепт «эмоциональное состояние» имеет «особенную значимость и ценность для создания эмоциональной картины мира, которая «рисует» с помощью концепта как «сгустка культуры в сознании человека» на стыке нескольких формирующих пластов – культуры, сознания и языка» [Степанов 1975].

По мнению исследователей, эмоциональный концепт представляет собой сложное, многокомпонентное образование, структуру которого составляют понятийная, образная и оценочная стороны. Понятийная сторона концепта может быть представлена в виде полевой структуры с ядром, околоядерным окружением и периферией [Болдырев 2000].

Группа лексических средств для вербализации концепта пополняется за счет включения множества производных слов. Исследование образной и оценочной составляющих концепта «эмоциональное состояние» позволяет выявить как отрицательные, так и положительные коннотации, связанные с этим концептом в языковом сознании. Совокупность ассоциаций, сопровождающих рассматриваемый эмоциональный концепт, отражает также особый тип восприятия мира человеком, принадлежащим к определенной культуре, что находит выражение в семантике ряда слов [Карасик 2004].

Таким образом, можно сделать вывод, что «под содержанием ЭСС подразумевается концепт «эмоциональное состояние», который в свою очередь представляет ментальную единицу высокой степени абстракции, выполняющей функцию метапсихической регуляции и отражающей в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях» [Кузнецов 2000].

II.3. Лексико-семантическое поле «эмоциональное состояние субъекта»

Избрав объектом исследования ФЕ с семантическим компонентом ЭСС, мы ставим в центр внимания фразеолексу, относящуюся к соответствующему лексико-семантическому полю и представляющую собой потенциальную фразеолексу. В данном параграфе мы делаем попытку представить лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) ЭСС с целью выявления ядерных и периферийных характеристик исследуемых фразеолекс. Это нам необходимо для понимания особенностей процесса фразеологизации на основе анализируемых фразеолекс, а также для определения сильных/слабых позиций семантических компонентов, становящихся ядерными семами модели фразеологической деривации (динамический аспект исследования), т.е. для дальнейшей систематизации моделей фразеологической деривации, которая будет представлена далее.

Понятие «семантическое поле» в лингвистике до сих пор остается до конца не изученной, в связи с чем не имеет однозначной трактовки. Являясь объектом сравнительной типологии, проблема лексико-семантического поля остается одной из основных тем исследований. Современные филологи считают «лексико-семантическое поле совокупностью лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле, включающее слова различных частей речи» [Лицзюнь, Щетинина 2024]. Исследования системных связей лексического состава привели к формированию теории семантического поля. Главным результатом исследований в данном направлении оказалось то, что в «понятии «поле» удалось реализовать идею о наличии структурной величины, объединяющей лексику в лексико-семантическую систему, где каждая лексема проявляет эту величину как доминантное значение» [Guiraud 1961; Моисеева 2006; Новиков 2001]. В нашей диссертации мы придерживаемся понимания лексико – семантического поля как «совокупности лексических единиц, объединенных общим содержанием (а иногда и формальными признаками) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Адмони 1973; Шайкевич

1963: 14-26].

Одними из первых, кто поставил вопрос о поле в лингвистике, были немецкие ученые Й. Трир и Г. Ипсен. Заслугой Й. Трира обычно считают то, что «он расчленил понятия «лексического» и «понятийного» поля и ввел в лингвистический обиход эти термины [Trier 1931]. Каждое из полей подразделяется в свою очередь на элементы языка – слова и понятия; при этом составные компоненты словесного поля полностью покрывают сферу соответствующего понятийного поля».

Под «семантическим полем» Г. Ипсен определял совокупность слов, обладающих общим значением [Ipsen 1924: 30-45].

Лингвисты подчеркивают структурированный иерархический характер семантических полей [Бенвенист 2002; Бодуэн де Куртенэ 1963; Кацнельсон 1986; Мартине 1960; Матезиус 1967; Пешковский 1956; Потебня 1958; Jespersen 2010].

Ю. М. Караулов пишет о необходимости «разделить различные сферы словарного состава на семантические поля (например, поле «радость»), лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»), тематические группы (например, «наименования птиц»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый»), ономазиологические группы (например, выражение понятия «время» существительными в русском языке)» [Караулов 1972: 314]. «Важнейшим составным компонентом ЛСП являются лексико-семантические группы слов. Можно предположить, что участки семантических полей – это лексико-семантические группы, то есть семантическое поле – родовое понятие по отношению к лексико-семантическим группам» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 127].

Л.М. Васильев считает, что «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев: 1971:102-104].

ЛСП, представляющее собой особую системообразующую единицу, имеет сложную и уникальную структуру, элементы которой связаны

парадигматическими отношениями. Таким образом, теория семантических полей опирается на наличие в языке семантических групп, связанных парадигматическими отношениями различного характера. Лексический состав языка можно представить как набор отдельных групп, объединенных различными отношениями. Однако стоит отметить, что структура большинства лексических единиц включает множество признаков, поэтому они могут принадлежать к нескольким понятийным полям. Эти поля как совокупности словесных знаков накладываются друг на друга и не имеют четких границ. При определении предмета исследования теории поля в современной лингвистике следует отметить, что оно охватывает лексические единицы, объединенные на основе семантического принципа (общности выражаемого ими значения) и функционально-семантического принципа (сочетания лексико-синтаксических признаков, основанных на определенной семантической категории) [Бондарко 1984].

Таким образом, «понятие «поле» позволило ученым представить идею о наличии некой структурной величины, которая объединяет лексику в лексико-семантическую систему, где каждая лексема обнаруживает эту величину как доминантную сему лексического значения» [Башарина 2007].

Вслед за Ю.Н. Карауловым [Караулов 2010] и И.М. Кобозевой [Кобозева 2000], «определяющими характеристиками лексико-семантического поля являются:

- наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- системный характер этих отношений;
- взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц;
- универсальный характер полевой организации единиц;
- психологическую реальность этого способа организации;
- голографичность структуры поля (способность проявлять все свои свойства на любом ограниченном участке);
- относительная автономность поля.

– взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря)».

Таким образом, принимая во внимание вышеперечисленные характеристики, можно прийти к выводу, что ЛСП представляет собой совокупность лексических единиц, связанных между собой структурными отношениями. Для того, чтобы выявить и описать ассоциативные и семантические поля, используются методы анализа словарных дефиниций и компонентного анализа.

Следует отметить, что языковая система постоянно развивается, поэтому ассоциативные поля обладают внутренней динамикой, при которой временные ассоциации могут стать константными, произвольные связи – обязательными, что напрямую зависит от характера социального и коммуникативного взаимодействия носителей ассоциативных полей. Ближними ассоциациями, как правило, выступают семантические связи, а дальними – парадигматические [Абрамов 2001: 125].

В строении ЛСП выделяют ядро и периферию. Ядро содержит лексику, наиболее близкую к понятийному признаку, которая наиболее точно характеризует центральное, ключевое слово. Периферия в свою очередь включает лексику, менее тесно связанную с центральным, ключевым. Лексика внутри поля имеет общий (интегральный) семантический признак, который объединяет единицы поля. Периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики [Гумбольдт 1985].

Перейдем к описанию выявленных лексико-семантических микрополей в составе семантического поля, включающего выбранные для анализа лексические единицы, обозначающие понятия «эмоциональное состояние субъекта».

Таким образом, нами выбраны следующие микрополя, связанные с «положительными/отрицательными эмоциональными состояниями субъекта»:

1) «положительные эмоциональные состояния субъекта» (*les émotions positives*): *le bonheur, la joie, le plaisir, l'amour*.

2) «отрицательные эмоциональные состояния субъекта» (*les émotions négatives*): *la colère, la peur, le chagrin, l'irritation*.

Данные микрополя составлялись на основе дефиниций, взятых из французских толковых словарей Le Petit Robert и Larousse.

Рассмотрим семантическое микрополе, представленное фразеолоксой *le bonheur*, обратившись к дефинициям из словарей французского языка Le Petit Robert и Larousse, в которых рассматриваемая лексическая единица имеет следующие дефиниции (см. Приложение № 1):

- 1) *chance: donner de la chance* – «шанс, удача»; «предоставить шанс»;
- 2) *réussite, succès* – «успех». *Effet réussi par une habileté spontanée* «результат, достигнутый благодаря естественному мастерству»;
- 3) *état de la conscience pleinement satisfaite* – «полностью удовлетворительное состояние сознания».

Мы провели анализ лексико-семантического поля «*bonheur*», который может быть представлен следующими группами 1) удача; 2) успех; 3) внутреннее самоудовлетворение.

Таким образом, лексико-семантическое поле «*bonheur*» включает в себя следующие зоны: ядро (блаженство, удача, успех, удовлетворение, благополучие, удовольствие), околоядерная зона (талисман, фортуна, победа, достижение, процветание, везение), ближняя периферия (удовольствие, радость, процветание, блаженство, благосостояние, любовь, благо, клятва,), дальняя периферия (способность, судьба, случай, воля, провидение).

Рассмотрим семантическое поле, представленное фразеолоксой *la joie*. Согласно данным словарей Le Petit Robert и Larousse данная лексическая единица имеет следующие дефиниции (см. Приложение № 2):

- 1) *émotion agréable et profonde, sentiment exaltant ressenti par toute la conscience* – «нежное и глубокое переживание, которое охватывает всё сознание»;
- 2) *cette émotion liée à une cause* – «эмоция, связанная с определенной причиной»;
- 3) *plaisir des sens* – «чувственное наслаждение».

Таким образом, лексико-семантическое поле «*joie*» может быть

представлено следующими группами 1) состояние; 2) месторасположение; 3) переживание; 4) причина; 5) удовольствие.

В результате исследования мы пришли к выводу, что ЛСП «*joie*» включает в себя следующие зоны: ядро (состояние, веселье, восторг, переживание, удовольствие), околоядерная зона (спокойствие, безмятежность, бесконечность, напряженность), ближняя периферия (веселость, воодушевление, угар, ликование, восторг, блаженство, экстаз, праздник, задорность, лучезарность, гордость, триумф, преимущество, одобрение, благодеяние, нежность, удовлетворение), дальняя периферия (утешение, причина, неприятности, триумф, преимущество, одобрение, благодеяние).

Рассмотрим лексико-семантическое микрополе, представленное фразеолоксой *le plaisir*. Согласно данным французских словарей Le Petit Robert и Larousse данная лексема имеет следующее определение (см. Приложение №3):

1) *ce qu'il plaît à qqn de faire, d'ordonner; ce qu'il juge bon, ce qu'il veut* – «то, что кому-либо нравится делать, приказывать; то, что он считает нужным, то, что он хочет»;

2) *état affectif fondamental (affect), un des deux pôles de la vie affective; sensation ou émotion agréable, liée à la satisfaction d'une tendance, d'un besoin, à l'exercice harmonieux des activités vitales* – «основное аффективное состояние (аффект), один из двух полюсов эмоциональной жизни; приятное ощущение или эмоция, связанная с удовлетворением желания, потребности в гармоничном осуществлении жизнедеятельности»;

3) *émotion, sentiment agréable (état de conscience défini, correspondant à des circonstances particulières* – «приятное чувство (определенное состояние сознания, соответствующее конкретным обстоятельствам)».

В результате анализа можно заключить, что лексико-семантическое поле «*plaisir*» может быть представлено следующими группами 1) действие; 2) психологическое состояние; 3) вариативность; 4) ощущение; 5) удовлетворение.

Таким образом, лексико-семантическое поле «*plaisir*» включает в себя следующие зоны: ядро (действие, психологическое состояние, вариативность,

желание, удовлетворение), околоядерная зона (ощущение, удовлетворение капризов), ближняя периферия (благополучие, наслаждение, эйфория, физическое удовольствие, эстетическое удовольствие, интеллектуальное удовольствие, моральное удовольствие, ироническая вежливость, принуждение, развлечение, сладострастие, преимущество, формула вежливости, одобрение, веселье, восторг, рассеянность), дальняя периферия (места развлечений: кабаре, рестораны, ночные клубы, беспечность).

Рассмотрим лексико-семантическое поле, представленное фразеолоксой *l'amour* (см. Приложение № 4). По данным французских словарей Le Petit Robert и Larousse, данная лексическая единица имеет следующие дефиниции:

- 1) *disposition favorable de l'affectivité et de la volonté à l'égard de ce qui est senti ou reconnu comme bon, diversifiée selon l'objet qui l'inspire* – «благоприятная расположенность, любовь и открытость, проявляющаяся в разных формах» ;
- 2) *affection les membres d'une famille* – «чувство привязанности между членами семьи»;
- 3) *inclination envers une personne, le plus souvent à caractère passionnel, fondée sur l'instinct sexuel mais entraînant des comportements variés* – «симпатия к человеку, чаще всего связанная со страстью, основанная на половом инстинкте, но приводящая к разнообразному поведению»;
- 4) *Personification mythologique de l'amour* – «мифологическое олицетворение любви».

Таким образом, лексико-семантическое поле «*amour*» может быть представлено следующими группами 1) психологическое состояние; 2) ощущение; 3) неоднородность; 4) чувство близости; 5) эмпатия; 6) комплекс желаний; 7) поведенческая реакция.

Следовательно, лексико-семантическое поле «*amour*» включает в себя следующие зоны: ядро (психологическое состояние, ощущение, чувство близости, эмпатия, комплекс желаний), околоядерная зона (поклонение, благотворительность, преданность, патриотизм), ближняя периферия (материнская любовь, отцовская любовь, отеческая любовь, сожителство, связь,

роман, каприз (прихоть), флирт, интрижка, ухаживание, страсть, блудство (ветренность)), дальняя периферия (любовь к ценностям жизни: справедливости, работе, природе, деревне, путешествиям, искусству).

Обобщая данные, полученные в результате исследования микрополя «положительное эмоциональное состояние субъекта», следует заметить, что ядерная зона представлена конкретными значениями (непосредственно эмоциональным состоянием человека). В околядерной зоне присутствуют значения более высокого уровня абстракции, но в то же время и наблюдаются семемы, характеризующие конкретные явления.

Ближняя периферия представлена, как правило, такими абстрактными значениями, как физическое состояние, черты характера, чувства субъекта.

Анализируя зону дальней периферии семантических полей, представляющих «положительные эмоциональные состояния субъекта», можно отметить, что лексические единицы данной группы обладают самым высоким уровнем абстракции, связанным чаще всего с чертами характера, психическим состоянием человека, абстрактными понятиями (способность, забывчивость, неприятность).

Перейдем к описанию ЛСП «отрицательные эмоциональные состояния субъекта».

Рассмотрим лексико-семантическое поле, представленное фразеолексой *la colère* (см. Приложение №5). Согласно данным французских словарей Le Petit Robert и Larousse мы получаем:

- 1) *violent mécontentement accompagné d'agressivité* – «сильное недовольство, сопровождаемое агрессией»;
- 2) *accès, crise de colère* – «приступы гнева, истерика».

Лексико-семантическое поле «*colère*» может быть представлено следующими лексико-семантическими группами: 1) принуждение; 2) психологическое состояние; 3) непредвиденные симптомы, негативно влияющие на физическое и психическое состояние человека.

Таким образом, лексико-семантическое поле «*colère*» включает в себя

следующие зоны: ядро (ярость, вспыльчивость, ожесточение, бешенство, злость, раздражительность, восприимчивость), околоядерная зона (ненависть, неистовство, брань, злоба), ближняя периферия (ропот, протест, раж, остервенение, досада, искажение ситуации, недовольство, буйство, гнев, негодование), дальняя периферия (гнев стихий, потоков воды, пренебрежение, превознесение себя над другими).

Далее рассмотрим ЛСП, представленное фразеолоксой *la peur* (см. Приложение №6). Согласно данным словарей Le Petit Robert и Larousse данная лексическая единица имеет следующие дефиниции:

- 1) *phénomène psychologique à caractère affectif marqué, qui accompagne la prise de conscience d'un danger réel ou imaginé, d'une menace* – «психологический феномен, имеющий ярко выраженный аффективный характер, сопровождающийся осознанием реальной или воображаемой опасности, угрозы»;
- 2) *l'émotion de peur qui saisit qqn dans une occasion précise* – «ощущение страха, которое проявляется в конкретном случае»;
- 3) *passion pénible qui excite en nous ce qui paraît dangereux, menaçant, surnaturel* – «мучительная страсть, возбуждающая в нас то, что кажется опасным, угрожающим, сверхъестественным».

Анализ лексико-семантического поля «*la peur*» предоставляет возможность выделить следующие лексико-семантические группы: 1) психологический эффект; 2) эмоциональный характер; 3) понимание опасности; 4) эмоциональное состояние.

Таким образом, ЛСП «*la peur*» включает в себя следующие зоны: ядро (сумятица, тревога, плохие новости, дурное предчувствие, боязнь, испуг, ужас, беспокойство, паника, кошмар), околоядерная зона (навязчивая идея, робость, опасение, угроза, мандраж, трагичность, беспокойство, мучение), ближняя периферия (вселение страха, угроза, запуганность), дальняя периферия (абсурдность, малодушие, трепание нервов).

Рассмотрим ЛСП, представленное фразеолоксой *le chagrin* (см. Приложение №7). Опираясь на данные французских словарей Le Petit Robert и Larousse, мы

получаем следующие дефиниции:

- 1) *qui est rendu triste par un événement fâcheux* – «тот, кого огорчает неприятное событие»;
- 2) *qui est ordinairement d'un caractère triste, morose* – «тот, кто обычно имеет печальный, угрюмый характер»;
- 3) *état moralement douloureux* – «болезненное моральное состояние»;
- 4) *peine ou déplaisir causé par événement précis* – «боль или недовольство, вызванные конкретным событием».

Анализ ЛСП *«le chagrin»* позволяет выделить следующие лексико-семантические группы: 1) неприятное событие; 2) печальный характер; 3) психологическая боль; 4) психическое состояние.

Таким образом, ЛСП *«le chagrin»* включает в себя следующие зоны: ядро (огорчение, расстройство, угрюмость, мрачность, боль, горе, страдание, печаль), околоядерная зона (желчность, унижение, уязвленность, неприятность, несчастье, упадок духа, раздражение, привязанность), ближняя периферия (сострадание, сочувствие, раскаяние, безнадежность, траур, досада, безысходность), дальняя периферия (технология тиснения кожи с природными дефектами, бедность, презрение, извинения, ревность, забота, головная боль).

Фразеолекса *l'irritation* также входит в фокус лексико-семантического поля «отрицательные эмоциональные состояния субъекта» (см. Приложение № 8). Согласно данным французских словарей *Le Petit Robert* и *Larousse* данная лексическая единица имеет следующие значения:

- 1) *état d'une personne irritée* – «состояние раздраженного человека»;
- 2) *inflammation légère* – «легкое воспаление».

Анализ ЛСП *«l'irritation»* указывает на наличие следующих лексико-семантических групп: 1) недовольство; 2) боль.

Таким образом, ЛСП *«l'irritation»* включает в себя следующие зоны: ядро (недовольство, гнев, нервозность, возбуждение), околоядерная зона (ожесточение, злобность, остервенелость, буйность, яростность), ближняя периферия (утомленность, настороженность, неприятные ощущения, воспаление), дальняя

периферия (преследование, отсутствие желаний, упадок сил, душевное беспокойство, состояние фрустрации).

Обобщая данные, полученные в результате исследования микрополя «отрицательные эмоциональные состояния субъекта», можно отметить, что, как и в ранее рассмотренных примерах микрополя «положительные эмоциональные состояния субъекта», в ядерную зону входят значения, с наибольшей степенью точности, репрезентирующие эмоциональное состояние человека. В околоядерной зоне представлены семемы, обладающие определенным уровнем метафоричности.

Ближняя периферия обычно характеризуется такими абстрактными значениями, как физическое состояние, черты характера и чувства субъекта.

При рассмотрении зоны дальней периферии семантических полей, представляющих «отрицательные эмоциональные состояния субъекта», можно отметить следующее: лексические единицы этой группы обладают самым высоким уровнем «отклонения» от ядерного значения, повышенной степенью метафоричности и представляют собой переносные значения, чаще всего связанные с внешними обстоятельствами.

Продemonстрируем это на примере ЛЕ «*le chagrin*». Ядерная зона представлена следующими семемами: огорчение, расстройство, угрюмость, мрачность, боль, горе, страдание, печаль. В околоядерной зоне наблюдаются семемы: желчность, унижение, уязвленность, неприятность, несчастье, упадок духа, раздражение, привязанность. Ближняя периферия включает такие понятия, как сострадание, сочувствие, раскаяние, безнадежность, траур, досада, безысходность. Дальняя периферия представлена понятиями, такими как технология тиснения кожи с природными дефектами для обуви и одежды, бедность, презрение, извинения, ревность, забота, головная боль.

Таким образом, все микрополя, характеризующие положительные или отрицательные эмоциональные состояния субъекта, обладают следующими отличительными чертами: в ядре и околоядерной зоне отражены значения, в которых понятийный признак прослеживается наиболее четко. Ближняя

периферия включает черты характера человека, а на дальней периферии расположены лексико-семантические группы, отражающие результат переосмысления исходных единиц.

II.4. Фразеологизация на базе лексем, обозначающих в свободном употреблении эмоциональное состояние субъекта (Ф1)

Исходя из нашего понимания статики, мы выявили две группы фразеолекс, обеспечивающих статическое состояние семантики фразеологизма, несмотря на наличие процесса фразеологизации:

1. Фразеолекса используется в исходном значении (или она моносемична).
2. Фразеолекса используется в производном значении, являясь одной из семем полисеманта.

Как уже указывалось, в обоих случаях изменение значения фразеолексы происходит до процесса фразеологизации, что и отвечает нашему пониманию статики.

В данную группу входят также многозначные лексемы, исходное значение которых не было маркировано как отрицательное/ положительное эмоциональное состояние субъекта, но проявилось в производном лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) и было задействовано в процессе фразеологизации. Поэтому в рамках указанной группы мы выявляем две подгруппы: с фразеолексой, маркированной уже в исходном значении как эмоциональное состояние субъекта и с фразеолексой, изначально относящейся к другой семантической группе в исходном значении, но получившей данное значение в результате семантической деривации. В дальнейшем для их разграничения мы будем использовать соответственно сокращение Ф1 и Ф2.

II.4.1. Фразеологизация на базе исходных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта, приводящая к образованию фразеологических единств

Мы считаем целесообразным начать изучение процессов, характерных для фразеолекс в составе фразеологических единств, с рассмотрения примеров, в которых фразеолекс сохраняет исходное значение (Ф1), отражая впоследствии эмоциональное состояние субъекта в составе ФЕ. При этом следует выделить в особую группу фразеолексы, сохраняющей признак эмотивности, сопровождающийся изменением степени аффективности, что будет специально рассмотрено ниже.

В качестве примера данного типа фразеолекс рассмотрим глагол *chérir* «любить», который входит в состав фразеологического единства *chérir la lumière* «любить жизнь». Мы считаем, что данная ФЕ относится к фразеологическим единствам, поскольку соответствует основным принципам, характерным для фразеологических единств: один из компонентов (БК), входящих в его состав, взят в исходном значении – глагол *chérir*, а другой – в переносном значении – существительное *lumière*. Исходя из этого, семантика фразеологизма может быть понята благодаря переосмыслению значения одного из составляющих его компонентов (ФЧ). Здесь следует пояснить, что исходное значение слова *la lumière* – «свет». Лишь под воздействием внешнего синтаксиса со стороны глагола *chérir* слово приобретает новое значение, которое не является зафиксированным словарем, иными словами, композиция фразеологического единства обуславливает использование существительного в новом для него значении «любить жизнь». В данном фразеологическом единстве нас интересует глагол *chérir*. Этот глагол, как уже было отмечено выше, используется в данном фразеологическом единстве в своем исходном значении: *aimer tendrement, avoir beaucoup d'affection pour qch* – «сильно любить, испытывать нежные чувства к чему-то». Можно отметить тот факт, что исходное значение отражает положительное эмоциональное состояние. Теперь укажем значение выражения *chérir la lumière: aimer beaucoup la vie, ses plaisirs* «любить жизнь». Приведем схему компонентного анализа фразеолексы «*chérir*» в свободном значении (1) и фразеологически связанном (2), чтобы продемонстрировать сохранение

семантики фразеолексы, отражающей положительное эмоциональное состояние в составе фразеологического единства.

1. A_1 (положительное эмоц. состояние) + S_1 (любить) + S_2 (нежно) + S_3 (испытывать сильные чувства);

2. A_1 (положительное эмоц. состояние) + S_1 (любить) + S_4 (удовольствия).

На основе данного примера можно сделать вывод, что при включении в состав ФЕ с рассматриваемым БК не произошло никаких семантических изменений. Важным представляется рассмотреть модель фразеологической деривации. Как следует из схемы компонентного анализа, ядерная сема данной модели по своей локальной соотнесенности (термин О.Б. Поляничук) [Поляничук 2008] является компонентом семантической структуры ФЧ (*la lumière*), а семантика БК (*chérir*) не затрагивается процессом переосмысления, что и обеспечивает семантическую расчлененность фразеологического единства, а также его частичную идиоматичность [Епринцева 2024]. Аналогичная закономерность прослеживается и при анализе других примеров.

Например, глагол *regretter* «сожалеть» в составе ФЕ *regretter les pas* – «сожалеть о стараниях». В данном случае глагол *regretter* (БК) в составе ФЕ взят в исходном значении: *être mécontent d'avoir fait ou de n'avoir pas fait* – «сожалеть о сделанном или не сделанном», отражающем отрицательное эмоциональное состояние субъекта; ФЧ *les pas* (в исходном значении – «шаги») использовано в переносном значении «страдание», которое обусловлено воздействием композиционной семантики ФЕ. В данном примере, как и в предыдущем, фразеолекса сохранила семантику, выражающую отрицательное эмоциональное состояние субъекта, при вхождении в состав фразеологического единства и осталась в рамках семантического микрополя «эмоциональное состояние».

Еще одним примером фразеолексы, которая относится к рассматриваемой нами группе, является глагол *calmer* «успокаиваться» в составе фразеологического единства *calmer le sang* – «успокаиваться». Глагол *calmer* используется в исходном значении: *atténuer, diminuer une sensation, un sentiment en apaisant* «успокаиваться»; ФЧ *le sang* (в прямом значении – «кровь»)

используется в переносном значении «спокойствие», и, таким образом, смысл всего выражения может быть понят благодаря переосмыслению семантики одного из его компонентов. В данном фразеологическом единстве, как и в предыдущих примерах, фразеолекс сохраняет семантику, выражающую положительное эмоциональное состояние субъекта.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые примеры фразеолекс, которые сохраняют семантику, выражающую положительное/отрицательное ЭСС при вхождении в состав фразеологических единств в своем исходном словарном значении. Следует отметить, что примеры подобных единиц являются многочисленными во французском языке (см. Приложение № 20).

Таким образом, для лексем французского языка, входящих впоследствии в состав фразеологических единств, характерна своеобразная устойчивость семантического компонента, выражающего положительное/отрицательное ЭСС.

II.4.1.1. Соотношение базового компонента и формирующей части в составе лексико-семантических микрополей «эмоциональное состояние субъекта»

Дифференцируя фразеологические единства на две группы: 1) фразеологические единства, в которых исходный семантический компонент ЭСС является БК и 2) фразеологические единства, в которых исходный семантический компонент ЭСС находится в ФЧ, мы делаем попытку проследить, какая часть ФЕ (БК или ФЧ) является релевантной для семантических микрополей, представленных нами ранее. Как уже указывалось выше, к положительным эмоциональным состояниям субъекта мы относим ЛСП «счастье», в рамках которого мы выделяем несколько элементов, таких как радость, восторг, удовольствие, влюбленность, а также соответствующие им микрополя. В микрополе «отрицательные эмоциональные состояния субъекта» наиболее обширный корпус составляют фразеологические единицы микрополя «гнев», а также тревога/волнение, страх, грусть/печаль.

Приведем примеры фразеологических единств, БК которых репрезентирует выявленные ЛСП:

1. ЛСП «радость»: *jouir de la vie* – «радоваться жизни», *rire de tout (de bon) cœur* – «смеяться от души», *rire (rigoler) comme une baleine* – «смеяться во весь рот», *sourire de toutes ses dents* – «расплываться в широкой улыбке, улыбаться, оскалив зубы», *rire sous la barbe, rire sous (la) cape, rire sous coiffes (dans les coiffes)* – «смеяться исподтишка», *s'amuser comme un roi* – «веселиться напропалую», *joie de mariage* – «кратковременные удовольствия», *rire aux anges* – «улыбаться без видимой причины», *rire à gorge déployée/aux éclats* – «хохотать во все горло» и др.

2. ЛСП «счастье»: *heureux abandon* – «блаженное состояние», *heureux mortel* – «счастливчик», *heureux comme Dieux en France* – «счастливый», *heureux comme un tueur de cochons* – «очень счастлив», *être heureux comme un roi* – «быть очень счастливым», *être heureux comme un poisson dans l'eau* – «быть очень счастливым» и др.

3. ЛСП «гнев/раздражение»: *être furieux* – «страшно рассердиться, быть вне себя; выйти из себя»; *se fâcher tout rouge, colère blanche (bleue, jaune, rouge, noire)* – «испытывать ярость» и др.

4. ЛСП «печаль/скука»: *s'ennuyer ferme* (или *sec*) – «смертельно скучать», *s'ennuyer comme une carpe* – «подыхать от скуки», *regretter les pas* – «сожалеть о стараниях», *triste à pleurer* – «грустный до слез», *triste comme un bonnet de nuit* – «быть грустным», *triste comme un hiblou* – «скучный, надутый», *triste comme un jour sans pain* – «печальный как постный день», *triste comme un lendemain de fête* – «очень скучный», *triste comme la mort* – «очень грустный» и др.

5. ЛСП «страх»: *craindre la pince* – прост. «бояться ареста», *craindre pour sa peau* – «бояться, трястись за свою шкуру», *craindre comme le feu* – «бояться, как огня», *craindre comme la grêle* – «бояться, как чумы» и др.

6. ЛСП «любовь, удовольствие»: *aimer les plaisirs de la table* – «быть чревоугодником, любителем поесть», *aimer ses aises* – «любить комфорт», *aimer sucer* – «любить выпить», *aimer mieux* – «предпочитать», *aimer mieux l'être que la*

paraître – «предпочитать реальное воображаемому», *aimer comme un fou, amoureuse comme une chatte, amoureux comme un roi* – «быть влюбленным до безумия», *s'adorer à la bouche perdue* – «любить друг друга без памяти», *aimer comme ses (petits) boyaux* (прост.) – «любить как самого себя, души не чаять».

Перейдем к описанию примеров фразеологических единств, ФЧ которых репрезентирует соответствующие ЛСП:

1. ЛСП «радость»: *être au comble de la joie* – «быть на верху блаженства», *forcer (soulever) l'admiration* – «вызвать восхищение, восторг», *être à (dans) la joie de son cœur* – «радоваться всем сердцем, веселиться от души», *ne pas se tenir de joie* – «быть вне себя от радости», *avoir l'air d'un bienheureux* – 1) «иметь почтенный вид»; 2) сиять от радости», *être au comble de la joie* – «быть на верху блаженства», *être bien aise* – «быть очень довольным», *prendre son plaisir à...* – «наслаждаться» и др.

2. ЛСП «счастье»: *être heureux* – «быть счастливым», *se sentir heureux* – «чувствовать себя счастливым», *faire heureux* – «осчастливить», *rêve heureux* – «счастливый сон», *couler jours heureux* – «жить безмятежно» и др.

3. ЛСП «гнев/раздражение»: *se mettre violemment en colère* – «страшно рассердиться, рассвирепеть, дойти до белого каления», *se mettre en colère* – «разгневаться», *être en colère* – быть в гневе, *être en rage* – «быть в ярости», *dans le feu de sa colère* – «в пылу гнева», *bouffer en colère* – «кипеть от гнева», *entrer (mettre) en colère* – «рассердиться», *passer sa colère sur qn* – «сорвать зло на ком-либо» и т.д.

4. ЛСП «печаль/скука»: *avoir une triste figure* – «иметь расстроенный вид», *avoir le cœur triste* – «иметь печальный вид», *avoir le vin triste* – «быть грустным во хмелю» и др.

5. ЛСП «страх»: *avoir le trac* – «пугаться, трусить, волноваться», *flanquer (или ficher) le trac* – «напугать, внушить страх», *voir une peur bleue* – «очень бояться чего-л.», *se faire peur* – «пугать», *avoir peur* – «бояться», *prendre peur* – «испугаться», *avoir une peur bleue* – «сильно испугаться», *avoir un trac terrible* – «ужасно сильно бояться» (от страха), *avoir la crainte* – «бояться» и др.

6. ЛСП «любовь, удовольствие»: *avoir le coeur épris de qn* – «быть влюбленным в кого-либо», *couronner l'amour* – «ответить взаимной любовью», *s'éprendre d'amour pour qn* – «страстно влюбиться в кого-либо», *faire l'amour* – «предаваться любви», *filer le parfait amour* – «наслаждаться любовью, крутить любовь», *porter un amour* – «испытывать любовь», *ne pas être à ses premières amours* – «быть опытным в любви, любовных делах», *dépit amoureux* – «любовная досада, терзания любви», *faire plaisir* – «доставить удовольствие», *prendre plaisir* – «доставить удовольствие», *pâmer de plaisir* – «млеть от удовольствия», *prendre du plaisir avec qn* – «веселиться, развлекаться с кем-либо» и др.

Количественный анализ ФЕ показал, что БК характеризует в большей мере ЛСП «печаль/скука» (25%). ФЧ является определяющей в микрополях «гнев», «раздражение» и «страх», что в сумме составляет 27%. Также был установлен тот факт, что БК и ФЧ фразеологизмов, относящихся к микрополям «радость/счастье/любовь», представлены в равной мере (в совокупности 48%) (см. Приложение № 9).

II.4.1.2. Фразеологизация на базе исходных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта, сопровождающаяся повышением степени аффективности фразеолексы

При анализе примеров было установлено, что, несмотря на наличие частичной мотивированности такого рода фразеологических единств, наблюдается взаимная индукция компонентов фразеологизма, которая представляется недостаточно высокой для того, чтобы увеличилась степень фузии БК и ФЧ (фразеологизм остается в разряде фразеологических единств), но отмечается начальная степень действия законов композиционной семантики.

Как уже отмечалось выше, исследуемые фразеолексы сохраняют семантику эмотивности в составе фразеологического единства, но с изменением степени выраженности аффективности. Мы выделили две структурные разновидности

фразеологического единства, обуславливающие усиление степени аффективности фразеолексы: 1) компаративные фразеологизмы; 2) выражения, состоящие из глагола и существительного в роли прямого или косвенного дополнения. Рассмотрим данные варианты.

1) Компаративные фразеологизмы относятся к типу фразеологических единиц, которые отличаются своей выразительностью, образностью, они воспринимаются как метафоры или другие тропы. Исходя из этого факта, вторая часть выражения, стоящая после сравнительного союза *comme* взята в переносном значении, а, следовательно, значение всего единства выявляется благодаря переосмыслению композиционной семантики одного из компонентов фразеологизма, в частности ФЧ. Тем не менее, данный случай отличается от описанных ранее тем, что, несмотря на сохранение расчлененного восприятия фразеологизма, семантика фразеолексы, представляющей в данной ситуации БК, претерпевает определенные изменения степени аффективности в рамках категории ЭСС. Приведем примеры.

Рассмотрим глагол *s'ennuyer* «скучать», входящий в состав фразеологического единства *s'ennuyer comme une carpe* – «умирать от скуки». Это фразеологическое единство является компаративным фразеологизмом. Для того чтобы определить, какие семантические процессы произошли внутри рассматриваемой нами фразеолексы в результате ее включения в состав ФЕ, приведем исходное значение глагола *s'ennuyer*: *éprouver de l'ennui* – «скучать, испытывать скуку». Из этого определения мы видим, что семантика данного глагола отражает отрицательное эмоциональное состояние субъекта. Рассмотрим значение глагола в составе ФЕ: *s'ennuyer comme une carpe: s'embêter, se morfondre, s'ennuyer à mourir* – «умирать от скуки». Как мы можем заметить, БК сохранил семантику, отражающую отрицательное ЭСС, но произошло усиление степени аффективности.

Проиллюстрируем данный тип перестройки семем на примере компонентного анализа. Приведем компонентный анализ исходного значения глагола *s'ennuyer* (1).

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (ощущение тоски) + S_2 (скука).

Проведем компонентный анализ значения данного глагола в составе ФЕ (2).

2. A_1 (эмоциональное состояние) + S_2 (скука) + S_3 (томление) + S_p (высокая степень аффективности).

Мы отмечаем наличие потенциальной семы (S_p) – высокая степень аффективности. Эта сема не является эксплицитной в дефиниции, но она присутствует латентно, что проявляется в процессе фразеологизации.

Проанализировав полученную схему компонентного анализа, мы видим, что архисемы у двух значений данного глагола совпадают, т.е. фразеолекса не утрачивает признак эмотивности и остается в микрополе «положительное/отрицательное ЭСС». Но наличие во второй модели потенциальной семы указывает на тот факт, что произошло изменение интенсивности эмоционального состояния, усиление степени аффективности из-за включения фразеолексы в состав фразеологического единства (в данном случае компаративного фразеологизма).

Таким образом, ФЧ индуцирует семантику БК, повышая степень его аффективности. Как уже указывалось выше, такого рода индукция недостаточно активна для того, чтобы перевести значение БК в разряд производных: речь идет лишь о начале процесса накопления семантических признаков фразеолексой. С точки зрения общефилософских законов диалектики мы имеем дело с началом процесса накопления количества при его недостаточности для перехода в новое качество.

Приведем другой пример, указывающий на сохранение исходного значения фразеолексы при повышении степени аффективности, отражающей положительное/отрицательное ЭСС. Глагол *pleurer* «плакать» в фразеологическом единстве *pleurer comme une Madeleine* – «сильно рыдать». Глагол *pleurer* взят в прямом значении: *répandre des larmes, sous l'effet d'une émotion, être dans un état d'affliction* – «лить слезы, находясь в состоянии грусти, печали», а вторая часть выражения – *comme une Madeleine* «как Мария Магдалина» используется в переносном значении. Мы не будем приводить

компонентный анализ данной фразеолексы, поскольку он аналогичен приведенному ранее. Мы отметим, что в данном случае глагол *pleurer*, сохраняя семантику, выражающую отрицательное ЭСС, при вхождении в состав ФЕ демонстрирует усиление степени аффективности.

Приведем еще один пример фразеолексы с подобного рода семантическими изменениями. Глагол *s'amuser* «развлекаться» в составе фразеологического единства *s'amuser comme un enfant* – «веселиться напропалую». В данной ФЕ глагол (БК) употребляется в прямом значении: *se distraire agréablement* «приятно проводить время», а компонент *comme un enfant* «как ребенок» – в переносном значении. В этом случае, как и в предыдущих, глагол не утратил признак эмотивности, остался в микрополе «положительное ЭСС», но степень аффективности претерпела изменения в составе ФЕ.

Далее рассмотрим варианты ФЕ, где в качестве фразеолексы выступает имя прилагательное.

Рассмотрим в качестве примера прилагательное *triste* «грустный» в составе фразеологического единства *triste comme une porte de prison* – «очень грустный» (как тюремная дверь). Прилагательное *triste* используется в исходном значении: *qui est dans un état de tristesse* «тот, кто находится в состоянии печали», а вторая часть выражения *comme une porte de prison* – в переносном значении.

Как мы видим из определения исходного значения прилагательного *triste*, семантика данной фразеолексы отражает отрицательное ЭСС. При включении данной единицы в состав фразеологического единства признак эмотивности сохраняется, но степень эмоциональной маркированности изменяется. Мы отмечаем, что для данного прилагательного характерно наличие общей архисемы исходного и производного значений, иначе говоря, слово остается в рамках микрополя «положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта», но наличие потенциальной семы указывает на усиление степени аффективности фразеолексы при ее вхождении в состав фразеологического единства.

Другой пример прилагательного, отражающего положительное эмоциональное состояние субъекта, в составе ФЕ: *amoureuse* «влюбленная» в

фразеологическом сочетании *amoureuse comme une chatte* – «безумно влюбленная». В данном случае при включении фразеолексы в состав фразеологизма происходит сохранение семантики, отражающей положительное ЭСС, но степень аффективности исследуемой семантики увеличивается. При этом фразеолекса остается в рамках микрополя «положительное ЭСС».

Приведем еще один пример такого типа фразеологического единства. В его состав входит прилагательное, сохраняющее семантику, отражающую отрицательное ЭСС: *triste comme un jour sans pain* – «печальный, как постный день». В данном случае прилагательное *triste* «печальный», находясь в составе фразеологического единства, остается в микрополе «отрицательное ЭСС», но с повышением степени аффективности его семантики.

2) Перейдем к рассмотрению другой структурной модели фразеологического единства, сопровождающегося повышением аффективности семантики фразеолексы в составе фразеологического единства.

Как и в предыдущем случае, речь идет о фразеолексах с изначально эмоционально окрашенной семантикой, которые, как и в ранее рассмотренных примерах, при вхождении во фразеологические единства сохраняют признак эмотивности, но при этом меняется степень аффективности фразеолексы. Мы сочли возможным классифицировать данные случаи как подтип, отличающийся от предыдущего варианта структурными характеристиками: мы имеем дело не с компаративными ФЕ, а с синтаксической конструкцией глагол + дополнение.

В качестве примера, отражающего семантические изменения глагола в составе фразеологического единства синтаксической структуры, приведем глагол *souffrir* «страдать», входящий в состав ФЕ *souffrir mille maux* – «жестоко страдать». Рассмотрим семантические изменения, которые произошли с данным глаголом при его включении в состав фразеологического единства. Приведем исходное значение глагола *souffrir*: *éprouver une souffrance à cause des douleurs physiques ou morales* – «испытывать страдания по причине физической или моральной боли». Далее рассмотрим значение этого глагола в составе фразеологизма: *souffrir mille maux, éprouver une souffrance douloureuse et pénible* – «жестоко страдать».

Для иллюстрации семантических изменений, которые произошли с фразеолексой при ее переходе из свободного употребления в состав ФЕ, проведем компонентный анализ фразеолексы в свободном (1) и связанном состоянии (2):

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (страдание) + S_2 (причина страданий);
2. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (страдание) + S_2 (несчастье) + S_{3k} (степень аффективности),

где k маркирует коннотативный компонент

Сема S_{3k} , несущая аффективность, по макроструктуре значения является коннотативным компонентом. Таким образом, эти семы отличаются только аффективностью, которая возникает за счет ФЧ.

Таким образом, проанализировав полученную схему компонентного анализа, мы констатируем тот факт, что архисемы у глагола *souffrir* в свободном и связанном употреблении совпадают, иначе говоря, фразеолекса (БК) не утрачивает признак эмотивности и остается в микрополе «отрицательное ЭСС». Но наличие во второй модели коннотативного компонента, отражающего увеличение степени эмоциональности, указывает на то, что произошло усиление степени аффективности из-за включения фразеолексы в состав фразеологического единства.

Приведем другой пример фразеологического единства, состоящего из глагола и косвенного дополнения: *jouir de la lumière* – «любить жизнь». Это фразеологическое единство состоит из глагола *jouir*, взятого в прямом значении: *éprouver un vif plaisir* – «наслаждаться» и существительного косвенного дополнения *de la lumière* в переносном значении (ранее нами уже было отмечено, что прямое значение слова *la lumière* «свет» и лишь под воздействием внешнего синтаксиса со стороны глагола данная фразеолекса меняет значение). Следует отметить, что в конкретном случае фразеолекса сохранилась в микрополе «отрицательное эмоциональное состояние субъекта», поскольку семантика, отражающая эмоциональное состояние, была сохранена в составе ФЕ. Однако произошли изменения, касающиеся степени эмоциональной маркированности — данный глагол в составе фразеологического единства стал выражать более

сильные чувства и эмоции. На данном примере мы снова констатируем усиление степени аффективности фразеолексы внутри фразеологического единства. Приведем пример рассмотренного в предыдущем разделе глагола *s'ennuyer*, но теперь в составе фразеологического единства, состоящего из глагола и косвенного дополнения: *s'ennuyer à avaler sa langue* – «смертельно скучать». В данном случае, как и в проанализированном компаративном фразеологизме *s'ennuyer comme une carpe*, глагол сохраняет семантику, отражающую отрицательное ЭСС, но в рамках фразеологического единства аффективность БК усиливается.

Подводя итог анализу фразеологических единств с фразеолексой в исходном значении, нам необходимо кратко обозначить их семантические и фразеологические параметры, которые выглядят следующим образом:

1. Данные фразеологические единства обладают частичной мотивированностью (за счет БК либо ФЧ) и, соответственно, частичной идиоматичностью.
2. Фразеологическое значение эксплицитно и представлено в измененном виде и в обобщенном варианте выглядит как «совершить действие» (или быть похожим) на обозначенное БК или ФЧ.
3. Степень семантической и концептуальной интеграции является пониженной.
4. Семантика БК сохраняет относительную независимость от семантики ФЧ.
5. Отсутствие или низкая степень семантического дефокусирования (2 фокуса).
6. Наличие повышенной кореферентности БК и ФЧ.

II.4.2. Фразеологизация на базе производных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта (Ф1)

В данном параграфе мы описываем группу фразеолекс, которые используются в процессе фразеологизации в переносных значениях. Необходимо еще раз подчеркнуть тот факт, что фразеологизмы такого типа рассматриваются в аспекте статики, поскольку процесс семантического развития фразеолексы произошел до фразеологизации с использованием «готового» значения. Такая группа была обозначена нами Ф1. Приведем примеры такого

типа фразеологизации.

Во фразеологическом единстве *triste sire* – «жалкий, ничтожный тип, не вызывающий уважения» ФЧ *triste* используется в производном значении: *qui répand la tristesse, qui empreint la tristesse* – «тот, кто распространяет грусть, тот, кто наводит тоску и печаль». В составе фразеологического единства лексема *triste* имеет значение *dont le caractère médiocre ou odieux afflige* – «тот, чья посредственность и тоскливый характер удручают».

Приведем схему компонентного анализа фразеолексы в свободном (производном) (1) и связанном употреблении (2):

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (ничтожность) + S_2 (неприятность для окружающих);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_1 (ничтожность) + S_2 (неприятность для окружающих) + S_3 (отсутствие уважения).

Компонентный анализ показывает идентичность архисем значения фразеолексы в свободном и связанном употреблении, а также совпадение их дифференциальных сем, указывая на факт, что словарное производное значение не претерпело семантических изменений в процессе фразеологизации.

Ядерная сема модели фразеологической деривации, как и в случае перспективизации исходного значения, соотносится с ФЧ *triste*, не затрагивая семантических отношений между компонентами фразеологизма.

Отметим также, что данная лексема входит в ЛСП «печаль/скука».

Во фразеологической единице *s'amuser à la moutarde* – «заниматься пустяками», БК *s'amuser* меняет свое значение в составе фразеологического единства. Одно из производных значений глагола *s'amuser*: *se distraire agréablement* – «приятно развлекаться». В составе фразеологического единства БК *s'amuser* имеет значение: *perdre son temps à des riens* – «тратить свое время впустую, бессмысленно». Наличие ядерной семы модели фразеологической деривации «пустота, бессмыслица» позволяет сделать вывод, что производное значение, употребляемое в составе фразеологического единства, соответствует словарной дефиниции, что, как уже указывалось, является критерием

разграничения статического и динамического аспектов исследования. Данная лексема репрезентирует ЛСП «радость».

Другим примером может выступать фразеолекса *fulminer* (БК) «гневаться» в составе фразеологического единства *fulminer des reproches* – «бросать упреки». Производное значение данной фразеолексы (БК): *se laisser aller à une violente explosion de colère* – «поддаться сильному всплеску гнева». Это значение отражает эмоциональное состояние. Производное значение, приобретенное в составе фразеологического единства *formuler avec véhémence* – «пылко выговаривать».

Приведем схему компонентного анализа для данной фразеолексы в свободном употреблении (в производном значении) (1) и в составе фразеологизма (2).

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (потеря контроля) + S_2 (пылкое поведение) + S_3 (вспышка гнева);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_2 (пылкое поведение) + S_4 (упреки).

Анализ приведенной схемы компонентного анализа показывает, что, как и в предыдущем примере, архисемы и некоторые дифференциальные семы, характеризующие семантику фразеолексы в свободном и связанном употреблении, идентичны, что свидетельствует о статике ее семантики. Что касается дополнительных сем, возникших в семантике фразеологического единства, то они отражают семантическую структуру его второго компонента (ФЧ), а, как уже указывалось выше, изменения, не связанные с интересующей нас в конкретном случае фразеолексой, не входят в область нашего исследования.

Лексема *fulminer* относится к лексико-семантическому полю «гнев/раздражение».

Необходимо отметить, что примеры такого типа (Ф1) не являются частотными (3%), что, на наш взгляд, объясняется тенденцией производных значений, обладающих высоким уровнем метафорической аттракции, к повышенной степени семантической интеграции, что приводит к образованию

фразеологических сращений, которые отражают динамику семантики фразеолекс (см. гл. 3).

По отношению к микрополям, репрезентирующим фразеолексы в производных значениях, то преобладающим является микрополе «радость, удовольствие».

II.4.3. Фразеологизация на базе производных значений лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта без маркированности «эмоциональное состояние» в исходном значении (Ф2)

Перейдем к описанию следующей группы фразеолекс, обозначающих ЭСС в производных значениях. Как указывалось выше, к данной группе относятся производные значения лексем, не обозначающих в исходных значениях эмоциональное состояние, а приобретающих таковые в процессе развития полисемии. Такая группа была обозначена Ф2. Мы относим примеры данного типа к семантической статике процесса фразеологизации, поскольку фразеолекс используется в «уже готовом» значении, другими словами, указанный процесс не сопровождается приращением значения.

Необходимо указать на тот факт, что модель семантической деривации, в результате использования которой появляются значения, связанные с эмоциональным состоянием, достаточно частотны. Это объясняется тем фактом, что «многие предметы или явления действительности связаны с определенной эмоциональной реакцией, которые не остаются незамеченными, провоцируя определенное эмоционально-оценочное отношение» [Иванова 2015].

Именно поэтому такого рода производные значения, обладая высокой степенью метафоричности, представляют собой мощный потенциал для процесса фразеологизации.

В ходе исследования была обнаружена следующая закономерность: большинство лексико-семантических групп, отражающих ЭСС и принадлежащих к модели Ф2, связаны с соматической лексикой и зоонимами.

Ограничиваясь рамками настоящего исследования, мы опишем фразеологизмы, обозначающие ЭСС, образованные на основе этих двух типов фразеолекс.

Н. А. Красавский говорил о том, что соматические компоненты фразеологизмов имеют значение «индикатора состояния» [Красавский 2001]. Именно о таких значениях, производных от соматизмов, и пойдет речь в настоящем параграфе.

Например, лексема *sang* «кровь» является часто употребляемой, поскольку выражает большой спектр значений: любовь, здоровье, развитие, жизнь и др. Во фразеологическом единстве *avoir le sang chaud* – «быть вспыльчивым», БК *sang* репрезентирует эмоциональное состояние субъекта. Данная фразеолекса в свободном употреблении имеет производное значение *principe de vie, dans l'être vivant, bien réels, bien vivants, avec leurs passions, leurs appétits* – «способ существования, то, что обеспечивает жизнь, принцип жизни, со своими страстями, своими желаниями». Приведем схему компонентного анализа фразеолексы *sang* в свободном производном (1) и фразеологически связанном значениях (2).

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (принцип жизни, темперамент) + S_2 (пылкость) + S_3 (желания);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_1 (принцип жизни, темперамент) + S_5 (горячность).

Как и в примерах, описанных в предыдущем параграфе, компонентный анализ показывает идентичность архисем и основных дифференциальных сем, относящихся к фразеолексе в свободном производном значении и в составе фразеологизма, что подтверждает статичность процесса фразеологизации описываемого типа. Подчеркнем еще раз, что сема «горячность», указывающая на специфику значения фразеологизма, связана с ФЧ *chaud*, которая также представляет собой производное значение прилагательного «горячий», маркированное как эмоциональное состояние (его компонентный анализ в данном случае не представляет интерес). Таким образом, в процессе фразеологизации задействованы «готовые» производные значения лексем, что

указывает на тот факт, что мы имеем дело не с фразеосемантической, а с фразеологической деривацией.

Приведем еще примеры такого типа.

Фразеологические единства с компонентом - соматизмом *coeur* «сердце» в своих переносных значениях являются достаточно частотными во французском языке. Во фразеологическом единстве *coeur de pierre* – «каменное сердце», где физические свойства камня обозначают отрицательные качества человека, такие как жесткость, бесчувственность, присутствует эмоциональная характеристика субъекта: *coeur de pierre* – «бесчувственность». Таким образом, в процесс фразеологизации включается переносное значение БК *coeur* – средоточие эмоций. Что касается ФЧ *de pierre*, то данная лексема меняет свое значение в процессе фразеологизации, что свидетельствует о наличии динамических процессов. Но, поскольку такая лексема не репрезентирует эмоциональное состояние в свободном употреблении, такого рода примеры выходят за рамки нашего исследования. Тем не менее, необходимо лишний раз указать на тот факт, что понятие «статика» является относительным и рассматривается только применительно к фразеолексам, обозначающим эмоциональное состояние в свободном употреблении. Существительное *coeur* многозначно во французском языке. Одно из его переносных значений – *le siège des émotions et sensations* – «место сосредоточения эмоций и чувств».

Сравним компонентный анализ данного переносного значения в свободном (1) и фразеологически связанном употреблении (2):

1. A₁ (эмоциональное состояние) + S₁ (средоточие эмоций);
2. A₂ (эмоциональное состояние) + S₂ (бесчувственность).

В данном примере, как и в предыдущем, в процессе фразеологизации БК *coeur* используется в заданном производном значении; другими словами, указанный процесс не сопровождается приращением значения фразеолексы.

Лексема *tête* «голова» также многозначна. Одно из производных значений данной лексемы – *le siège des états psychologiques* – «место сосредоточения психологических состояний». Приведем пример фразеологического единства с

указанной лексемой: *avoir une sale tête* – «пребывать в расстроенном состоянии». Проведем компонентный анализ лексемы *tête* в свободном производном (1) и фразеологически связанном значениях (2).

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (умственное состояние);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_1 + S_2 (печаль) (связано с ФЧ *sale*).

Таким образом, данная фразеолекса используется в словарном переносном значении в процессе фразеологизации, что также дает право отнести такого рода процесс к статике семантики фразеолексы на основе значения «эмоциональное состояние». В приведенном примере фразеолекса представляет собой БК фразеологического единства.

Перейдем к описанию фразеологических единиц с фразеолексами-зоонимами, которые в производных значениях также оказываются продуктивными для процесса фразеологизации.

Приведем пример фразеологического единства с компонентом-зоонимом *chien*: *être fait comme un chien fou* – «быть злым как бешеная собака, беситься как собака». Производное значение ФЧ *chien* – *terme d'injure; dur, méchant* – «оскорбительное слово; жестокий, злой человек». Проведем компонентный анализ производного и связанного значений данной лексемы.

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (грубость) + S_2 (злость);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_2 (злость) + S_k (компаративная сема).

Другим компонентом-соматизмом, производное значение которого используется в процессе фразеологизации, выступает лексема *raoû* «павлин» во фразеологическом единстве *jeter de cris de raoû* – «кричать от злости». Одно из переносных значений ФЧ *raoû*: *protester bruyamment* – «крикливость». Приведем схему компонентного анализа:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (пронзительно) + S_2 (злая крикливость);
2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_3 (злая крикливость) + S_4 (психическая реакция).

В результате проведенного компонентного анализа мы приходим к выводу: речь идет о статике семантики фразеолексы, обозначающей

эмоциональное состояние и об отсутствии семантических процессов на ее основе в рамках фразеологизации.

Анализируя фразеологические единства с компонентом-соматизмом и компонентом-зоонимом, взятыми в производном значении с позиций их содержательной стороны, мы пришли к следующему заключению: что касается фразеологических единиц с компонентом-соматизмом для выражения эмоционального состояния субъекта, то наиболее частотными являются ФЕ с компонентом *tête* «голова», репрезентирующие такие эмоциональные состояния, как спокойствие, печаль: *faire la mauvaise tête* – «дуться», *avoir une sale tête* – «иметь расстроенный вид», *avoir la tête en combustion* – «испытывать сильное возбуждение» и др.; компонент *coeur* «сердце» представляет широкий спектр эмоций: бесчувственность, грусть, печаль, любовь, удовольствие: *coeur épais* – «бесчувственное сердце» (бесчувственный человек), *coeur d'acier* – «стальной человек» (без эмоций), *coeur de pierre* – «бесчувственный человек», *avoir le coeur gros* – «быть грустным, расстроенным» и др.; компонент *œil/yeux* «глаз/глаза» отождествляется с таким эмоциональным состоянием, как гнев: *en avoir par-dessus les yeux* – «не быть в состоянии выносить что-либо» и др.

Фразеологические единства с компонентом-зоонимом, отражающие эмоциональное состояние, наиболее частотно представлены следующими лексемами: *chien* «собака» для выражения таких эмоций, как: ярость, злость: *faire le chien enragé* – «злой как собака», *être fait comme un chien fou* – «быть злым как бешеная собака, беситься как собака» и др.; *raon* «павлин» для выражения эмоционального состояния «крикливость»: *jeter de cris de raon* – «кричать от злости» и др.

II.4.4. Соотношение базового компонента и формирующей части фразеологического единства в составе лексико-семантических микрополей «эмоциональное состояние субъекта» на базе производных значений лексем

В данном параграфе мы, следуя алгоритму описания фразеологических

единств как продуктов статических процессов на базе фразеолекс, обозначающих эмоциональное состояние, дифференцируем фразеологические единства на две группы: 1) фразеологические единства, в которых производный семантический компонент ЭСС является БК и 2) фразеологические единства, в которых производный семантический компонент ЭСС находится в ФЧ. Таким образом, мы делаем попытку проследить, какая часть фразеологического единства (БК или ФЧ) является релевантной для семантических микрополей, представленных ранее.

Приведем примеры фразеологических единств, ФЧ которых репрезентирует ЛСП «радость/счастье»: *avoir le coeur gai* – «быть весёлым, жизнерадостным», *être en coeur* – «быть веселым, бодрым» и др.

Примеры фразеологических единств, ФЧ которых репрезентирует ЛСП «гнев/раздражение»: *avoir le sang chaud* – «быть вспыльчивым», *chaleur du sang* – «горячий темперамент», «пылкая душа», «вспышка гнева, вспыльчивость», *faire le chien enragé* – «быть злым как бешеная собака», *être fait comme un chien fou* – «быть злым как бешеная собака, беситься как собака», *jeter de cris de paon* – «кричать от злости» и др.

Фразеологические единства, ФЧ которых репрезентируют ЛСП «печаль/скука»: *ne pas avoir le cœur à la danse* – «быть грустным», *agiter le coeur* – «расстрогать», *avoir le coeur gros* – «быть печальным, опечаленным, расстроенным; грустить», *crever le coeur* – «растрогать, разрывать сердце», *crucifier son coeur* – «истязать, терзать свое сердце», *se labourer le coeur* – «терзать, мучить себя», *se ronger le coeur* – «терзаться тайной печалью», *avoir une sale tête* – «иметь расстроенный вид» и др.

Примеры фразеологических единств, ФЧ которых репрезентирует ЛСП «страх»: *en avoir le coeur retourné* – «сильно волноваться», *se faire un sang d'encre* – «сильно волноваться» (бояться) и др.

Примеры фразеологических единств, ФЧ которых репрезентирует ЛСП «любовь, удовольствие»: *avoir le cœur épris de qn* – «быть влюбленным», *ne pas avoir assez d'yeux pour ...* – «они не могут наглядеться друг на друга и др.

В ходе проведенного исследования мы можем заметить тот факт, что большинство фразеологических единств, содержащих соматическую лексику или компонент-зооним, отражают отрицательные ЭСС. Такая закономерность обусловлена тем, что, как известно, номенклатура и количество отрицательных эмоций и эмоциональных состояний человека более объёмна, чем положительных: это связано с особыми функциями отрицательных эмоций.

В ходе исследования обнаружено, что фразеологические единства, в которых семантический компонент ЭСС в производном значении являлся бы БК, не оказываются частотными. Если при анализе фразеолекс в исходном значении их использование как БК и ФЧ было представлено в равной мере (см. стр. 102), то в случае производных значений они представлены исключительно ФЧ. Безусловно, такие производные значения используются в процессе фразеологизации, но обозначают не эмоциональное состояние, а иные качества субъекта, согласно лексикографическим источникам: его характеристику, качества личности, характер, манеру действий, интеллектуальные качества и др., что выходит за рамки исследования данной главы.

Однако в ходе исследования мы отметим, фразеолексы-соматизмы и фразеолексы-зоонимы могут выступать в качестве БК, если семантика таковых обладает высокой степенью кореферентности с другими семантическими признаками, что в конечном результате приводит к образованию новой идиомы, что в соответствии с нашим пониманием статики и динамики характеризует динамические процессы и будет рассмотрено в главе 3.

Говоря о фразеосемантических параметрах фразеологических единств с фразеолексами в производных значениях, необходимо отметить, что они аналогичны параметрам, описанным относительно фразеологических единств с фразеолексами в исходных значениях.

Выводы по II главе

В результате проведенного исследования статики семантики ФЕ мы пришли

к следующим выводам:

1. Критерием разграничения статических и динамических семантических процессов фразеологизации является использование в данном процессе «готовых», закрепленных в словарной дефиниции свободных значений лексем, обозначающих ЭСС (статика) либо их связанных значений, возникающих при образовании фразеологизма (динамика).

2. Статика семантики ФЕ присуща исключительно фразеологическим единствам. Таким образом, статика семантики фразеолексы связана с фразеологической, а не фразеосемантической деривацией. Отсюда следует, что фразеолекса, обозначающая ЭСС, отличается определенной семантической устойчивостью (см. Приложение № 10).

3. Модель фразеологической деривации связана с актуализацией признака, соотносящегося либо с БК, либо с ФЧ, и не может эксплицировать признак, отражающий результат их переосмысления. Другими словами, ядерная сема модели фразеологической деривации соотносится с одним из компонентов «будущего» фразеологизма.

4. Статика семантики фразеологического единства представлена несколькими вариантами:

А) в процессе фразеологизации используется исходное значение многозначной фразеолексы, обозначающее ЭСС (либо речь идет о единственном значении моносемичной лексики) – 71 %;

Б) в процессе фразеологизации используется свободное производное значение фразеолексы, обозначающее ЭСС (Ф1) – 26%;

В) в процессе фразеологизации используется производное значение фразеолексы, маркированное как ЭСС, но не имеющее такой маркировки в исходном значении (Ф2) – 3 % (см. приложение № 11);

5. Все указанные варианты процесса фразеологизации объединены идентичными характеристиками, отражающими их семантические и фразеологические параметры, в частности, такие как:

А) наличие частичной мотивированности и соответственно частичной идиоматичности фразеологизма;

Б) фразеологическое значение представлено в измененном виде (по сравнению со свободным сочетанием элементов) за счет метафоричности одного из его компонентов;

В) степень семантической интеграции компонентов фразеологизма квалифицируется как низкая, поскольку идиоматизации подвергается только один из его компонентов, что вытекает из п.5А;

Д) процесс семантического дефокусирования отсутствует, что выражается в наличии двух фокусов;

Е) наличие высокой степени кореферентности БК и ФЧ.

6. Статика и динамика семантики фразеологизма исследуемого типа находятся в отношениях диалектического единства. В частности, во фразеологизмах, демонстрирующих статику семантики ЭС, присутствует повышение степени аффективности такой семантики, что индуцируется остаточным компонентом фразеологизма. В данном случае степень количественного «накопления» семантических изменений недостаточна для того, чтобы произошел качественный скачок и можно было бы признать такое семантическое явление динамическим. Тем не менее, можно констатировать начальный этап динамических явлений в пределах статических.

7. В семантическом поле «эмоциональное состояние» «будущие» фразеолексы распределяются следующим образом: в ядре семантического поля находятся исходные значения, на периферии – семемы, использующиеся в производных значениях в процессе фразеологизации. В периферийную зону (участок интерференции) попадают семемы, «захваченные» из других семантических полей, в частности, зоонимы и соматизмы в производных значениях (см. Приложение №12).

8. Что касается вопроса частотности БК и ФЧ, репрезентирующих ЭСС, то ее вариативность связана с принадлежностью к соответствующему микрополю. В частности, количественный анализ ФЕ показал, что БК характеризует, в

большей мере, лексико-семантическое микрополе «печаль/скука» (25%). ФЧ является определяющей в микрополях «гнев/раздражение» и «страх» (27%). Был установлен тот факт, что БК и ФЧ фразеологизмов, относящихся к микро полям «радость/счастье/любовь», представлены в равной мере (48%).

9. Использование производных значений фразеолекс, обозначающих ЭС (тип Ф1) является низкочастотным для фразеологических единств (в рамках статики) и составляет 3% относительно общего объема исследованного материала, что объясняется их высоким уровнем метафорической аттракции, что в свою очередь делает их потенциально релевантными для образования фразеологических сращений (см. гл.3).

10. Использование производных значений фразеолекс, обозначающих ЭСС (тип Ф2), значительно превышает фразеолексы типа Ф1. Наиболее мощным потенциалом в аспекте фразеологизации обладают лексемы-зоонимы и лексемы-соматизмы в производных значениях.

Глава III. Особенности фразеологических единиц, обозначающих положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта в динамическом аспекте

Данная глава посвящена изучению семантических изменений, которые происходят с фразеолоксой с компонентом ЭСС в процессе его включения в процесс фразеологизации. Мы анализируем семантическую и структурную корреляцию БК и ФЧ с точки зрения их структуры и семантики. Следовательно, приоритетным для нас является изучение содержательной и структурной стороны процесса образования фразеологических единств и сращений с семантическим компонентом ЭСС во французском языке. Исходя из этого, задачами главы являются:

- 1) изучить основные парадигмы изменения значения фразеолексы в составе фразеологических единств и фразеологических сращений;
- 2) рассмотреть структурные и семантические особенности компонентов фразеологизма в процессе фразеосемантической деривации;
- 3) проанализировать композиционные особенности базового компонента и формирующей части и их влияние на дальнейшее семантическое развитие фразеологизма;
- 4) дифференцировать степени семантической композициональности базового компонента и формирующей части в фразеологических единствах и сращениях;
- 5) сделать попытку объяснения причин, определяющих направление процесса фразеологизации.

Как указывалось ранее, разграничение статического и динамического аспектов анализа комплексного знака предполагает также и разграничение фразеологической и фразеосемантической деривации [Епринцева 2024]. В частности, в предыдущей главе речь шла о фразеологической деривации, при которой вступление в силу синтагматических отношений не влекло за собой семантических изменений фразеолексы. В настоящей главе мы анализируем

фразеосемантическую деривацию в соответствии с задачами, сформулированными выше.

Другими словами, речь идет о двух способах образования фразеологизмов, содержащих семантику ЭСС. С одной стороны, речь идет о фразеолексе, изначально выражающей данное значение (в исходном или производном значении), что было рассмотрено в предыдущей главе, а с другой стороны, подразумеваются фразеолексы, которые реализуют свой семантический потенциал в процессе фразеологизации. Именно фразеоединицы с такими лексемами и являются объектом исследования данной главы.

Подчеркнем еще раз, что под динамическим аспектом исследования мы понимаем закономерности образования фразеологизма, специфику механизмов фразеологизации, ведущих к появлению фразеологических единств и фразеологических сращений, в которых появляется семантическое наращение, т.е. присутствует динамика семантики ЭСС. Так же, как и в предыдущей главе, мы рассматриваем группу фразеолекс Ф1 (изначально обозначающих ЭСС) и группу фразеолекс Ф2 (не имеющих изначально значения ЭСС, но актуализирующие его в процессе фразеологизации).

III.1. Фразеосемантическая деривация на основе фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта»

В данном разделе мы систематизируем закономерности структурных и семантических изменений, отражающих процесс перехода фразеолексы в составе фразеологизма в динамическом аспекте. В частности, нас интересуют те случаи, когда исследуемая семантика БК, ФЧ, либо всего фразеологического сращения отличается от системных словарных дефиниций. Другими словами, исследуются в высокой степени фразеологически связанные значения. Рассмотрим поочередно выявленные модели структурных и семантических изменений.

III.1.1. Локальная соотнесенность ядерной семы модели фразеологизации

Переходя к описанию локальной соотнесенности ядерной семы модели фразеологизации с БК или ФЧ, следует уточнить, что речь идет о БК фразеологизма или его ФЧ, используемого с самого начального этапа процесса фразеологизации. Иными словами, БК и ФЧ изначально рассматриваются как самостоятельные лексемы, которые актуализируют определенные признаки, релевантные для процесса фразеосемантической деривации. На конечном этапе этого процесса они модифицируют такие признаки в соответствии со специфическим механизмом фразеологизации. Под локальной соотнесенностью БК или ФЧ мы, вслед за О.Б. Полянчук, понимаем структурную соотнесенность ядерной семы модели фразеологизации с компонентом комплексного знака [Полянчук 2009], в данном случае с БК либо ФЧ.

Как показало исследование, роль семантического компонента ЭСС не всегда оказывается активной в процессе фразеологизации. В результате этого семантика ЭСС может либо полностью нейтрализовываться, либо претерпевать различного рода переосмысление.

Таким образом, необходимо выявить особенности семантической композиционности БК и ФЧ, акцентируя при этом формальную и содержательную сторону изменения семантики ЭСС в процессе фразеологизации.

Необходимо указать на тот факт, что в ходе образования фразеологизма процесс семантической и фразеологической деривации протекает одновременно, что отличает его от семантических процессов других комплексных знаков (производных слов)» [Черникова 2016, 2018].

Характерной особенностью описываемой структурной модели фразеологизации является локальная соотнесенность ядерной семы модели семантической деривации (семы, на которой базируется метафора или сравнение) с одним из компонентов, структурирующих комплексный знак [Полянчук 2009].

Исходя из этого положения, можно дифференцировать ФЕ на три основных группы: 1) ФЕ, которые образованы благодаря тому, что ядерная сема модели фразеосемантической деривации соотносится с БК; 2) ФЕ, образованные вследствие соотнесенности ядерной семы модели фразеосемантической деривации с ФЧ; 3) ядерная сема является результатом переосмысления семантики БК и ФЧ.

III.1.1.1. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с базовым компонентом

Прежде чем перейти к описанию данной модели фразеологизации, необходимо отметить, что она предполагает возможность вычленения БК фразеологизма, что указывает на относительную прозрачность фразеологического значения, следовательно, можно утверждать, что речь пойдет о фразеологических единствах. Перейдем к описанию такого рода фразеологических единств.

Во фразеологическом единстве *gracieux comme un bonnet de nuit* – «неприветливый, угрюмый (как ночной колпак)», БК представлен лексической единицей *gracieux*. Этот фразеологизм образован с помощью механизма переосмысления, связанного с иронией: ядерная сема модели фразеологической деривации соотносится с БК, в процессе фразеосемантической деривации происходит переосмысление исходного значения БК, что и приводит к появлению фразеологического единства. Отнести данный пример к описываемому типу позволил тот факт, что словарная дефиниция данной лексической единицы не содержит значения, появившегося в процессе фразеологизации. Сравним: 1) *bienveillant, bon* – «благожелательный, добрый»; 2) *qui est aimable et souriant* – «любезный и улыбчивый»; 3) *qui est accordé, sans être dû, sans que rien soit exigé en retour* – «тот, кто со всем согласен, кто ничего не требует взамен»; 4) *qui a de la grâce* – «тот, кто отмечен благодатью» – словарное значение «угрюмый» – новое значение, свойственное БК в составе

фразеологизма.

Приведем схему компонентного анализа:

1. A_1 (положительное эмоциональное состояние) + S_1 (внушающий расположение) + S_2 (учтивость по отношению к другим) + S_3 (шарм).

Схема компонентного анализа выглядит следующим образом:

$$A_1 + S_1 + S_2 + S_3$$

Проведем компонентный анализ БК «*gracieux*» в составе фразеологического единства *gracieux comme un bonnet de nuit*:

2. A_2 – «отрицательное эмоциональное состояние» + S_4 (угрюмость) + S_k (компаративная сема) + S_5 (предмет, ночной колпак).

$$A_2 + S_4 + S_k + S_5 + S_{3p}$$

Таким образом, мы наблюдаем изменение значения БК при его включении в процесс фразеологизации (приветливость → угрюмость). Что касается ФЧ, то она метафорична и образна и так же, как БК, создает идиоматичность фразеологизма. Тем не менее, ФЕ остается в разряде фразеологических единств, поскольку процесс фразеосемантической деривации затрагивает только БК, оставляя «в стороне» компаративную часть фразеологизма. Фразеологическое значение представлено как «эмоциональное состояние, обратное обозначенному БК».

Рассмотрим еще один пример. Фразеологическое единство *adroit comme un prêtre normand* (досл. «ловкий как нормандский священник») в значении – «крайне неловкий, неумелый». Словарная дефиниция БК *adroit*: 1) *qui a de l'adresse dans ses activités physiques* – «тот, кто обладает физическими навыками»; 2) *qui se conduit, manœuvre avec adresse* – «тот, кто умеет себя вести, маневрировать в зависимости от ситуации». В данном примере ядерная сема модели фразеологизации, как и в предыдущем случае, соотносится с БК, и его значение в составе фразеологического единства также меняется на противоположное.

Мы не приводим схему компонентного анализа, так как она будет аналогична предыдущей. Фразеологическое значение представлено как «ЭСС,

противоположное обозначенному БК».

Приведем еще пример такого типа. Во фразеологической единице *la joie des autres* – «неприятное состояние, связанное с успехами других», мы отмечаем изменение значения БК *joie*. Одно из производных значений лексемы *joie*: *cette émotion liée à une cause particulière* – «положительная эмоция, связанная с особой причиной». В составе ФЕ данная лексема имеет значение: *ennuis, désagrément* – «неполадки, недовольство». Приведем схему компонентного анализа фразеолексы в свободном (1) и связанном значении (2):

1. A₁ (положительная эмоция) + S₁ (имеющая причину) + S₂ (радость).
2. A₂ (отрицательная эмоция) + S₃ (беспокойство, зависть).

Как показал компонентный анализ, в данном случае происходит частичное изменение архисемы, а ядерная сема модели фразеологизации связана, как и в предыдущих примерах, не с метафоризацией, а с механизмом антитезы, создающей эффект иронии. Фразеологическое значение представлено как «ЭС, противоположное обозначенному БК».

Другим примером такого типа может служить фразеологическое единство *furieux d'admiration* – «интенсивный или очень увлеченный взгляд, обращенный на своего любимого человека или на свою страсть». Словарная дефиниция БК в свободном употреблении: *en proie à la fureur qui caractérise certaines folies* – «жертва ярости, которая характеризует определенное безумие».

В подобных примерах ядерная сема модели фразеологизации соотносится с БК, и их значение в составе фразеологического единства также меняется на противоположное, как и в предыдущих примерах (ярость → увлеченность). Фразеологическое значение выражено как «ЭС, противоположное обозначенному БК».

Таким образом, обобщая данные анализа локальной соотнесенности ядерной семы модели фразеосемантической деривации этого типа, можно заключить следующее:

1. При соотнесенности ядерной семы модели фразеосемантической деривации с БК образуются исключительно фразеологические единства;

2. Фразеологизмы сохраняют частичную мотивированность и частичную идиоматичность вследствие отсутствия фузии его компонентов;
3. Фразеологические единства такого типа обладают низкой степенью интегративности и кореферентности.

III.1.1.2. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с формирующей частью

В настоящем параграфе речь идет о случаях, когда ядерная сема модели фразеологической деривации соотносится с ФЧ «будущего» фразеологизма.

Приведем несколько примеров такого типа. Проанализируем фразеологическое единство *avoir des bontés pour qn* – «питать к кому-либо слабость». ФЧ данного фразеологического единства выражена фразеолексой «*des bontés*». Словарная дефиниция лексемы «*une bonté*» представлена как: *qualité morale qui porte à faire le bien, à être bon pour les autres* – «моральное качество, которое побуждает делать добро, чтобы быть полезным для других». Компонентный анализ выглядит следующий образом:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (доброта) + S_2 (помощь другим) + S_{3p} (слабость, симпатия).

Схема компонентного анализа исследуемой семы выглядит следующим образом:

$$A_1 + S_1 + S_2 + S_{3p}$$

Проведем компонентный анализ ФЧ «*des bontés*» в составе фразеологизма *avoir des bontés pour qn*. Схема компонентного анализа имеет следующий вид:

2. A_2 (эмоциональное состояние) + S_3 (слабость, симпатия) + S_{4p} (доброта).

$$A_2 + S_3 + S_{4p}$$

Именно S_{3p} становится ядерной семой модели фразеологизации. Актуализируясь в процессе фразеосемантической деривации, возникает новое значение фразеолексы как ФЧ фразеологического единства. Что касается

фразеологического значения рассмотренной фразеоединицы, то его можно представить как: «испытывать эмоциональное состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

Во фразеологическом единстве *faire un triste repas* – «встать из-за стола голодным, ФЧ представлена лексической единицей *triste*, прямое значение которой: *qui est dans état de tristesse* – «тот, кто пребывает в грустном состоянии». Так как схема компонентного анализа аналогична схеме, приведенной выше, мы не приводим подробное описание компонентного анализа. В рассматриваемом примере, в результате фразеологизации, ядерной семой модели фразеологизации является сема «тоска, голод», содержащаяся в семантической структуре прилагательного *triste* и не эксплицированная ни в одной из словарных дефиниций. Фразеологическое значение данного фразеологизма представлено следующим образом: «эмоциональное состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

Фразеологическое единство *bête à faire plaisir* – «совершенный дурак», «дурак, вызывающий насмешку, для развлечения» имеет в своем составе ФЧ, представленную лексической единицей *plaisir*, исходное значение которой следующее: *ce qu'il plaît à qqn de faire, d'ordonner; ce qu'il juge bon, ce qu'il veut* – «делать, что нравится, что считается нужным, что хочется». В рассматриваемом фразеологическом единстве ядерной семой модели фразеологизации является потенциальная сема «развлечение», входящая в семный состав будущей фразеолексы *plaisir*. Фразеологическое значение рассмотренного фразеологизма может быть выражено следующим образом: «эмоциональное состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

Таким образом, в результате локальной соотнесенности ядерной семы модели фразеологической деривации с ФЧ так же, как и в случае ее соотнесенности с БК, образуются комплексные знаки пониженной степени интегративности, поскольку семантика фразеолексы (БК либо ФЧ) сохраняет относительную независимость от остаточного компонента фразеологизма, а степень кореферентности – повышенная. Как и в случае, когда ядерная сема модели фразеологизации соотносится с БК, фразеологизм сохраняет частичную

мотивированность и частичную идиоматичность вследствие отсутствия фузии его компонентов. Следует отметить, что локальная соотнесенность ядерной семы модели фразеологизации данного типа так же, как и в описанном ранее случае, приводит исключительно к образованию фразеологических единств.

III.1.1.3. Ядерная сема модели фразеологизации соотносится с семей-компонентом, отражающим результат переосмысления семантики БК и ФЧ

Перейдем к описанию следующего алгоритма процесса фразеологизации. Сущность данного алгоритма заключается в том, что ядерная сема процесса переосмысления свободного словосочетания не соотносится ни с БК, ни с ФЧ, а возникает в результате переосмысления их семантики.

Проанализируем данное положение на примере: фразеологическая единица *peine à dormir debout* – «неудача» имеет в своем составе семантический компонент ЭСС *peine* – «горечь, трудность». Что касается ядерной семы модели фразеосемантической деривации, то она может быть представлена как *insuccès* – «неуспех, неудача». Данная сема актуализируется в процессе фразеосемантической деривации и представляет собой результат процесса переосмысления семантики БК и ФЧ (результат труда, не достигающий цели (дословно – «без сна и отдыха», является состояние фрустрации от неуспеха). Необходимо указать на тот факт, что сама процедура компонентного анализа, иллюстрирующего данную модель локальной соотнесенности, существенно отличается от описанной выше. В частности, мы предлагаем компонентный анализ, отражающий полный процесс фразеосемантической деривации.

Фразеологизм *peine à dormir debout* имеет следующее значение: *un travail qui demande constamment des efforts nouveaux et nouveaux et qui n'atteint pas le but* – «неудача, требующая постоянно новых и новых усилий, и не достигающий цели труд». Таким образом, фразеологизм получает значение *insuccès* – «неуспех, неудача». Представим вначале семный состав БК и ФЧ по-отдельности.

БК: *Activité qui coûte, qui fatigue* – «деятельность, которая стоит труда, утомляет»

A_1 – вид деятельности

S_1 – усилие, трудности

S_3 – утомление

ФЧ: *Etre dans un état de sommeil*

A_2 – физическое состояние

S_4 – сон

S_5 – стоя

БК (*peine*) + ФЧ (*à dormir debout*) + ЯС (*insuccès*)

$$(A_1 + S_1 + S_2 + S_3)^{БК} + (A_2 + S_4 + S_5)^{ФЧ} + S_{бр} \text{ (пассивность)} + S_{8p}^{ЯС \text{ (неудача)}} \rightarrow A_3 \\ \text{(эмоциональное состояние)} + S_8$$

Схема компонентного анализа указывает на актуализацию в процессе фразеосемантической деривации потенциальной семы «неудача, состояние поражения» (ЯС – ядерная сема), которая отражает результат переосмысления семантики БК и ФЧ (в результате деятельности, которая похожа на сон, возникает неудача и чувство фрустрации).

Что касается фразеологического значения, то в данном случае оно имплицитно ввиду высокой степени интегративности фразеологизма.

Приведем еще примеры такого типа (компонентный анализ аналогичен приведенной схеме).

Фразеологизм *faire (une drôle) de tête (gueule) à qn* – (БК – делать, показывать, ФЧ – изумленное лицо) – «быть изумленным» означает: *montrer un visage exprimant un sentiment particulier comme la colère, la surprise, etc.* – «демонстрировать лицо, выражающее чувство, такое как гнев, удивление и т.д.»

Ядерная сема данного фразеологизма выражена потенциальной семой «эмоциональное состояние» (человек делает изумленное лицо, когда испытывает определенные эмоции). В результате фразеосемантической деривации происходит полное переосмысление БК и ФЧ, что сопровождается появлением новых семантических компонентов, связанных с семантическим полем ЭСС, о

чем пойдет речь ниже.

Приведем еще несколько примеров. Фразеологизм *gueule d'amour* – «смазливый соблазнитель, красавчик» имеет в своем составе семантический компонент, обозначающий ЭСС – «*amour*». Для выделения ядерной семы рассмотрим компоненты данного фразеологического сращения в свободном значении и фразеологически связанном значении. Сначала приведем исходное значение фразеолексы *amour: disposition à vouloir le bien d'une entité humanisée (Dieu, le prochain, l'humanité, la patrie) et à se dévouer à elle* – «готовность желать блага человеческой сущности (Богу, ближнему, человечеству, родине) и посвятить себя ей». Данное значение под влиянием эмоционального контекста становится семантически связанным со значением фразеолексы *gueule* – «физиономия, рожа». Значение фразеологического сращения является следующим: *les séducteurs irrésistibles* – «смазливый соблазнитель, красавчик». Компонентный анализ, соответствующий схеме, приведенной выше, показывает, что ядерной семой модели фразеологизации становится семантический компонент, отражающий результат переосмысления значений БК и ФЧ и обозначающий качество человека, его характеристику: любострастная физиономия – качество обольстителя. Данное фразеологическое сращение приобретает пейоративное значение.

Во фразеологическом сращении *faire du joli* – «влипнуть в историю» присутствует семантический компонент *joli*, который использован в антонимическом значении с целью создать эффект иронии (поступить красиво – глупо). Процесс переосмысления фразеолексы в процессе фразеосемантической деривации основан на результативной семе: в результате того, что кто-либо поступает глупо, он «влипает в историю».

Проанализировав несколько примеров подобного рода фразеологизмов, отметим, что их отличительной чертой является отсутствие параметра членимости, что подтверждается невозможностью выделения БК либо ФЧ. Степень их спаянности очень высока, мотивированность отсутствует, а фразеологическое значение имплицитно. Высокая степень идиоматичности

фразеологических сращений приводит к низкой степени кореферентности их компонентов.

Подводя итоги данному параграфу, мы можем сделать следующие выводы:

- 1) если ядерная сема является результатом переосмысления компонентов, входящих в состав фразеологизма, то в результате фразеологизации формируются фразеологические сращения;
- 2) что касается актуализации сем в процессе фразеологизации, необходимо отметить, что в отличие от фразеологических единств, при образовании которых актуализируются как дифференциальные, так и потенциальные семы, при формировании фразеологических сращений в основном актуализируются потенциальные семы;
- 3) фразеологические сращения характеризуются высокой степенью идиоматичности, затемненной мотивацией, имплицитностью фразеологического значения, высокой степенью семантической интегративности и пониженной степенью кореферентности их составляющих.

III.2. Семантические модели фразеологизации (Ф1)

III.2.1. Семантические модели фразеологизации, приводящие к образованию фразеологических единств

Рассмотрев структурный аспект процесса фразеологизации, перейдем к анализу его содержательной составляющей. В частности, нас интересуют семантические алгоритмы изменения значения ЭСС в процессе фразеологизации. В настоящем параграфе мы рассматриваем этот процесс применительно к фразеологическим единствам.

III.2.1.1. Фразеосемантическая модель ЭСС1 → ЭСС 2

Мы считаем необходимым также рассмотреть примеры лексем,

фразеологически связанные значения которых в составе фразеологических единств образованы по модели фразеосемантической деривации ЭСС1 → ЭСС2, поскольку данный тип семантических изменений представлен достаточно репрезентативной группой фразеологических единств.

В качестве примера возьмем производное значение глагола *crever* – «выдыхаться от усталости» в свободном употреблении. Этот глагол в составе фразеологического единства *crever d'argent* означает «денег куры не клюют» (дословно – перенасытиться деньгами).

Рассмотрим используемое значение глагола *crever* в свободном употреблении и в фразеологически связанном значении, которое данная фразеолекса приобретает в составе фразеологического единства. Свободное значение представлено как *se fatiguer, être à bout de forces, s'épuiser* – «уставать, быть на последнем издыхании, истощение сил». Это значение указывает на эмоциональное состояние человека – усталость (в настоящем примере мы опираемся именно на это значение, не принимая во внимание значение, связанное с физической усталостью). Связанное значение, приобретенное глаголом в составе фразеологического единства, представлено следующим образом: *avoir trop d'argent* – «иметь много денег, быть очень богатым».

Для того чтобы проиллюстрировать данный тип перестройки семем, проведем компонентный анализ значений фразеолексы.

A₁ – эмоциональное состояние. S₁ – усталость; S₂ – изнеможение; S₃ – потеря сил. Мы можем также выделить потенциальную сему S_{4p} – перенасыщение (в данном случае от усталости).

Теперь проведем компонентный анализ фразеологически связанного значения глагола в составе ФЕ.

A₂ – эмоциональное состояние, дифференциальные семы: S₅ – богатство; S₆ – степень богатства; S₄ – перенасыщение (в данном значении – деньгами). Таким образом, мы получили следующую итоговую схему компонентного анализа:

1. A₁ (эмоциональное состояние) + S₁ (усталость) + S₂ (изнеможение) + S₃ (потеря

сил) + S_{4p} (перенасыщение);

2. A₂ (эмоциональное состояние) + S₅ (богатство) + S₆ (степень богатства) + S₄ (перенасыщение).

Сопоставим и проанализируем результаты компонентного анализа свободного и фразеологически связанного значений глагола *crever*. Мы констатируем тот факт, что изменение архисемы не произошло: A₁ (эмоциональное состояние) → A₂ (эмоциональное состояние), это указывает на тот факт, что переход фразеолексы *crever* из одной семантической категории в другую не произошел. Таким образом, ФЧ (*argent*) влияет на изменение семантики БК (*crever*). В данном случае семой-основой метафорического переноса является потенциальная сема «перенасыщение», а фразеологическое значение определяется как «состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

Приведем еще пример фразеолексы фразеологического единства, которое образуется по рассматриваемой модели фразеосемантической деривации.

Глагол *regretter* – «жалеть» в составе фразеологического единства *regretter les oignons d’Egypte* – «испытывать материальные трудности». Значение глагола *regretter* в свободном употреблении – *être mécontent d’avoir fait ou de n’avoir pas fait* – «сожалеть о чем-то». Фразеологически связанное значение, которое приобретает фразеолекса в составе фразеологического единства, представлено следующим образом: *se désoler à cause des biens perdus, être en situation matérielle déplorable* – «сокрушаться об утраченном богатстве, испытывать материальные трудности». Мы не приводим схему компонентного анализа для данного примера, поскольку она аналогична той, что продемонстрирована ранее. Необходимо еще раз указать на отсутствие изменения архисемы: A₁ (эмоциональное состояние) → A₂ (эмоциональное состояние), что доказывает тот факт, что семантика фразеолексы в составе фразеологического единства остается в семантическом разряде ЭСС. Ядерной семой модели фразеологизации является сема «сокрушение», соотносящаяся с БК *regretter*.

Проанализируем еще один пример, в котором процесс фразеосемантической деривации происходит по описываемой схеме.

Прилагательное *heureux* – «счастливый» в составе фразеологического единства *heureux comme un poisson dans l'eau* – «чувствовать себя свободно» (как рыба в воде). Значение данного прилагательного, взятого в свободном употреблении: *qui jouit du bonheur* – «тот, кто наслаждается счастьем, счастливый». Значение, приобретенное в составе фразеологического единства *se sentir libre* – «чувствовать себя свободно». В данном случае происходят процессы, аналогичные описанным выше. Процесс формирования фразеологизма происходит за счёт использования семы-основы метафорического переноса, а именно потенциальной семы «свобода», которая входит в ближнюю периферию лексико-семантического поля «*bonheur*» (счастье). В результате изменение архисемы не происходит, а семантика ЭСС, вносимая в фразеологическое единство, претерпевает изменение, не выходя за рамки фразеосемантического поля ЭСС. Фразеологическое значение единства может быть выражено следующим образом: «состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

Анализ примеров, описанных в данном параграфе, подтверждает тот факт, что в составе разных фразеологических единств значения фразеолексы могут варьироваться под влиянием внутреннего синтаксиса. В частности, направление семантических изменений задается семантикой остаточной части фразеологизма.

Важным является тот факт, что в фразеосемантическом поле ЭСС описанные фразеологические единства занимают ядерную позицию наряду с фразеолексами в свободном употреблении.

III.2.1.2. Модель фразеосемантической деривации «ЭСС → черты характера»

В данном параграфе нас интересуют фразеолексы, обозначающие при свободном использовании ЭСС, а в составе фразеологического единства – черту характера.

В качестве примера возьмем фразеолексу, семантические изменения которой происходят по рассматриваемой парадигме изменения значения, прилагательное *amoureux* – «влюбленный», входящее в состав фразеологического единства *amoureux comme un moineau* – «непостоянный в любви». Данное выражение является устойчивым сравнением, один из компонентов взят в прямом значении, другой – в переносном, и общий смысл выражения может быть понят благодаря переосмыслению семантики одного из его составных компонентов, что свойственно фразеологическим единствам. Соответственно, по локальной соотнесенности ядерная сема модели фразеологизации соотносится с БК либо с ФЧ (в данном примере – с БК).

Сравним исходное значение прилагательного *amoureux* и то значение, которое оно приобретает в составе фразеологического единства. Исходное значение: *qui éprouve de l'amour fervent, qui aime* – «кто испытывает сильную любовь, любит». Это значение выражает эмоциональное состояние человека. Теперь проанализируем производное значение данного прилагательного, которое оно приобретает в составе ФЕ: *qui agit sans réflexion, ne porte pas attention à ce qu'il fait, étourdi* – «кто действует не задумываясь, невнимательный, ветреный».

Проиллюстрируем данный тип перестройки семем на примере компонентного анализа. Вначале мы проведем компонентный анализ семемы в свободном употреблении.

A_1 — эмоциональное состояние. Определим дифференциальные семы этого значения: S_1 – сильное чувство; S_2 — любовь; S_{3p} – эмоциональная изменчивость.

Далее проведем компонентный анализ производного значения прилагательного в составе ФЕ. A_2 – черта характера. Определим дифференциальные семы данного значения: S_4 – легкомыслие; S_3 – изменчивость.

Таким образом, мы получили следующую схему компонентного анализа для прилагательного *amoureux*:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (сильное чувство) + S_2 (любовь) + S_{3p} (эмоц. изменчивость);

2. A_2 (черта характера) + S_4 (легкомыслие) + S_3 (эмоц. изменчивость).

Сопоставим и проанализируем результаты компонентного анализа свободного и фразеологически связанного исходного и производного значений прилагательного *amoureux*.

Таким образом, семантические изменения данного типа проявляются в следующем:

А) происходит изменение архисемы: A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow A_2$ (черта характера). Изменение архисемы указывает на то, что произошло изменение семантики, переход из одной субкатегории значения в другую;

Б) изменение значения БК *amoureux* по схеме влюбленный $\rightarrow$ непостоянный, как уже указывалось ранее (см. стр.105), отражает начальный этап процесса семантической интеграции, не приводящей к переосмыслению компонентов фразеологизма, что позволяет ему оставаться в разряде фразеологических единств. В частности, речь идет о метафорической аттракции ФЧ *moineau* – «воробей», содержащейся в компаративной части фразеологического единства: потенциальные семы «легкомысленность, подвижность», содержащиеся в семантической структуре ФЧ, являются своего рода «катализатором», стимулирующим описываемый процесс изменения значения.

Таким образом, фразеологически связанное значение прилагательного *amoureux* было образовано путем метафоризации исходного значения с одной стороны, и воздействием внешнего синтаксиса и влиянием семантики ФЧ на семантику БК – с другой. Рассматриваемое значение относится к зоне ближней периферии микрополя «любовь» (см. Приложение № 4). Фразеологическое значение может быть описано как «черта характера, похожая на обозначенную ФЧ».

Рассмотрим еще один пример такого типа. Прилагательное *hérissé* – «раздраженный» в составе ФЕ *hérissé comme un chardon* – «ворчащий (как

чертополох)». Исходное значение прилагательного *hérissé: qui est hargneux, rude* – «раздраженный, грубый». Производное значение фразеолексы в составе фразеологического единства: *qui bougonne, grommele* – «ворчащий, брюзжащий». В данном случае также произошло изменение архисемы: A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow A_2$ (черта характера) и перекрещивание сем: потенциальная сема исходного значения «недовольный» приобрела в производном значении статус дифференциальной. Как и в предыдущем примере, большое влияние на изменение значения фразеолексы оказала семантика ФЧ фразеологического единства. Таким образом, в результате метафоризации исходного значения и воздействия внешнего синтаксиса произошло изменение значения прилагательного *hérissé* при его включении в состав фразеологического единства *hérissé comme un chardon* (раздраженный – ворчащий). Рассматриваемое значение относится к зоне ближней периферии микрополя «гнев» (см. Приложение №5). Фразеологическое значение представлено как «черта характера, похожая на обозначенную ФЧ».

По данной модели фразеосемантической деривации произошло изменение значения прилагательного *étourdi* – «ошеломленный» при его вхождении в состав фразеологического единства *étourdi comme le premier coup de matines* – «очень ветреный». Исходное значение прилагательного *étourdi: qui est, hébété, rendu stupide* – «ошеломленный, одурманенный». Производное значение, которое фразеолекса приобрела в составе фразеологизма: *qui agit sans réflexion, ne porte pas attention à ce qu'il fait* – «тот, кто действует, не задумываясь, ветреный». Для этого примера также характерно изменение архисемы и перекрещивание сем, указывая на тот факт, что производное значение было образовано путем метафоризации исходного значения в соответствии с локальной соотнесенностью, описанной в параграфе III.1.1. (одурманенность $\rightarrow$ бессистемность действий). Рассматриваемое значение относится к зоне ближней периферии микрополя «любовь» (см. Приложение №4). Фразеологическое значение выражено как «черта характера, похожая на обозначенное ФЧ».

Таким образом, один из семантических алгоритмов изменения значения при фразеологической деривации, приводящей к образованию фразеологических единств, представлен как ЭСС → черта характера.

В фразеосемантическом поле ЭСС данная группа фразеологических единств занимает позицию, соответствующую околядерной зоны.

III.2.1.3. Модель фразеосемантической деривации «ЭСС → физические действия человека»

Переходим к рассмотрению следующей модели, по которой происходит изменение значения фразеолексы при ее вхождении в состав фразеологического единства. В результате реализации данной модели происходит изменение семантики: эмоциональное состояние субъекта → действия человека.

Приведем несколько примеров такого типа.

Глагол *reiner* – «мучиться, печалиться» в составе фразеологического единства означает *reiner comme un damné* – «работать, как каторжный».

Приведем свободное и фразеологически связанное значения глагола *reiner*. Свободное значение: *se donner de la peine, du mal* – «мучиться, печалиться». Значение, которое фразеолекса приобретает при включении в состав фразеологизма: *effectuer le travail fatigant* – «выполнять трудную работу». Как мы видим, в составе фразеологического единства данная фразеолекса означает действия человека, иными словами семантика, отражающая ЭСС, изменилась и начала обозначать физическое действие человека.

Для того, чтобы проиллюстрировать данный тип перестройки семем, проведем компонентный анализ данной фразеолексы в свободном употреблении.

A_1 – эмоциональное состояние. S_1 – негативная эмоция; S_2 – печаль; S_3 – мучение

Теперь проведем компонентный анализ значения глагола в составе фразеологического единства. A_2 – действие человека. S_4 – физическая работа; S_3 – мучение; S_5 – трудность действия.

Схема компонентного анализа для данной фразеолексы выглядит следующим образом:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (негативная эмоция) + S_2 (печаль) + S_3 (мучение);
2. A_2 (действие) + S_4 (физическая работа) + S_3 (мучение) + S_5 (трудность действия).

Сопоставим и проанализируем результаты компонентного анализа свободного и фразеологически связанного значения глагола *reiner*. Мы подчеркиваем тот факт, что произошло изменение архисемы: A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow$ A_2 (действия), это указывает на переход фразеолексы из одной категории значений в другую. Мы выявляем процесс переименования сем, т.е. значимые семы исходного значения выпадают при переходе в производное, а сема S_3 актуализируется, становясь ядерной семой модели фразеологической деривации путем метафоризации. Фразеологическое значение можно определить как «состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

По этой модели был образован целый ряд фразеологически связанных значений, представляющих собой фразеологические единства. Рассмотрим еще один пример фразеолексы, в которой при изменении значения слова семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта» переходит в семантическую категорию «действия человека». Глагол *s'agiter* – «волноваться», меняет значение в составе фразеологического единства *s'agiter comme un diable* – «метаться как одержимый». Свободное значение глагола: *éprouver de l'excitation*, *s'activer* – «испытывать волнение, суетиться». Значение, приобретенное в составе фразеологического единства: *se mouvoir, aller et venir en tous sens* – «двигаться в разных направлениях». Схема компонентного анализа данной семы аналогична предыдущей. В данном случае также произошло изменение архисемы: A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow$ A_2 (действие),

семантический компонент ЭСС заменился на семантический компонент «действие субъекта». Ядерной семой модели фразеологизации является сема «беспорядочное движение, суета». Фразеологическое значение рассматриваемого фразеологического единства можно представить как «состояние, похожее на обозначенное ФЧ».

По исследуемой модели фразеосемантической деривации произошло образование глагола *fatiguer* – «утомлять» при вхождении в состав фразеологического единства *fatiguer la salade* – «тщательно перемешивать салат». Рассмотрим, как изменилось значение глагола *fatiguer* при его вхождении в состав ФЕ. Свободное значение глагола *fatiguer: se donner de la fatigue, se fatiguer* – «испытывать усталость, уставать». Значение глагола в составе фразеологического единства: *melър soigneusement des ingredients de la salade* – «тщательно перемешивать ингредиенты салата». Ядерной семой модели фразеологизации является сема «спутанность, замешательство», потенциально содержащаяся в семантической структуре фразеолексы в свободном употреблении. В семантическом микрополе ЭСС данная семантическая группа фразеологизмов занимает позицию, соответствующую дальней периферии.

III.2.1.4 Модель фразеосемантической деривации «ЭСС → физическое состояние»

Мы переходим к рассмотрению семантических изменений фразеолекс, которые при вхождении в фразеологические единства изменяют семантику по модели ЭСС → физическое состояние. Приведем примеры такого типа. Фразеолекса *étourdi* – «ошеломленный», входящая в состав фразеологического единства *être encore tout étourdi du bateau* – «чувствовать себя еще не оправившимся от усталости». Для того, чтобы определить, какие семантические процессы произошли внутри рассматриваемой нами фразеолексы в результате ее включения в состав ФЕ, для начала приведем его свободное и фразеологически

связанное значения.

Свободное значение прилагательного *étourdi*: *qui est hébété, rendu stupide* – «ошеломленный, не помнящий себя». Рассмотрим фразеологически связанное значение, приобретенное в составе фразеологического единства: *se sentir fatigué comme après un long voyage* – «чувствовать себя еще не оправившимся от усталости, как после длительного путешествия на корабле». Следует заметить, что в составе фразеологического единства фразеолекса выражает физическое состояние человека, иными словами произошел переход семантического компонента «отрицательное эмоциональное состояние» в семантический разряд «физическое состояние человека». Для того чтобы проиллюстрировать данный тип перестройки семем, проведем компонентный анализ значений фразеолексы. Семный состав фразеолексы в свободном употреблении выглядит следующим образом:

A_1 – эмоциональное состояние, S_1 – удивление; S_2 – степень удивления; S_{3p} – головокружение. Семный состав фразеологически связанного значения представлен как: A_2 – физическое состояние. S_4 – усталость; S_5 – плохое самочувствие; S_3 – головокружение; S_7 – причина усталости (путешествие).

Итоговая схема компонентного анализа обоих значений прилагательного *étourdi* выглядит следующим образом:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (удивление) + S_2 (степень удивления) + S_{3p} (головокружение);
2. A_2 (физическое состояние) + S_4 (усталость) + S_5 (плохое самочувствие) + S_3 (головокружение) + S_7 (причина усталости).

Анализ результатов компонентного анализа доказывает, что произошло изменение архисемы. A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow$ A_2 (физическое состояние). Во фразеологически связанном значении актуализируется потенциальный компонент свободного значения фразеолексы, соотносящийся с БК.

Следует особенно подчеркнуть, что большое влияние на формирование фразеологически связанного значения оказала ФЧ фразеологического единства

du bateau «с корабля». Другими словами, появление нового фразеологически связанного значения связано в первую очередь, как и в ранее описанных случаях, с влиянием синтагматического окружения. Именно семантика ФЧ становится тем «катализатором», который способствует актуализации указанного потенциального семантического компонента.

Приведем другой пример описываемой модели семантических изменений. Прилагательное *ahuri* – «ошеломленный», входящее в состав фразеологического единства *ahuri comme un fondeur des cloches* – «совершенно оглушенный (как литейщик колоколов)». Свободное значение прилагательного *ahuri*: *surpris et déconcerté au point de paraître stupide* – «удивленный и потрясенный, кажущийся не в себе». Фразеологически связанное значение *étourdi par un grand bruit* – «оглушенный шумом». В данном случае также произошло изменение архисемы: A_1 (эмоциональное состояние) $\rightarrow A_2$ (физическое состояние).

Во фразеосемантическом поле ЭСС такого рода фразеологизмы относятся к дальней периферии.

Как уже упоминалось ранее, в аналогичных примерах семантика ФЧ оказывает определенное влияние на семантику БК. Тем не менее, на данном этапе процесса семантической интеграции такой достаточно невысокий уровень семантической валентности не оказывается достаточным для образования фразеологического сращения, что обуславливает сохранение пониженной степени семантической композициональности и сохранение статуса фразеологического единства.

Таким образом, основными алгоритмами семантических изменений при локальной соотнесенности ядерной семы модели фразеологической деривации с БК или ФЧ являются:

- 1) ЭСС1 $\rightarrow$ ЭСС2
- 2) ЭСС $\rightarrow$ черты характера
- 3) ЭСС $\rightarrow$ физические действия субъекта
- 4) ЭСС $\rightarrow$ физическое состояние субъекта.

Указанные алгоритмы иллюстрируют расположение соответствующих

фразеологических единств в пространстве фразеосемантического поля ЭСС (см. Приложение №9).

В частности, пункты 1-4 расположены в порядке распределения от ядра к периферии семантики ЭСС.

III.2.5. Модели фразеосемантической деривации, приводящие к образованию фразеологических сращений

Как уже было отмечено, фразеологические сращения представляют собой высоко идиоматичные выражения, значение которых не может быть выведено из значений их составляющих компонентов. Поэтому в данном случае можно говорить о семантике фразеолексы в составе фразеологизма лишь условно. В случае с фразеологическими сращениями процесс переосмысления семантики всей ФЕ дает возможность выявить лишь «следы» семантики, отражающей значение фразеолексы.

На данном этапе нашей работы мы переходим к рассмотрению примеров ФЕ, один из компонентов, которых (БК или ФЧ) в свободном употреблении репрезентирует ЭСС, который либо утрачивается при фразеологизации, либо присутствует как «след» семантики ЭСС, которая не может быть соотнесена с БК или ФЧ, как это было описано в предыдущем параграфе. В конкретном случае, как мы увидим в дальнейшем, процесс фразеосемантической деривации связан с актуализацией сем, не соотносящихся ни с БК, ни с ФЧ, а являющихся результатом переосмысления их семантики, что приводит к их большей семантической дифференциации по сравнению со случаями, описанными в предыдущем разделе. Тем не менее, исследуемый процесс также характеризуется рядом закономерностей, описание которых и представляет основную задачу данного раздела. В частности, предстоит описать особенности моделей фразеосемантической деривации, характерные для образования фразеологических сращений в соответствии с описанной ранее локальной соотнесенностью.

III.2.5.1. Модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное действие человека»

В параграфе ниже мы рассмотрим примеры фразеолекс, семантика которых отражает ЭСС в свободном употреблении, а семантика фразеологических сращений, в состав которых они входят, репрезентирует негативное действие человека.

Первый пример, который мы проанализируем – фразеологическое сращение *agacer la dent de l'hippopotame* – «бренчать на рояле», в данном случае интересующая нас фразеолекса – глагол *agacer* – «раздражать». Проанализируем глагол *agacer* в свободном употреблении и рассмотрим значение фразеологического сращения. Исходное (свободное) значение: *harceler, provoquer un sentiment d'irritation chez qqn* – «изводить, вызывать раздражение». Это значение отражает отрицательное эмоциональное состояние. Значение фразеологического сращения *agacer la dent de l'hippopotame: pianoter, tapoter du piano* – «бренчать на рояле». Как видно из определения, фразеологизм обозначает действие человека, вызывающее неприятные ощущения.

Проиллюстрируем данный тип изменения компонента ЭСС при фразеологизации на примере компонентного анализа значения глагола в свободном употреблении и значение фразеологического сращения. Сначала рассмотрим исходное значение глагола *agacer*.

A₁– эмоциональное состояние.

S₁– негативная эмоция; S₂– раздражение; S_{3p}– неприятные ощущения.

Проведем анализ семантики фразеологического сращения.

A₂ – физическое действие.

S₄ – игра на рояле; S₃ – неприятные ощущения, S_{5рк} – зубы гиппопотама, компаративная потенциальная сема.

Таким образом, мы получили следующую схему компонентного анализа значений глагола и ФЕ:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (негативная эмоция) + S_2 (раздражение) + S_{3p} (неприятные ощущения);

2. A_2 (действие) + S_4 (игра на рояле) + S_3 (неприятные ощущения) + S_{5pk} .

Сопоставим и проанализируем результаты компонентного анализа свободного значения глагола *agacer* и значения фразеологического сращения.

В плане локальной соотнесенности речь идет об актуализации семантического компонента, не соотносящегося ни с БК, ни с ФЧ, а являющегося результатом их переосмысления (неприятные ощущения – результат раздражения зубов бегемота). Данный фразеологизм демонстрирует повышенную степень семантической интегративности, что и объясняет его ориентацию по пути фразеологического сращения.

Продолжая описание семантического аспекта данного типа фразеосемантической деривации, мы отмечаем изменение архисемы «эмоциональное состояние» → «отрицательное воздействие». При фразеологизации произошла актуализация компонента – результата переосмысления БК и ФЧ (неприятное воздействие).

Следует подчеркнуть, что в данном сращении сохранена отрицательная маркированность, вносимая фразеолексой *agacer* исходного глагола, однако речь идет не об изменении ее значения при фразеологизации, как это имело место в случае фразеологических единств, а о ее «переплавке» с целым рядом семантических признаков, что приводит в итоге к сохранению лишь «следа» базового значения. Такие случаи являются типичными маркерами фразеологических сращений.

Ядерная сема модели фразеосемантической деривации выглядит как «неприятные ощущения» и относится к зоне крайней периферии микрополя «раздраженность».

Еще один пример фразеологического сращения, соответствующий схеме «отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное действие человека» *hurler après les chausses de qqn* – «преследовать». Интересующая нас фразеолекса *hurler* – «реветь» обозначает отрицательное эмоциональное

состояние субъекта. Свободное значение данного глагола: *pousser des hurlements; pousser des cris prolongés et violents* – «издавать вопли, говорить раздраженно, яростно, громко кричать».

Значение фразеологического сращения *hurler après les chausses de qqn, poursuivre qqn* – «преследовать кого-либо». ФЕ отражает действия человека (в результате криков за «спиной человека», т.е. по пятам, организуется его преследование). Таким образом, ядерную сему можно представить как «притеснение»; ядерная сема относится к зоне дальней периферии семантического микрополя «раздраженность».

Приведем еще пример семантики фразеолексы в процессе образования фразеологического сращения по указанной схеме. Фразеологическое сращение *se moquer de la barbouillée* означает «говорить глупости». В его состав также входит глагол, отражающий отрицательное ЭСС: *se moquer* – «насмехаться», свободное значение которого: *tourner en ridicule, traiter comme un objet de dérision ou de plaisanterie* – «переводить все в шутку, воспринимать несерьезно, с насмешкой». Значение рассматриваемого фразеологического сращения: *dire des bêtises, des absurdités* – «говорить глупости, нелепости». Ядерная сема модели фразеосемантической деривации также представляет собой семантику результата: результатом абсурдных насмешек является глупое поведение. Данный результат представлен семой «абсурдность». Данная сема находится в зоне дальней периферии семантического микрополя «страх» (см. Приложение №6).

III.2.5.2. Модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта» → негативное отношение к людям»

Перейдем к рассмотрению следующей модели фразеосемантической деривации, по которой происходит «растворение» значения фразеолексы при ее вхождении в состав фразеологического сращения. В результате процесса фразеологизации базовое значение фразеолексы «отрицательное ЭСС» меняет

значение на «негативное отношение к людям».

В качестве примера возьмем фразеологическое сращение *se moquer du tiers comme du quart* – «никого не уважать».

В состав данного сращения входит глагол *se moquer* – «насмехаться», исходное значение которого мы рассматривали в предыдущем разделе в рамках изучения фразеологического сращения *se moquer de la barbouillée*. Как уже было отмечено ранее, семантика данного глагола выражает эмоциональное состояние. Теперь приведем значение фразеологического сращения *se moquer du tiers comme du quart*: *mépriser, ne respecter personne* – «относиться с пренебрежением к людям, никого не уважать». Как видно из определения, фразеологизм репрезентирует негативное отношение к людям.

Проиллюстрируем данный тип перехода значения «отрицательное ЭСС→негативное отношение к людям» на примере компонентного анализа значений фразеолексы в свободном и связанном употреблении. Семный состав глагола *se moquer* в свободном употреблении представлен следующим образом:

A_1 – эмоциональное состояние.

S_1 – веселье; S_2 — шутка; S_3 – насмешка, S_{4p} – пренебрежение.

Для того, чтобы проследить изменение значения фразеолексы, проведем компонентный анализ значения семантики фразеологического сращения.

A_2 – отношение к людям,

S_4 – неуважение, S_5 – пренебрежение.

Таким образом, мы получили следующую схему компонентного анализа:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (веселье) + S_2 (шутка) + S_3 (насмешка) + S_{4p} (пренебрежение);
2. A_2 (отношение к людям) + S_5 (неуважение) + S_4 (пренебрежение).

Проанализировав результаты компонентного анализа свободного значения глагола *se moquer* и значения фразеологического сращения, мы наблюдаем изменение архисемы: «отрицательное ЭСС» → «негативное отношение к людям». Семантика фразеолексы «растворилась» в значении фразеологического сращения, получив при этом иной вариант отрицательной маркированности,

который можно квалифицировать как индивидуализированный.

Ядерная сема модели фразеосемантической деривации представлена как «пренебрежение» и относится к зоне дальней периферии семантического микрополя «гнев».

Приведем еще один пример такого типа: глагол *tonner* – «грометь» входит в состав ФЕ – *tonner sur les choux* – «торжествовать над слабым». Исходное значение рассматриваемой фразеолексы: *exprimer violemment sa colère en parlant très fort* – «выражать свой гнев, громко разговаривая». Это значение отражает негативную характеристику субъекта (отрицательное ЭСС). Значение фразеологического сращения представлено следующим образом: *montrer sa force, triompher d'une personne faible* – «торжествовать над слабым». Семантика данного фразеологического сращения выражает негативное отношение к другим людям. Ядерная сема модели фразеосемантической деривации представлена как «превознесение над другими» и относится к дальней периферии семантического микрополя «гнев» (см. Приложение №5).

Приведем еще один пример такого типа: *déchirer belles dents* – «сплетничать». Свободное значение фразеолексы *déchirer: causer un déchirement moral* – «испытывать моральные страдания, мучения». Это значение отражает негативное эмоциональное состояние. Значение рассматриваемого фразеологического сращения: *faire des potins, cancaner* – «сплетничать». Как и в предыдущих случаях, ядерной семой модели фразеосемантической деривации является результатив: в процессе того, что раскрывается рот (размыкаются зубы), возникает поток сплетен. Ядерная сема может быть представлена как качество «болтливость», которое относится к зоне дальней периферии семантического микрополя «радость» (см. Приложение № 2)

III.2.5.3. Модель фразеосемантической деривации: «эмоциональное состояние субъекта → плохое моральное (либо материальное) положение»

Один из примеров, которому свойственны такого рода семантические

изменения при фразеологизации – глагол *regretter* – «сожалеть» в составе фразеологического сращения *regretter les sabots* – «влачить жалкое существование». Рассмотрим исходное значение глагола *regretter* в свободном употреблении и в составе фразеологического сращения. Значение рассматриваемого глагола является следующим: *être mécontent d'avoir fait ou de ne pas avoir fait* «сожалеть о чем-то содеянном либо несодеянном». Семантика фразеолексы отражает отрицательное эмоциональное состояние. Значение фразеологического сращения: *vivre au ralenti, avec de petits moyens* – «жить бедно, влачить жалкое существование». Данная семантика выражает плохое материальное положение.

Проиллюстрируем семантические изменения при фразеологизации на примере компонентного анализа свободного значения фразеолексы и значения фразеологического сращения. Свободное значение глагола *regretter* представлено следующим семным составом:

A_1 – эмоциональное состояние.

S_1 – сожаление; S_2 – недовольство; S_{3p} – страдания, S_{4p} – (тяжелая жизнь).

Набор сем для фразеологического сращения выглядит следующим образом:

A_2 – моральное состояние.

S_5 – бедность, S_4 – тяжелая жизнь, S_3 – страдания.

В результате схема компонентного анализа выглядит следующим образом:

1. A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (сожаление) + S_2 (недовольство) + S_{3p} (страдания) + S_{4p} (тяжелая жизнь);
2. A_2 (материальное положение) + S_5 (бедность) + S_3 (страдания) + S_4 (тяжелая жизнь).

Проанализировав полученные результаты компонентного анализа, мы можем констатировать различие архисемы фразеолексы и фразеологического сращения, а также изменение семантического компонента «отрицательное ЭСС» в рамках фразеологического сращения. Таким образом, компонент «тяжелая жизнь», содержащийся имплицитно в семантической структуре фразеолексы в свободном употреблении, переходит в разряд дифференциальных в составе

фразеологического сращения. Что касается ядерной семы модели фразеологизации, то ее можно представить как «тяжелые условия жизни» (бедность). Данная семантика относится к зоне дальней периферии семантического микрополя «печаль» (см. Приложение № 7).

Фразеологическое сращение *éprouver du décompte* – «не получить ожидаемой выгоды», в состав которого входит глагол, отражающий эмоциональное состояние *éprouver* – «испытывать», также иллюстрирует данную группу примеров. Свободное значение рассматриваемой фразеолексы выражает эмоциональное состояние: *avoir une sensation, un sentiment* – «чувствовать, ощущать». Значение фразеологического сращения представлено следующим образом: *ne pas obtenir du profit attendu* – «не получить ожидаемой выгоды». Схема компонентного анализа аналогична предыдущей. Ядерной семой модели фразеологизации является сема-результат переосмысления семантики БК и ФЧ: в результате неприятного ощущения, связанного с недостатком *décompte* субъект испытывает чувства фрустрации, не получает планируемую выгоду. Необходимо отметить, что при анализе примера (как и в ряде других примеров такого типа) отмечается тот факт, что возникновение нового отрицательного смысла в процессе «растворения» семантики фразеолексы в основном индуцируется отрицательно маркированной семантикой БК (недостача).

Ядерную сему можно представить как «состояние фрустрации» – оказаться в проигрыше. Данная сема относится к зоне дальней периферии семантического микрополя «раздраженность» (см. Приложение № 8).

Еще один пример фразеологического сращения такого типа. Фразеологическое сращение *manger de la vache enragée* – «терпеть нужду». В данном случае нас интересуют изменения компонентов фразеолексы *enragé* – «бешенный». Свободное значение данного прилагательного: *furieux, fou de colère* – «яростный, бешеный, в гневе». Эта семантика выражает отрицательное эмоциональное состояние. Значение фразеологического сращения является следующим: *être dans la gêne, avoir manque d'argent* – «терпеть нужду, испытывать недостаток денег». Как видно из определения, фразеологическое

сращение означает плохое материальное положение. Мы можем представить ядерную сему как «плохие условия жизни» (недостаток); сема относится к зоне дальней периферии семантического поля «печаль» (см. Приложение № 7).

III.2.5.4. Модель фразеосемантической деривации

«положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта →
физическое состояние»

Перейдем к рассмотрению фразеолекс со свободным значением, выражающим «положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта», которые при фразеологизации утрачивают семантический компонент «качество субъекта», а семантика фразеологических сращений, в которые входят данные фразеолексы, отражает физическое состояние человека. В качестве примера рассмотрим фразеологическое сращение *braver les années* – «не стареть», в состав которого входит глагол, свободное значение которого отражает отрицательное ЭСС: *braver* – «пренебрегать».

Теперь рассмотрим свободное значение глагола *braver* и значение фразеологического сращения. Первое формулируется как: *ne pas craindre de ne pas respecter qch, comme par exemple, une règle, une tradition* – «не уважать что-либо, например, правило или традицию, не считаться с этим». Значение фразеологического сращения является следующим: *ne pas prendre de l'âge, paraître jeune* – «казаться молодым, не стареть». Эта семантика отражает физическое состояние человека.

Для того чтобы выяснить, в какой степени сохраняются при фразеологизации компоненты семантической структуры фразеолексы, мы проведем компонентный анализ глагола *braver* (1) и всей ФЕ (2):

1. A₁ – эмоциональное состояние. S₁ – пренебрежение; S₂ – неуважение; S₃ – несоответствие (правилу или традиции);
2. A₂ – физическое состояние. S₄ – бодрость, S₅ – молодость, S₃ – несоответствие, S₄ – возраст.

Таким образом, мы получили следующую схему компонентного анализа:

1. A_1 (эмоц. состояние) + S_1 (пренебрежение) + S_2 (неуважение) + S_3 (несоответствие);
2. A_2 (физическое состояние) + S_4 (бодрость) + S_5 (молодость) + S_3 (несоответствие) + S_4 (возраст).

Проанализировав полученную схему компонентного анализа, мы констатируем тот факт, что архисемы у фразеолексы и фразеологического сращения разные, иными словами, в процессе фразеологизации произошла семантическая перекатегоризация: изменение компонента фразеолексы «отрицательное эмоциональное состояние субъекта» → «физическое состояние». Главной особенностью такого типа фразеологизации является то, что во фразеологическом сращении присутствует лишь «след» значения фразеолексы, значение которой, как и в ранее описанных в данной главе случаях, растворилось в общей семантической структуре фразеологического сращения.

Приведем еще один пример фразеолексы, семантика которой изменяется в составе фразеологического сращения: глагол *se brouiller* – «поссориться» в составе фразеологического сращения *se brouiller avec le bon sens* означает «сойти с ума». Свободное значение фразеолексы *se brouiller: attaquer (qqn) par des actes ou des paroles hostiles* – «нападать на кого-то враждебными действиями или словами». Это значение отражает отрицательное эмоциональное состояние человека. Приведем значение рассматриваемого фразеологического сращения: *perdre du bon sens* – «лишиться здравого смысла» (дословно – поссориться со здравым смыслом). Мы не приводим схему компонентного анализа для данного примера, поскольку она идентична схеме, приведенной нами ранее. В данном случае, как и в предыдущем примере, мы указываем, что при фразеологизации компонент фразеолексы «отрицательное эмоциональное состояние субъекта» не был сохранен в своем самостоятельном значении в семантическом составе фразеологического сращения. Однако можно заметить сохранение «следа» его семантики. Ядерная сема данной модели находится в дальней периферии семантического микрополя «раздраженность» (см. Приложение № 8).

В рассмотренных случаях семантический компонент «положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта» индуцировал семантику «отрицательное/положительное физическое состояние», в результате чего признак «качества личности» был утрачен. Фразеологическое сращение располагается на дальней периферии фразеосемантического поля ЭСС (см. Приложение № 13).

III.3. Фразеосемантическая деривация на основе фразеолексы, изначально не репрезентирующей семантику ЭСС (Ф2)

III.3.1. Фразеосемантическая деривация, приводящая к образованию фразеологических единств

Как указывалось выше, ФЕ, обозначающие ЭСС, образуются двумя путями: с использованием фразеолексы, отражающей данную семантику (что было описано в предыдущих параграфах), и посредством актуализации фразеолексы, изначально относящейся к другому семантическому классу, но приобретающей значение ЭСС в процессе фразеосемантической деривации. В этой связи целью данного параграфа является анализ такого типа фразеологизации, приводящего к образованию фразеологических единств.

Среди исследованных фразеологических единств наиболее частотными в аспекте изменения значения по схеме назначение ЭСС оказались фразеолексы, связанные с явлениями природы, соматизмами и зоонимами. Перейдем к описанию указанных моделей изменения значения:

1. Явление природы→ЭСС

Рассмотрим несколько примеров такого типа. Существительное *ombre* в составе фразеологического единства *avoir peur de son ombre* – «быть очень боязливым, робким, забитым» (бояться собственной тени).

Как указывалось в разделе о локальной соотнесенности ядерной семы модели фразеосемантической деривации (см. параграф III.1.1.), при образовании

фразеологических единств данная сема соотносится с одной из фразеолекс (БК или ФЧ), а другая остается незатронутой процессом фразеологизации. В приведенном примере ФЧ *ombre* – «тень» изначально не включает семантику ЭСС. В процессе фразеосемантической деривации фразеолекса подверглась процессу метафоризации. В частности, эксплицировался потенциальный семантический компонент «нематериальность, неопасность», содержащийся имплицитно в семантической структуре фразеолексы *ombre*.

Фразеолекса *nuage* в составе фразеологического единства *être sur un petit nuage* – «витать в облаках», также в процессе фразеосемантической деривации эксплицирует потенциальный семантический компонент «легкость», что переводит фразеологизм в семантический разряд ЭСС.

Фразеологизм *faire le vent et la tempête* означает «создавать беспорядок, хаос» (буквально «делать ветер и бурю») базируется на фразеолексах, связанных с образами природных явлений: *vent* «ветер» и *tempête* – «буря». Ядерной семой модели фразеосемантической деривации оказывается семантический компонент БК «хаос, непредсказуемость».

2. Соматизм → ЭСС

Во фразеологическом единстве *avoir un cœur de marbre* – «демонстрировать жесткое взаимодействие с другими людьми или агрессивное поведение», фразеолекса *cœur* меняет свое значение в процессе фразеологизации (часть тела → характер).

Во фразеологическом единстве *avoir le cœur léger* – «испытывать легкость», фразеолекса *cœur* меняет значение соматизма на значение ЭСС (легкость настроения) в составе фразеологического единства.

3. Зооним → ЭСС

Фразеологизм *drôle d'oiseau* – «странный тип» имеет в своем составе компонент-зооним, который изначально не репрезентирует ЭСС. В сфере семантической латентности ФЧ *oiseau* – «птица» содержится семантический признак «особенность, характерная черта для определенного класса особей», (ср.

в русском (в частности «важность») в русском («что за птица»), который и актуализируется в процессе фразеологизации).

Аналогичная перестройка семемы происходит при фразеологизации на основе БК *lapin* при образовании фразеологического единства *vrai lapin* – «ненадежный малый» (подвижность кролика → желание избежать обязательств).

4. Прилагательное цвета → ЭСС

Фразеолекса *rouge* – «красный» в составе фразеологического единства *être dans le rouge* – «иметь долги» меняет свое значение в процессе фразеологизации в результате актуализации потенциального компонента фразеолексы (красный → опасность).

Результаты количественного анализа показывают, что наиболее репрезентативной семантической группой в плане изменения значения фразеолексы из другой семантической группы на значение ЭСС оказывается «явление природы». На наш взгляд, этот факт объясняется высокой степенью метафорической аттракции в аспекте ЭСС именно этой группы (явления природы по своей сути «эмоциональны»).

Кроме того, нами отмечена закономерность, касающаяся того, что при фразеологизации, приводящей к образованию фразеологических единств на базе лексем, изначально не обозначающих ЭСС, последние реализуются в основном как ФЧ, занимая во фразеологизме парадигматически слабую позицию.

III.3.2. Фразеосемантическая деривация, приводящая к образованию фразеологических сращений (Ф2)

В данном параграфе мы обратимся к анализу явлений, аналогичных описанным в предыдущем параграфе по направлению процесса фразеологизации, но отличающихся по результату данного процесса. В частности, речь идет об образовании фразеологических сращений в результате использования в этом процессе фразеолекс из семантических групп, не означающих ЭСС.

Выявлены следующие семантические группы:

- 1) соматизмы → ЭСС
- 2) зоонимы → ЭСС
- 3) природа → ЭСС
- 4) предмет → ЭСС

Необходимо отметить, что набор фразеолекс-основ процесса фразеосемантической деривации не исчерпывается описанными группами, но, ограничиваясь рамками данного исследования, мы сосредотачиваемся на наиболее частотных семантических группах.

Приведем примеры фразеологизации на базе лексем каждой из указанных семантических групп.

- 1) соматизмы → ЭСС

Фразеологизм *couper les cheveux en quatre* – «усложнять проблемы» (буквально «резать волосы на четверо») используется для описания чрезмерной педантичности или занудства. Несмотря на отсутствие фразеолексы, непосредственно указывающей на ЭСС, это выражение передает чувство раздражения и досады по отношению к человеку, который уделяет чрезмерное внимание незначительным деталям. Другими словами, в процессе фразеологизации происходит актуализация исследуемого семантического компонента ЭСС: результатом деления волоса на 4 части является излишняя тщательность, состояние тревоги.

Другой пример – «*avoir un poil dans la main*» (буквально «иметь волос в руке»), что означает «лень» или «нежелание работать». Этот фразеологизм не содержит фразеолексы, означающей лень, но четко передает негативное отношение к такому поведению и ощущение досады или разочарования за счет потенциальных компонентов значения лексему *main* (инструмент деятельности), актуализирующихся в процессе «переплавки» всех семантических компонентов лексем, вовлеченных в процесс фразеологизации. Фразеологизм *avoir un poil dans la main* иллюстрирует крайнюю бездеятельность.

Еще одним примером такого типа может послужить фразеологизм *être en*

cœur – «быть веселым, бодрым; быть усердным». Фразеологизм «*être en cœur*» имеет своеобразное этимологическое происхождение, связанное с музыкальной культурой и театральными выступлениями. В буквальном переводе это выражение означает «быть в хоре» или «выступать вместе с другими». Однако в процессе фразеологизации данное сращение приобретает более глубокий смысл: работа команде (в сердце команды) стимулирует чувство бодрости.

2. Зоонимы → ЭСС

Приведем примеры фразеологизмов, репрезентирующих ЭСС, в основе которых находится компонент-зооним. Фразеологизм *avoir la chèvre* – «горячиться по пустякам» имеет в своем составе фразеолексу, выраженную зоонимом *la chèvre* – «коза».

Этимология этого фразеологизма может быть связана с поведением козы, которая известна своим беспокойным и непоседливым характером, что послужило основой для метафоры, описывающей человека в состоянии нервозности или раздражения.

Приведем еще несколько примеров фразеологизмов такого типа.

Во французском языке выражение *poser un lapin* – «не прийти на встречу» или «не выполнить обязательство» («подложить свинью», «обмануть»). Модель фразеосемантической деривации основана на актуализации семантического признака «фрустрация, обман», связанного с результатом манипуляций фокусника, подкладывающего в шляпу кролика и убирающего его, обманывая публику.

3. Природа → ЭСС

Рассмотрим примеры фразеологических сращений, относящихся к семантическому классу ЭСС, которые образовались путем фразеосемантической деривации на базе фразеолексы «природа». Фразеологизм *rotte à l'eau* (букв. водяное яблоко) – «круглый дурак», имеет в своем составе семантический компонент «природа», который изначально не репрезентирует отрицательное эмоциональное состояние субъекта. В процессе фразеологизации

актуализируется семантический компонент – «пустота, бессодержательность», являющийся результатом переосмысления семантики фразеолекс *romme* и *eau*.

Рассмотрим еще один пример фразеологизма с семантическим компонентом «природа», который при фразеосемантической деривации эксплицирует семантические признаки ЭСС: *avoir la lune (или un quart de lune) dans la tête* (мж. *avoir beaucoup de lunes dans la tête*) – «быть придурковатым; быть легкомысленным». В составе фразеологизма *avoir la lune dans la tête*, фразеолекса *la lune* описывает человека, чей ум занят мечтами или фантазиями, а не реальными вещами.

Таким образом, фразеологизмы *avoir la lune dans la tête* и *avoir un quart de lune dans la tête* являются метафорическими выражениями, использующими образы луны, чтобы описать человека, у которого ум занят мечтами, фантазиями или иными отвлеченными от реальности мыслями.

Другим примером, который репрезентирует отрицательное ЭСС в результате использования фразеолексы с семантическим признаком «природа», является фразеологизм *jeter la pierre et cacher le bras* (разг. букв. «бросить камень и спрятать руки») – «вредить исподтишка». Этот оборот имеет интересное происхождение и культурное значение. В Библии есть истории о том, как люди бросали камни в знак осуждения или наказания. Например, история о блуднице, которую хотели побить камнями. В этом контексте бросить камень символизирует акт осуждения. В традиционном обществе открытое обвинение или агрессия требовали смелости и готовности нести ответственность. Поэтому человек, который «бросает камень и прячет руку», нарушает эти социальные нормы, совершая подлый поступок.

Таким образом, фразеологизм *jeter la pierre et cacher le bras* описывает отрицательное эмоциональное состояние субъекта, его тайные и подлые действия, направленные на причинение вреда с последующим сокрытием своей причастности.

4. Предмет → ЭСС

Рассмотрим примеры фразеологизмов, относящиеся к семантическому

классу «предмет», которые также изначально не выражают ЭСС. Фразеологическое сращение *mettre son bonnet de travers* (разг.) – «быть не в духе» репрезентирует отрицательное ЭС субъекта. Анализ процесса фразеосемантической деривации показывает, что семантика ЭСС эксплицировалась в данном фразеологизме благодаря тому, что ядерной семой модели фразеосемантической деривации стала сема «помятый внешний вид», которая возникает как результат переосмысления семантики лексем *bonnet* и *de travers* (шапка или колпак, недетый наперекосяк) и индуцирует семантику ЭСС «не в духе».

Другим примером, который репрезентирует отрицательное ЭСС в результате использования фразеолексы семантического класса «предмет», является фразеологизм *ouvrir le robinet* – «плакать горячими слезами, реветь». Признак «предмет» – *le robinet* – «кран». Это лексема изначально не описывает ЭСС. При фразеосемантической деривации актуализируется семантический компонент, обозначающий результат действия открытия крана – «бурно льющийся поток воды → слезы».

Подводя итог описанным примерам, отметим, что фразеологизмы, изначально не представляющие положительное или отрицательное эмоциональное состояние субъекта, начинают их актуализировать в процессе фразеологизации благодаря изменению культурных и социальных контекстов, в которых они используются. Этот процесс часто включает в себя метафорическое изменение значений, где первоначальное буквальное значение выражения обретает символический или эмоциональный оттенок в зависимости от его использования в речи. Например, нейтральные выражения, такие как *jeter la pierre* – «бросить камень» или *ouvrir le robinet* – «открыть кран», в контексте социальных взаимодействий могут получить негативные или положительные коннотации. Фразеологизмы начинают ассоциироваться с конкретными ситуациями и типами поведения, что приводит к их переосмыслению и приобретению новых значений.

Таким образом, культурные нормы, общественные стереотипы и

частотность использования фразеологизмов в определённых контекстах способствуют их трансформации и закреплению новых характеристик, придавая им положительные или отрицательные оттенки.

Выводы по главе III

Обобщив результаты, полученные в ходе исследования практического материала главы, мы пришли к следующим выводам:

1. Динамика семантики фразеолексы связана с фразеосемантической деривацией, при которой изменение значения фразеолексы происходит в самом процессе фразеологизации.
2. При фразеологизации данного типа локальная соотнесенность ядерной семы модели фразеосемантической деривации представлена двумя вариантами:
 - А) ядерная сема соотносится с одной из семантических составляющих образуемого фразеологизма, вследствие чего формируются фразеологические единства;
 - Б) ядерная сема является результатом переосмысления семантики составляющих фразеологизма, вследствие чего образуются фразеологические сращения.

Другими словами, именно такая локальная соотнесенность и определяет ориентацию процесса фразеологизации по пути образования фразеологических единств либо фразеологических сращений (см. Приложение № 14).

3. Основными характеристиками динамических процессов, приводящих к образованию фразеологических единств, являются следующие:

Для фразеологических единств:

- наличие частичной мотивированности и соответственно частичной идиоматичности фразеологизма;
- фразеологическое значение представлено в измененном виде (по сравнению со свободным сочетанием элементов) за счет метафоричности одного из его компонентов;
- степень семантической интеграции компонентов фразеологизма квалифицируется как повышенная, поскольку процесс идиоматизации

происходит непосредственно в процессе фразеологизации. Необходимо отметить, что сходство таких параметров, как мотивированность, идиоматичность и представленность фразеологического значения в качестве измененного для фразеологических единств, полученных путем фразеосемантической и фразеологической деривации, является чисто формальной. Частичность данных параметров при фразеосемантической деривации указывает лишь на расчлененность семантической структуры фразеологизма, в то время как степень частичной идиоматичности активного элемента фразеологизма оказывается гораздо выше по сравнению с аналогичным параметром фразеологизма, полученного путем фразеологической деривации. Это объясняется наличием процесса метафоризации, сопровождающего фразеосемантическую деривацию, а не предшествующего фразеологизации (как в случае статики). Таким же образом и степень изменения фразеологического значения представляется в большей степени семантически нагруженной;

– процесс семантического дефокусирования выражается в перспективизации семантического признака, соотносящегося с одним из компонентов фразеологического единства, в то время как семантический признак, соотносимый со вторым компонентом, остается нейтральным, что обеспечивает сохранение второго фокуса. Таким образом, для данного типа фразеологизмов характерно наличие двух фокусов; наличие пониженной степени кореферентности БК и ФЧ.

Для фразеологических сращений:

- наличие значительной идиоматичности фразеологизма;
- имплицитность фразеологического значения;
- высокая степень семантической интеграции компонентов;
- наличие процесса семантического дефокусирования, который связан с перспективизацией семантического признака-результата переосмысления семантики составляющих и проявляется в наличии одного фокуса;
- низкая кореферентность составляющих фразеологического сращения.

4. Наблюдается более высокая частотность фразеологических сращений по сравнению с фразеологическими единствами, что объясняется наличием метафорических процессов более высокого уровня.

5. В рамках фразеосемантической деривации разграничиваются фразеолексы, изначально обозначающие ЭСС, и фразеолексы, получившие маркировку ЭСС в результате их перехода из других семантических классов (Ф1 и Ф2 соответственно).

6. В рамках группы Ф1 для фразеологических единств обнаружено несколько семантических моделей в плане содержательного аспекта: 1) ЭСС1 → ЭСС2; 2) ЭСС → черты характера; 3) ЭСС → физические действия субъекта; 4) ЭСС → физическое состояние субъекта. Количественный анализ показал, что семантическая модель ЭСС1 → ЭСС2 представлена 45 %, что объясняется ядерной позицией в фразеосемантическом поле ЭСС; семантическая модель ЭСС → черты характера составляет 30%, что доказывает частность данной модели, поскольку она занимает околядерную позицию в фразеосемантическом поле; семантические модели ЭСС → физические действия субъекта (14%), ЭСС → физическое состояние субъекта (11%) представлены практически в равной мере, так как принадлежат зоне дальней периферии в семантическом микрополе ЭСС.

Таблица №4. Количественный анализ семантических моделей образования фразеологических единств

Семантические модели образования фразеологических единств	Результаты, %
ЭСС1 → ЭСС2	45
ЭСС → черты характера	30
ЭСС → физические действия субъекта	14
ЭСС → физическое состояние субъекта	11

7. В рамках группы Ф1 для фразеологических сращений обнаружены следующие

семантические модели в плане содержательного аспекта: модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное действие человека»; модель фразеосемантической деривации: «отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное отношение к людям»; модель фразеосемантической деривации: «эмоциональное состояние субъекта» → плохое моральное (либо материальное) положение»; модель фразеосемантической деривации: «положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта → физическое состояние».

Таблица №5. Количественный анализ фразеосемантических моделей образования фразеологических сращений

Фразеосемантические модели образования фразеологических сращений	Результаты, %
«отрицательное эмоциональное состояние субъекта → негативное действие человека»	27
«отрицательное эмоциональное состояние субъекта» → негативное отношение к людям»	26
«эмоциональное состояние субъекта» → плохое моральное (либо материальное) положение»	22
«положительное/отрицательное эмоциональное состояние субъекта → физическое состояние»	25

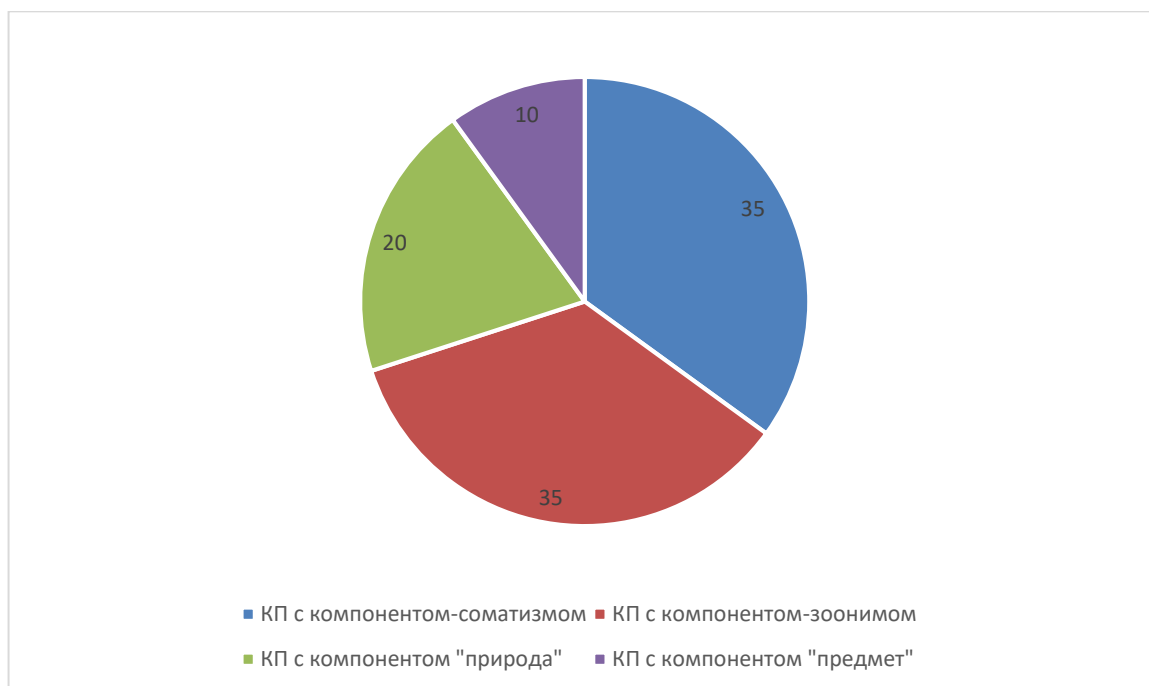
Семантика ЭСС представлена в фразеологических сращениях иначе, чем в фразеологических единствах: в первом случае речь идет о «следе» значения ЭСС, о его «растворении» в общей семантической структуре фразеологизма. Исследуемая семантика в данном случае оказывается в большей степени индивидуализированной, чем семантика БК или ФЧ в фразеологических единствах. В частности, обнаружены такие индивидуализированные признаки, как неприятные ощущения, притеснение, абсурдность, пренебрежение, превознесение над другими, болтливость, тяжелая жизнь (бедность), состояние фрустрации, плохие условия жизни (недостаток) и др.

Исследование показало преобладание отрицательно маркированной семантики ЭСС в фразеологических сращениях.

8. В рамках группы Ф2 эксплицируются признаки, изначально не выражающие ЭСС, которые приобретают новый смысл и актуализируются для описания человеческих качеств и поведения в процессе фразеологизации. Набор семантических признаков, релевантных для процесса фразеологизации, приводящего к появлению ФЕ, обозначающих положительное или отрицательное эмоциональное состояние субъекта, оказывается достаточно регулярным. Он представлен четырьмя семантическими признаками, которые также находятся в ядерных зонах соответствующих семантических полей (соматизм, зооним, природа, предмет).

В диаграмме 1 представлена частотность употребления во фразеологизмах тех или иных семантических компонентов – ядерных сем моделей фразеосемантической деривации.

Диаграмма 1. Частотность употребления во ФЕ семантических компонентов: соматизмов, зоонимов, природа, предмет.

Описывая полученные результаты, мы можем отметить следующее: соматизмы имеют значительный семантический потенциал, который особенно часто реализуется в процессе фразеологизации. Процесс фразеологической деривации служит своего рода «катализатором», который способствует актуализации скрытых смысловых компонентов соматизма. Зооморфизмы наряду с соматической лексикой также используются довольно часто для оценки или описания действий, состояний или эмоций человека в составе фразеологических сращений.

Фразеологизмы с семантическим признаком «природа» используются для описания характеристик человека, что объясняется связью между культурой и окружающей средой. Использование семантических признаков, связанных с природой в процессе формирования фразеологических сращений, помогает создавать наглядные и легко понимаемые образы, которые обогащают коммуникацию и делают её более живой и эмоциональной. Это отражает стремление людей находить параллели между миром природы и человеческими характеристиками, что способствует более глубокому пониманию и оценке человеческого поведения, выраженными средствами фразеологии.

Использование во французских фразеологических сращениях признака «предмет» для описания характеристик человека, связано с повседневным опытом и культурой. Семантика объектов и предметов, окружающих человека, обладает высоким уровнем метафорической аттракции.

Заключение

Проведенное исследование процесса фразеологизации на основе фразеолексы «эмоциональное состояние субъекта» позволило обнаружить ряд системных закономерностей процесса фразеологизации как в плане его структурного, так и в плане его содержательного аспекта. Выявленные закономерности сводятся к следующему:

1. Изучение взаимосвязи динамики и статики семантики комплексного знака является важным аспектом анализа процесса фразеологизации, который демонстрирует диалектическое единство статических и динамических явлений, характеризующих фразеолексу ЭСС. Критерием разграничения статики и динамики семантики фразеолексы является наличие / отсутствие семантических изменений до или после включения фразеолексы в процесс фразеологизации.

2. Отсутствие семантических изменений фразеолексы или их присутствие до начала процесса фразеологизации лежит в основе фразеологической деривации, а их наличие – в основе фразеосемантической деривации.

3. На основе предложенного критерия выявлено несколько подгрупп фразеологизмов, характерных для фразеологической деривации:

А) с фразеолексой в исходном значении (либо моносемичной фразеолексой);

Б) с фразеолексой, степень аффективности которой повышается в процессе фразеологизации;

В) с фразеолексой в производном значении;

Все фразеологические единицы данного типа являются фразеологическими единствами.

4. Динамика семантики процесса фразеосемантической деривации представлена несколькими вариантами, которые дифференцируются в рамках фразеологических единств и фразеологических сращений соответственно. Направление процесса фразеосемантической деривации (образование фразеологических единств либо фразеологических сращений) определяется локальной соотнесенностью ядерной семы модели фразеологизации с

компонентом структуры формируемого фразеологизма: при ее соотнесенности с базовым компонентом или формирующей частью комплексного знака образуются фразеологические единства. Если же ядерная сема модели фразеосемантической деривации является результатом переосмысления семантики обоих компонентов, структурирующих фразеологизм, образуются фразеологические сращения (см. Приложение №15).

Таким образом, структурные особенности процесса фразеологизации определяют его направление. Результаты количественного анализа указывают на относительную сбалансированность фразеологических единств и фразеологических сращений в рамках динамического аспекта исследования семантики фразеолексы ЭСС.

5. Основные характеристики, свойственные исследуемым фразеологизмам, также дифференцируются в соответствии с их типологией (см. Приложение № 16), а именно:

- для фразеологических единств характерны: частичная мотивированность, частичная идиоматичность, фразеологическое значение представлено в измененном виде, метафоричность одного из компонентов фразеологизма, наличие двух семантических фокусов, высокая степень кореферентности БК и ФЧ;

- для фразеологических сращений характерны: значительная идиоматичность, имплицитность фразеологического значения, высокая степень семантической интеграции компонентов, высокая степень метафоричности фразеологизма, активность процесса дефокусирования, наличие одного семантического фокуса, низкая степень кореферентности БК и ФЧ.

6. В соответствии с предложенной типологией выявлены также закономерности семантического плана. В частности, речь идет:

- о неизменности семантики фразеолекс, отнесенных к классу «статика» (либо о незначительном повышении степени аффективности фразеолексы, не приводящей к появлению нового значения;

– о системных изменениях семантики фразеолекс, относящихся к классу «динамика», а именно:

А) для фразеологических единств обнаружены семантические изменения, при которых значение ЭСС фразеолексы меняется на другое значение ЭСС (ЭСС1 → ЭСС2); значение ЭСС меняется на значение ЭСС → черты характера; значение ЭСС меняется на значение ЭСС → физические действия субъекта; значение ЭСС меняется на значение ЭСС → физическое состояние субъекта (см. Приложение №17).

Б) для фразеологических сращений обнаружены семантические изменения, отражающие результат переосмысления семантики составляющих комплексного знака, который представлен менее типизированными, в большей степени индивидуализированными значениями (см. Приложение № 18). В частности, неприятные ощущения, притеснение, абсурдность, пренебрежение, превознесение над другими, болтливость, тяжелая жизнь (бедность), состояние фрустрации, плохие условия жизни (недостаток) и др.

Такая индивидуализация объясняется особенностями композиционной семантики фразеологического сращения, а именно повышенной степенью его интегративности. В большинстве случаев семантика ЭСС представляет собой отношение к определенному предмету, человеку, явлению. В данном случае семантика фразеолексы компонента ЭСС сохраняется в рамках фразеологического сращения как «след» лексического значения фразеолексы.

7. В процессе фразеологизации проявляется связь между семантикой фразеолексы и моделью фразеосемантической деривации. При анализе типологии моделей фразеосемантической деривации, выражающих семантические изменения и, как следствие, приводящих к образованию фразеологических единств и фразеологических сращений, мы наблюдаем существенное различие между ними. Модели, относящиеся к первым, репрезентируют качество и состояние субъекта, в то время как модели, связанные со вторыми, описывают результат действия или его причину. Такое различие, по нашему мнению, объясняется тем, что в первом случае

анализируются семантические признаки, связанные с отдельными компонентами «будущего» фразеологизма (БК или ФЧ), тогда как во втором случае происходит переосмысление и «переплавка» обоих компонентов.

8. Динамика процесса фразеологизации проявляется не только в семантических изменениях указанного типа, но и в более широком понимании. В частности, речь идет о динамике накопления определенной суммы признаков, которые не достигают нужного количества для перехода в новое качество, но имеют тенденцию к движению в сторону качественного скачка. Речь идет о фразеолексах, которые используются в исходных словарных значениях, но при их вовлечении в процесс фразеологизации под влиянием остаточной части фразеологизма эксплицируются семы, связанные с повышением аффективности. Степень такого повышения аффективности недостаточно высока для перехода семемы в другой семантический разряд, но налицо начало процесса семантического развития. Данный вывод также свидетельствует о том, что закономерностью композиционной семантики ФЕ является тот факт, что одна из составляющих фразеологизма может служить «катализатором», стимулирующим актуализацию определенного рода семантических признаков.

9. Степень идиоматичности прямо пропорциональна степени композициональности фразеологизма и обратно пропорциональна степени выраженности значения ЭСС.

10. Выявленные закономерности определяют расположение полученных групп фразеологизмов в фразеосемантическом поле ЭСС. Увеличение степени идиоматичности фразеологизма отмечено постепенным смещением значения ЭСС от ядра к периферии. В ядре поля находятся фразеолексы в свободном употреблении, а также ФЕ, сохраняющие свои исходные значения в результате процесса фразеологизации, в околоядерной зоне – фразеологические единства с фразеолексой с усиленной аффективностью (статика), а также фразеологические единства с изменением значения фразеолексы по схеме ЭСС1 → ЭСС2 (динамика). В зоне ближней периферии расположены фразеологические единства с фразеолексой в производном значении (статика). Далее в зоне

периферии находятся фразеологические единства с фразеолоксой, меняющей значение в процессе фразеологизации, и, наконец, на дальней периферии располагаются фразеологические сращения, в которых присутствует лишь «след» семантики ЭСС (см. Приложение №19).

11. Выявленные модели фразеологической и фразеосемантической деривации являются отражением законов концептуальной интеграции, которые лежат в основе переструктурирования фреймовых структур, определяющих развитие комплексного знака. Особую значимость приобретает перспективизация того или иного концептуализируемого признака, входящего в поле концепта ЭСС: важным для последующего разграничения фразеологической и фразеосемантической деривации оказывается способность данного признака актуализироваться до начала процесса концептуальной интеграции либо в самом ее процессе. В частности, вербализация концептов в процессе фразеологической деривации основывается на интеграции «статичных» концептов, которые уже существуют до начала концептуальной интеграции. В этом случае концептуальная интеграция не предполагает перестройки базовых фреймовых структур (статика). В отличие от этого в процессе фразеосемантической деривации задействуются ассоциативные процессы, такие как когнитивная метафоризация, что в свою очередь приводит к модификации одного или нескольких базовых концептов. Это и обеспечивает фразеосемантическую деривацию на вербальном уровне (динамика).

Таким образом, изучение динамики семантических процессов открывает перспективы для дальнейшего изучения интегративных процессов в языке. Во-первых, перспективным является исследование не только результатов, но и механизмов фразеологизации, поскольку именно анализ процессов конструирования комплексного знака дает объяснение уже существующим семантическим законам и позволяет открывать новые законы такого плана. Во-вторых, исследования подобного рода дают представление о типах семантической композициональности, тем самым пополняя данные такой перспективной отрасли лингвистики, как композиционная семантика. В-третьих,

изучение интегративных свойств, составляющих фразеологизма, способствует пониманию законов концептуальной интеграции, лежащих в основе вербализации ментальных пространств средствами фразеологии. И, наконец, в-четвертых, исследование закономерностей процесса фразеологизации приводит к открытию универсалий: с одной стороны, полученные результаты могут быть применены к анализу другого рода комплексных знаков (производных слов, словосочетаний), с другой стороны, полученные результаты можно использовать для изучения интегративных процессов на материале других языков.

Список литературы

1. Абрамов В. П. Теория ассоциативного поля / В. П. Абрамов // Русский язык : исторические судьбы и современность. – Москва, 2001. – С. 124-125.
2. Абросимова Л. С. Когнитивные основания словообразовательной мотивации / Л. С. Абросимова, Е. А. Редкозубова // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2023. – Вып. № 3 (54), ч. 2 : Когниция, коммуникация, дискурс : современные аспекты исследования – С. 21-25.
3. Авалиани Ю. Ю. К семантической структуре фразеологических единиц / Ю. Ю. Авалиани, А. М. Эмирова // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1971. – С. 29-33. – (Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Новая серия ; № 217).
4. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка : (система отношений и система построения) / В. Г. Адмони. – Ленинград : Наука, 1973. – 336 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла : (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц) / Н. Ф. Алефиренко. – Астраханский ГПУ, 2000. – 220 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с.
7. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Элпис, 2008. – 271 с.
8. Алехина А. И. К вопросу об «эквивалентности» фразеологической единицы слову / А. И. Алехина // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1972. – С. 107-111. – (Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия ; № 219).
9. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1963. – 208 с.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – Москва : Наука, 1995. – 368 с.

11. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 томах / Аристотель. – Москва : Мысль, 1975-1984. – 4 т.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс : [вступительная статья] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – Москва, 1990. – С. 5-32.
14. Архангельский В. Л. Омонимические соответствия устойчивых фраз и свободных предложений / В. Л. Архангельский // Вопросы истории и теории русского языка. – Тула, 1970. – С. 39-74.
15. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке : Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов : Ростовский университет, 1964. – 315 с.
16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
17. Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи : монография / Л. В. Бабина. – Тамбов ; Москва : ТГУ, 2003. – 264 с.
18. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 675 с.
19. Бабкин А. М. Фразеология и лексикография / А. М. Бабкин // Проблемы фразеологии : исследования и материалы. – Москва ; Ленинград, 1964. – С. 7-36.
20. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Бабушкин Анатолий Павлович ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1998. – 41 с.
21. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 103 с.

22. Балли Ш. Французская стилистика = *Traité de stylistique française* / Ш. Балли ; под редакцией Е. Г. Эткинда ; перевод с французского К. А. Долинина. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2009. – 392 с. – (Лингвистическое наследие XIX века).
23. Баран Я. Теоретические основы фразеологии / Я. Баран, М. Зимомря. – Ужгород : Ужгородский государственный университет, 1999. – 176 с.
24. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
25. Баско Н. В. Новое время – новые фразеологические образы / Н. В. Баско, В. И. Зимин // Пушкинские чтения – 2017 : художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы 12-й международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 407-416.
26. Башарина А. К. Понятие «семантическое поле» / А. К. Башарина // Вестник Якутского государственного университета. – 2007. – Т. 4, № 1. – С. 94-96.
27. Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) / Е. Г. Беляевская // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – Москва, 2005. – Ч. 1. – С. 9-24. – (Вестник МГЛУ. Серия: Лингвистика ; вып. 500).
28. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – Москва, 1974. – С. 104-114.
29. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2002. – 446 с.
30. Бертякова А. Н. Фразеологизация заголовочной единицы как проявление динамического синкретизма / А. Н. Бертякова // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимины, г. Москва, 26 ноября 2021 г. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 121-130.

31. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке (1871) / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные работы по общему языкознанию. – Москва : АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 47-78.
32. Болдырев Н. Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности / Н. Н. Болдырев // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 1. – С. 15-21.
33. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2001. – С. 27-31.
34. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Москва ; Тамбов, 2009. – Вып. 4 : Концептуализация мира в языке. – С. 25-77.
35. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1984. – 485 с.
36. Будаев Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Педагогическое образование в России. – 2007. – № 1. – С. 47-59.
37. Буянова Ю. В. Прагматический аспект значения компаративных фразеологических единиц : (на материале современного французского языка) / Ю. В. Буянова // Казанская наука. – 2017. – № 7. – С. 29-33.
38. Буянова Ю. В. Прагматические функции компаративных фразеологизмов в газетном тексте / Ю. В. Буянова // Наука и образование в XXI веке : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 30 июня 2015 г. : в 3 ч. – Москва, 2015. – Ч. 1. – С. 53-58.
39. Быкова О. И. Взаимодействие мыслительных и языковых структур при исследовании коннотативной семантики / О. И. Быкова // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2014. – Вып. 17. – С. 415-421.
40. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 102-104.

41. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. – Москва, 1990. – С. 142.
42. Вендина Т. И. Введение в языкознание : учебное пособие для педагогических вузов / Т. И. Вендина. – Москва, Высшая школа, 2001. – 288 с.
43. Вендина Т. И. Семантико-символическая парадигма цвета в контексте словообразования / Т. И. Вендина // Etnologia. – 1999. – № 1. – С. 14-22.
44. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
45. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 559 с.
46. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.
47. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды : лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 118-139.
48. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове : учебное пособие / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – Москва : Высшая школа, 1986. – 639 с.
49. Воложанина Т. С. Тенденции эволюции концепта WOMAN в американской рекламе XIX-XX вв / Т. С. Воложанина, А. А. Барачевская // Когнитивные исследования языка : в 2 ч. – Москва, 2024. – Ч. 2 : Материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 мая – 1 июня 2024. – С. 127-131.
50. Волошкина И. А. Фразеосемантическое поле «Характер человека» : (на материале французского языка) : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Волошкина Инесса Анатольевна ; Воронежский государственный университет. – Белгород, 2009. – 233 с.
51. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт : монография / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2004. – 236 с.

52. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 томах / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1982–1984. – 6 т.
53. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка : (в аспекте теории отражения) / С. Г. Гаврин. – Пермь : ПГУ, 1974. – 269 с.
54. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Изд. 4-е. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 288 с. – (Из лингвистического наследия).
55. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва : Добросвет, 2004. – 864 с.
56. Гак В. Г. Языковые преобразования. Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века : от ситуации к высказыванию / В. Г. Гак. – Изд. 2-е., испр. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с. – (Из лингвистического наследия).
57. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии / Ю. А. Гвоздарев. – Москва : Просвещение, 1988. – 190 с.
58. Гладко М. А. Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа / М. А. Гладко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 45-52.
59. Го Лицзюнь Лексико-семантическое поле «Новая искренность» : неологизмы в российском и китайском медиадискурсе / Лицзюнь Го, А. В. Щетинина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 65-78.
60. Гончарова Н. Н. Когнитивные основания интерпретации иносказания на уровне дискурса : (на материале англоязычных художественных текстов) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Гончарова Наталия Николаевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2001. – 204 с.
61. Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике / И. Н. Горелов. – Москва : Лабиринт, 2003. – 320 с.

62. Горелов И. Н. Основы психолингвистики : учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 1997. – 220 с.
63. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 285 с.
64. Гумбольдт В. Язык и философия культуры : перевод с немецкого языка / В. фон Гумбольдт ; составление, общая редакция и вступительные статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1985. – 451 с. – (Языковеды мира).
65. Даниленко В. П. Введение в языкознание : курс лекций : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / В. П. Даниленко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 286 с.
66. Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии / Д. О. Добровольский // – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
67. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-83
68. Доржиева Г. С. Ономасиология vs ономастика: проблемы номинации / Г. С. Доржиева, А. А. Щербакова. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского университета, 2019. – 196 с.
69. Дугарова С. Б. Концепт ГАРМОНИЯ в китайском языке : когнитивный подход / С. Б. Дугарова // Когнитивные исследования языка : в 2 частях. – Москва, 2024. – Ч. 2 : Материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 мая – 1 июня 2024. – С. 173-176.
70. Епринцева Ю. Н. Особенности конструирования французских фразеологизмов с компонентом «эмоциональная оценка субъекта» / Ю. Н. Епринцева // Когнитивные исследования языка : в 2 частях. – Москва, 2024. – Ч. 2 : Материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 мая – 1 июня 2024. – С. 417-420.
71. Епринцева Ю. Н. Семантический анализ лексем, обозначающих эмоциональное состояние субъекта в свободном и связанном значении : (на материале французских фразеологизмов) / Ю. Н. Епринцева // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2. – С. 118-127.

72. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. – Москва : Русский язык, 1984. – 151 с.

73. Жевайкина Ю. В. Когнитивные аспекты идиоматики : (на материале семантического поля «безумие» в русском и английском языках) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Жевайкина Юлиана Васильевна ; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2004. – 24 с.

74. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1958. – 370 с.

75. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 157 с.

76. Жуков В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 2006. – 408 с.

77. Жуков В. П. Русская фразеология : учебное пособие для филологических специальностей вузов / В. П. Жуков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 310 с.

78. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов : учебное пособие для студентов / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1978. – 160 с.

79. Жуков В. П. Фразеологизм и фразеологическое окружение (1966) / В. П. Жуков // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие : Пятые Жуковские чтения : к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова : материалы международного научного симпозиума, 4–6 мая 2011 года. – Великий Новгород, 2011. – С. 143-158.

80. Заботкина В. И. Концептуальные основы образования значений фразеологических единиц, содержащих компонент «цвет», в современном английском языке / В. И. Заботкина, Е. В. Шевченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2007. – Вып. 4. – С. 58-66.

81. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.

82. Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование : учебное пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 323 с.
83. Зубкова Л. Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира / Л. Г. Зубкова // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 9-18.
84. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология : теория и методы лингвокультурного изучения / И. В. Зыкова. – Москва : URSS, 2015. – 376 с.
85. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология : теория и методы лингвокультурного изучения : монография / И. В. Зыкова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : URSS, 2022. – 376 с.
86. Иванова У. Ю. Введение в языкознание : учебное пособие / У. Ю. Иванова. – Москва : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2015. – 298 с.
87. Изард К. Е. Эмоции человека / К. Е. Изард. – Москва : МГУ, 1980. – 480 с.
88. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург, 2002. – 380 с.
89. Илюшечкина Л. А. Словообразовательная валентность в современном французском языке : (на материале производных производящих основ) : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Илюшечкина Людмила Аркадьевна ; Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. – Москва, 1983. – 18 с.
90. Ирисханова О. К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных : (к проблеме языковой композиционности) / О. К. Ирисханова // С любовью к языку : сборник научных трудов. – Москва ; Воронеж, 2002. – С. 339-345.
91. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке : семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

92. Ирисханова О. К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – Москва ; Тамбов, 2013. – Вып. 14. – С. 92-98.
93. Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена : монография / О. К. Ирисханова. – Москва : Издательство ВТИИ, 2004. – 352 с.
94. Ирисханова О. К. Фокусирование в устном описательном дискурсе : анализ визуальной перцепции, речи и жестов / О. К. Ирисханова, О. Н. Прокофьева // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 29. – С. 80-87.
95. Истрина Е. С. Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог / Е. С. Истрина // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Ленинград, 1951. – С. 82-87.
96. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 75-80.
97. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
98. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – 2-е изд. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
99. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – Москва : URSS, 2010. – 330 с.
100. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.
101. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1986. – 298 с.
102. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект : монография / Н. Н. Кириллова. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 319 с.
103. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

104. Ковалева Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс : монография / Л. В. Ковалева. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 184 с.
105. Копыленко М. Н. Очерки по общей фразеологии / М. Н. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1972. – 121 с.
106. Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии : на примере концепта «поведение человека» : специальность 10.02.19, 10.02.05 : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Кравцов Сергей Михайлович ; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2008. – 37 с.
107. Кравцов С. М. Межъязыковая фразеологическая синонимия как проявление национальной самобытности : (на материале русского и французского языков) / С. М. Кравцов // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2004. – № 58. – С. 65-76.
108. Кравцов С. М. Метафора сквозь призму когнитивистики и диахронии : (на материале французского военного дискурса) : монография / С. М. Кравцов, Е. А. Соловьева. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 186 с.
109. Кравцов С. М. Отражение во фразеологии менталитета и жизни русского и французского народов / С. М. Кравцов // La Revue Russe. – Paris, 2004. – № 24. – Р. 51-61.
110. Краева И. А. Некоторые особенности объективации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке / И. А. Краева // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2023. – № 4 (55) : Когнитивная лингвистика в контексте современной науки. – С. 40-43.
111. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Красавский Николай Алексеевич

- ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2001. – 40 с.
112. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
113. Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения : учебное пособие / Л. Е. Кругликова. – Москва : Издательство МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – 86 с.
114. Кубрякова Е. С. Композиционная семантика : цели и задачи / Е. С. Кубрякова // Композиционная семантика : материалы Третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сентября 2002 г. – Тамбов, 2002. – Ч. 1. – С. 4–6.
115. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с.
116. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1978. – 115 с.
117. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – Москва : РАН Институт языкознания, 1997. – 330 с.
118. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
119. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа : (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1974. – 480 с.
120. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 1. – С. 13–24.
121. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

122. Куликов В. Н. Эмоции и чувства в жизни человека / В. Н. Куликов, А. Г. Ковалев. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1997. – 152 с.
123. Кунин А. В. Английская фразеология : теоретический курс / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1970. – 342 с.
124. Кунин А. В. Английская фразеология в функциональном аспекте / А. В. Кунин. – Москва : МПИИЯ, 1989. – 336 с.
125. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для институтов и факультетов иностранных языков / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1986. – 336 с.
126. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : в 3 томах : специальность 10.00.00 «Филология» : диссертация ... доктора филологических наук / Кунин Александр Владимирович ; 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. – Москва, 1964. – 1229 с.
127. Кунин А. В. Основные понятия фразеологической стилистики / А. В. Кунин // Проблемы лингвистической стилистики. – Москва, 1969. – С. 71-75.
128. Кунин А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии / А. В. Кунин // Англо-русский фразеологический словарь. – Москва, 1955. – С. 1433-1455.
129. Кунин А. В. Современная английская фразеология / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1999. – 252 с.
130. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – Москва, 1962. – С. 29-42.
131. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : ЛКИ, 2008. – 256 с.
132. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : избранные работы / Б. А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 224 с.

133. Ларин Б. А. О методах изучения фразеологических сочетаний / Б. А. Ларин // Тезисы докладов по секции филологических наук. – Ленинград, 1954. – С. 5-8.
134. Левченко Е. Метафорические принципы во фразеологии / Е. Левченко // Слово. Фраза. Текст : сборник научных статей к 60-летию проф. А. М. Алексеенко. – Москва, 2002. – С. 242-249.
135. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
136. Лопатникова Н. Н. Лексикология современного французского языка / Н. Н. Лопатникова, Н. А. Мовшович. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2001. – 247 с.
137. Лук А. Н. Эмоции и чувства / А. Н. Лук. – Москва : Знание, 1982. – 176 с.
138. Ляпин С. Х. Концептология и становление подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11-35.
139. Магомадова Т. Д. Исследование метафоры как средство выразительности речи в современной лингвистике / Т. Д. Магомадова, В. Ю. Подуруева-Милосевич, А. Р. Дадаева // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 97, № 2. – С. 77-82.
140. Малкина Н. М. О некоторых типах фразеологических единиц, выступающих в функции субститутов прилагательного : (на материале современного французского языка) / Н. М. Малкина // Вопросы романо-германской филологии. – Воронеж, 1972. – Т. 139 – С. 117-121.
141. Малкина Н. М. Способы выявления русских словарных соответствий французских фразеологизмов, содержащих национальные реалии / Н. М. Малкина // Актуальные проблемы межличностной и межкультурной коммуникации : межвузовский сборник научных трудов. – Харьков, 1996. – С. 110-111.
142. Малкина Н. М. Фразеологические единицы французского языка в функции интенсификаторов / Н. М. Малкина // Единицы языка в

функциональном аспекте : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1988. – С. 60-65.

143. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях : (проблемы диахронической фонологии) / А. Мартине ; перевод с французского А. А. Зализняка. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – 261 с.

144. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.

145. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва : Академия, 2007. – 208 с.

146. Матезиус В. О системном грамматическом анализе / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сборник статей. – Москва, 1967. – С. 226-239.

147. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 125 с.

148. Мелерович А. М. Семантический анализ ФЕ / А. М. Мелерович // Филологические науки. – 1979. – № 5. – С. 69-76.

149. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 52-61.

150. Мечковская Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – Москва : Academia, 2004. – 428 с.

151. Михальчук Н. Г. Фразеологические единицы как средство формирования идиостиля М. Булгакова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Михальчук Наталья Геннадьевна ; Орловский государственный университет. – Орел, 2002. – 27 с.

152. Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-романских языках : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация ... доктора

- филологических наук / Моисеева Софья Ахметовна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2006. – 284 с.
153. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко – Москва : Высшая школа, 1990. – 160 с.
154. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург : Авалон, Азбука-классика, 2005. – 254 с.
155. Мокиенко В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов / В. М. Мокиенко // Словари и лингвострановедение : сборник статей. – Москва, 1982. – С. 108-121.
156. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 286 с.
157. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Москва : Наука, 1977. – 280 с.
158. Назарян А. Г. Идиоматические выражения французского языка / А. Г. Назарян. – Москва : Наука, 1976. – 284 с.
159. Назарян А. Г. История развития французской фразеологии / А. Г. Назарян. – Москва : Высшая школа, 1985. – 136 с.
160. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1987. – 158 с.
161. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
162. Новиков Л. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea* / Л. А. Новиков. – Москва : РУДН, 2001. – 842 с. – (Труды ученых филологического факультета).
163. Новикова Н. А. Фразеологические единицы с концептом «жизнь» в дискурсе культуры (этический аспект) / Н. А. Новикова // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках : сборник статей. – Москва, 2004. – С. 234–240.

164. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта, 2013. – 254 с.
165. Норман Б. Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика / Б. Ю. Норман // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23, № 3. – С. 714-730.
166. Огольцева Е. В. К вопросу о фразеологически связанном значении : (именные словосочетания с адъективным компонентом-сравнением) / Е. В. Огольцева // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 44-53.
167. Одинцова М. А. Психологические ресурсы личности при проживании жизненных ситуаций разной степени неопределенности / М. А. Одинцова, Д. В. Лубовский, Е. И. Кузьмина // Социальная психология и общество. 2023. – Том 14, № 4. – С. 156-177.
168. Осокина С. А. Процессуальная модель образования метафоры / С. А. Осокина // Текст : структура и функционирование : сборник статей. – Барнаул, 2003. – Вып. 7. – С. 94-99.
169. Падучева Е. В. Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. – Москва, 2004. – С. 187-203.
170. Перелыгина Я. В. Композиционная семантика французских производных слов с префиксами пространственного значения : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Перелыгина Яна Владимировна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 304 с.
171. Песина С. А. Когнитивный и антропоцентрический подход к процессу коммуникации / С. А. Песина, А. С. Дружинин // Вестник Брянского госуниверситета. – 2016. – № 2. – С. 161-166.
172. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

173. Пименова Н. Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом в английском и турецком языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Пименова Надежда Дмитриевна ; Казанский государственный педагогический университет. – Казань, 2002. – 20 с.
174. Полянчук О. Б. Динамические аспекты анализа производного слова / О. Б. Полянчук. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. – 199 с.
175. Полянчук О. Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов : (на материале французского языка) / О. Б. Полянчук // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 47-50.
176. Полянчук О. Б. Концептуальная интеграция и дезинтеграция как определяющий фактор семантического развития комплексного знака / О. Б. Полянчук // Когнитивные исследования языка : в 2 частях. – Москва, 2024. – Ч. 2 : Материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 мая – 1 июня 2024. – С. 356-360.
177. Полянчук О. Б. Особенности семантической композициональности фразеологических единств с компонентом «явление природы» / О. Б. Полянчук, А. Э. Черникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 77-79.
178. Полянчук О. Б. Динамика префиксальных и суффиксальных производных слов / О. Б. Полянчук // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – 2009. – № 2 (70). – С. 22-30.
179. Полянчук О. Б. Композиционная семантика многозначного производного слова / О. Б. Полянчук. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2013. – 187 с.
180. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2010. – 314 с.

181. Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Москва : Гнозис 2007. – 314 с.
182. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
183. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., стер. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.
184. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.
185. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. [В 4 томах]. Том 1-2 / А. А. Потебня. – Учпедгиз, 1958. – 534 с.
186. Пражский лингвистический кружок : сборник статей / составитель Н. А. Кондрашова. – Москва : Прогресс, 1967. – 559 с.
187. Психология эмоций и мотивации : учебно-методическое пособие / составители: Г. В. Митина, А. Н. Нугаева, Г. А. Шурухина. – Дополненное. – Уфа : Издательство БГПУ, 2020. – 110 с.
188. Ройзензон Л. И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма / Л. И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965. – С. 63-70.
189. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Издательство Самаркандского университета, 1973. – 223 с.
190. Ройзензон Л. И. Русская фразеология : учебное пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1977. – 119 с.
191. Сборошенко К. В. Метафорическая репрезентация концепта «красота» в современной поэзии : (на материале стихотворений русских и итальянских поэтов XX в.) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация ... кандидата филологических наук / Сборошенко Кирилл Валерьевич ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2009. – 167 с.

192. Сегал Н. А. Зоонимичная метафора как средство моделирования современных политических реалий : (на примере образа обезьяны) / Н. А. Сегал // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1 (103). – С. 12-20.
193. Седов К. Ф. Основы психолингвистики / К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2001. – 304 с.
194. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов / О. Н. Селиверстова. – Москва : Наука, 1982. – 324 с.
195. Синельникова И. И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте : монография / И. И. Синельникова. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2013. – 188 с.
196. Скуратов И. В. Разграничение фразеологических неологизмов и индивидуально-авторских образований в современных русском и французском языках / И. В. Скуратов // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2 (29). – С. 195–201.
197. Скуратов И. В. Этимология французских слов: реконструкция первичных форм и значения : (на материале словаря Сильвии Брюне «Слова с необычным происхождением») / И. В. Скуратов // Вестник Московского государственного областного университета. – Москва, 2014. – № 2. – 15 [8 с.] – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21781781_18107583.pdf. (дата обращения: 17.01.2025 г.)
198. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 125 с.
199. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1998. – 260 с.
200. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – Москва, 1955. – 482 с.

201. Современная фразеология: тенденции и инновации : монография / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко [и др.]. – Москва ; Санкт-Петербург ; Брянск : Новый проект, 2016. – 200 с.
202. Соколова Г. Г. Курс фразеологии французского языка : учебное пособие / Г. Г. Соколова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2010. – 175 с.
203. Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц / Г. Г. Соколова // Лингвистические проблемы перевода. – Москва, 1981. – С. 54-62.
204. Соколова Г. Г. Фразообразование во французском языке / Г. Г. Соколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1987. – 203 с.
205. Степанов Ю. С. Концепты : тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 246 с.
206. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – Москва : Просвещение, 1975. – 271 с.
207. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды наименований. – Москва, 1977. – С. 129-221.
208. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.
209. Телия В. Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – Москва, 1988. – С. 25-51.
210. Телия В. Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков / В. Н. Телия // Фразеология – Тула, 2000. – С. 90-93.
211. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 289 с.
212. Телия В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия. – Москва : Просвещение, 2002. – 248 с.

213. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 264 с.
214. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии : (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) : монография / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 213 с.
215. Толикина Е. Н. К вопросу о значении слова и значении фразеологизма / Е. Н. Толикина // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1970. – Вып. 178. – С. 87-99.
216. Толстых О. А. Лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения в англоязычном академическом дискурсе / О. А. Толстых // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2023. – № 4 (55) : Когнитивная лингвистика в контексте современной науки. – С. 379-382.
217. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1969. – 92 с.
218. Федоров А. И. Фразеологическая семантика и ее толкование в словарях / А. И. Федоров // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986. – С. 178-184.
219. Филипенко Т. В. Внутренняя форма идиом в когнитивной перспективе / Т. В. Филипенко // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4. – С. 82–96.
220. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1983. – Вып. 14. – С. 49.
221. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Москва, 1977. – Вып. 8. – С. 181-210.
222. Хайруллина Р. Х. Лингвофилософия : особенности национального языкового сознания / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : БГПУ им. М. Акмуллы, 2012. – 135 с.
223. Хайруллина Р. Х. Речевая агрессия: универсальное и национальное / Р. Х. Хайруллина, Г. З. Минигулова // Homo loquens в языке, культуре, познании

: сборник научных статей : к 70-летию профессора Рахима Закиевича Мурясова. – Уфа, 2010. – С. 333-337.

224. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : БГПУ, 2001. – 285 с.

225. Харитончик З. А. В поисках сущности имен. Избранное : сборник научных статей / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2015. – 252 с.

226. Червонный А. М. Типология выражения концепта «ментальность» / А. М. Червонный. – Таганрог : Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова, 2013. – 143 с.

227. Черданцева Т. З. Язык и его образы / Т. З. Черданцева. – Изд. 3-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 168 с.

228. Черная А. И. Некоторые способы семантического анализа фразеологических единиц : (на материале английских фразеологизмов с общим значением «mind») / А. И. Черная, О. А. Боярова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – Вып. 11. – С. 154-156.

229. Черникова А. Э. Концептуализация компонентов как основа процесса фразеологизации / А. Э. Черникова // Когнитивные исследования языка. – Москва ; Тамбов:, 2016. – Вып. 26. – С. 287-289.

230. Черникова А. Э. Особенности процесса фразеологизации на базе семантического компонента «природа» во французском языке : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Черникова Анна Эдуардовна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2018. – 366 с.

231. Черникова А. Э. Проблемы когнитивного моделирования во фразеологии / А. Э. Черникова // Когнитивные исследования языка. – Москва ; Тамбов, 2015. – Вып. 21. – С. 525-527.

232. Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии / И. И. Чернышева // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 34-42.

233. Шайкевич А. Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей / А. Я Шайкевич // Иностранные языки в высшей школе. – 1963. – С. 14-26.
234. Шанский Н. М. Современный русский язык. В 3 частях. Часть 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1987. – 254 с.
235. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – 160 с.
236. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – [4-е изд., испр. и доп.]. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. – 184 с.
237. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
238. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике : монография / В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2017. – 358 с.
239. Шемаева Е. В. Концептуальная деривация как когнитивная основа формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного / Е. В. Шемаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2013. – Вып. № 1, т. 13. – С. 11-14.
240. Шепилова Т. А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом : семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Шепилова Татьяна Анатольевна : Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2001. – 157 с.
241. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – Москва : Прогресс, 1964. – 243 с.
242. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – Москва, 1957. – 188 с.

243. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе : общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – Москва : Высшая школа, 1974. – 111 с.
244. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – 4-e éd., rev. et corrig. – Berne : Francke, 1965. – 440 p.
245. Bühler K. Phonetik und Phonologie / K. Bühler // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. – Prague, 1931. – Vol. 4. – P. 22-53.
246. Coseriu E. Les procédés sémantiques dans la formation des mots / E. Coseriu // Cahiers Ferdinand de Saussure. – 1982. – P. 1-17.
247. Coseriu E. Teoria del lenguaje y linguística general / E. Coseriu. – Madrid : Gredos, 1973. – 161 с.
248. Coulson S. Blending Basics / S. Coulson, T. Oakley // Cognitive Linguistics 2000. – Vol. 11, Iss. 3/4. – P. 175-196.
249. Coulson S. Semantic Leaps / S. Coulson. – Cambridge : Cambridge University of Press, 2000. – 318 p.
250. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
251. Dubois J. Grammaire structurale du français : La phrase et ses transformations / J. Dubois. – Paris : Larousse, 1969. – 187 p.
252. Fauconnier G. Blending as a Central Process of Grammar / G. Fauconnier, M. Turner // Conceptual Structure, Discourse, and Language. – Cambridge, 1998. – P. 113-129.
253. Fauconnier G. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
254. Fauconnier G. Space, Motion, and Abstract Thought / G. Fauconnier // Behavioral Sciences of Space. – Kyoto, 2005. – P. 127-142.
255. Gibbs R. W. Mixing Metaphor / R. W. Gibbs. – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016. – 269 p. – (Metaphor in Language, Cognition, and Communication).

256. Goatly A. *Washing the Brain : Metaphor and Hidden Ideology* / A. Goatly. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. – 431 p.
257. Grady J. *Blending and Metaphor* / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in cognitive linguistics*. – Philadelphia, 1999. – P. 112-127.
258. Grady J. E. *Metaphor* / J. E. Grady // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. – Oxford, 2007. – P. 188-213.
259. Greimas A. J. *Sémantique structural. Recherche de méthode* / A. J. Greimas. – Paris : Libr. Larousse, 1966. – 263 c.
260. Grevisse M. *Le bon usage: grammaire française* / M. Grevisse, G. André. – 14e éd. – Bruxelles : De Boeck-Duculot, 2007. – 1600 p.
261. Guiraud P. *La sémantique* / P. Guiraud. – Paris : Presses universitaires de France, 1964. – 126 p.
262. Guiraud P. *Les champs morpho-sémantiques de la dérivation pseudosuffixale* / P. Guiraud // *Bulletin de la société de Linguistique de Paris*. – 1961. – Vol. 56. – P. 58-65.
263. Ipsen G. *Der alte Orient und die Indogermanen* / G. Ipsen // *Festschrift für W. Streitberg*, – Heidelberg, 1924. – P. 30-45.
264. Jespersen O. *The System of Grammar* / O. Jespersen // *Selected Writings*. – New York, 2010. – P. 245-270.
265. Kleiber G. *Y a-t-il des micro-sens?* / G. Kleiber // *Lexikalische Semantik und Korpuslinguistik*. – Tübingen, 2006. – P. 51-61.
266. Lakoff G. *Metaphor and war, again* / G. Lakoff // *AlterNet* : [website]. – 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20040826154735/http://www.alternet.org/story/15414> (дата обращения: 16.10.2024 г.).
267. Lakoff G. *More than Cool Reason a Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
268. Langacker R. W. *Cognitive Grammar : A Basic Introduction* / R. W. Langacker. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
269. Matoré G. *La Méthode en lexicologie. Domaine français* / G. Matoré. – Paris : M. Didier, 1973. – 126 p.

270. Molino J. La métaphore / J. Molino, F. Soublin. – Paris : Didier-Larousse, 1979. – 125 p.
271. Poitou J. Catégories sémantiques et cognitives : Une étude expérimentale en sémantique lexicale / J. Poitou, D. Dubois // Cahiers de lexicologie. – 1999. – № 44. – P. 5-27.
272. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel. – Paris : Quadrige/PUF, 2004. – 273 p.
273. Rohrer T. Conceptual Blending on the Information Highway : How Metaphorical Inferences Work Text / T. Rohrer // International Cognitive Linguistics Conference 95 Proceedings. – 1997. – Vol. 2. – P. 99-129.
274. Rosch E. Principles of Categorization // E. Rosch, B. B. Lloyd // Cognition and Categorization. – Hillsdale, N.J., 1978. – P. 27-48.
275. Schulz P. Le caractère relative de la métaphore / P. Schulz // Langue française. – 2002. – № 134. – P. 126.
276. Shore B. Twice-Born, Once Conceived: Meaning Construction and Cultural Cognition / B. Shore // American Anthropologist. – 1991. – Vol. 93, № 1, March. – P. 9-218.
277. Sperber D. Relevance : Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1995. – 326 p.
278. Sweetser E. Blended Spaces and Performativity Text / E. Sweetser // Cognitive Linguistics. – 2000. – № 11. – P. 305-333.
279. The conceptual sphere of fiction in the Russian and english world picture / A. P. Vassilenko, I. S. Karabulatova, E. N. Vasilishina [et al.] // Opcion. – 2018. – Vol. 34, №. 85. – P. 825-839.
280. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes : Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts / J. Trier. – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1931. – 347 p.
281. Turner M. Death is the mother of beauty : Mind, metaphor, criticism / M. Turner. – Chicago : University of Chicago press, 1998. – 157 p.

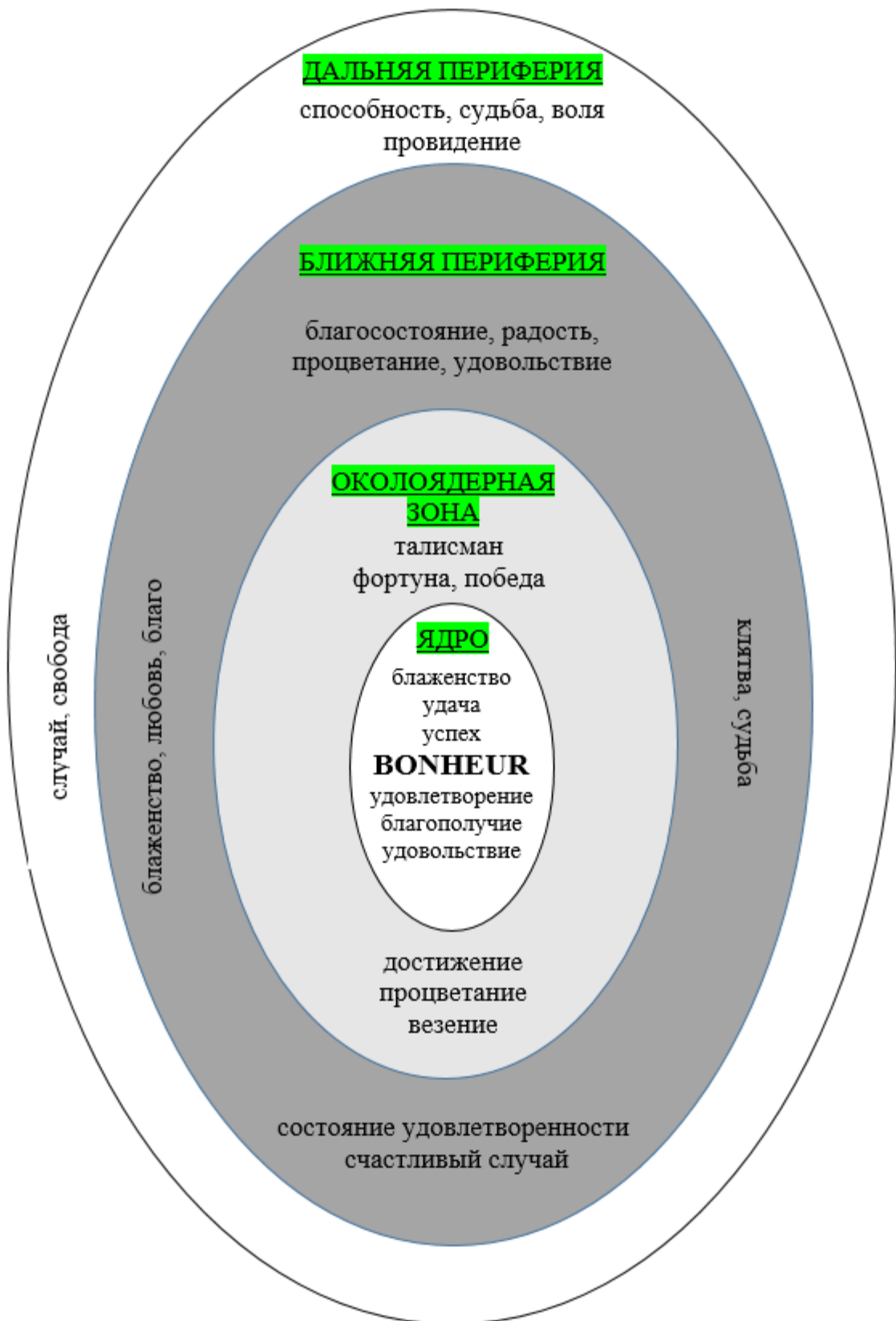
282. Williams R. F. Making meaning from a clock : material artifacts and conceptual blending in time-telling instruction : Ph. D. diss., Department of Cognitive Science / R. F. Williams ; University of California. – San Diego, 2004. – 394 p.

Список лексикографических источников

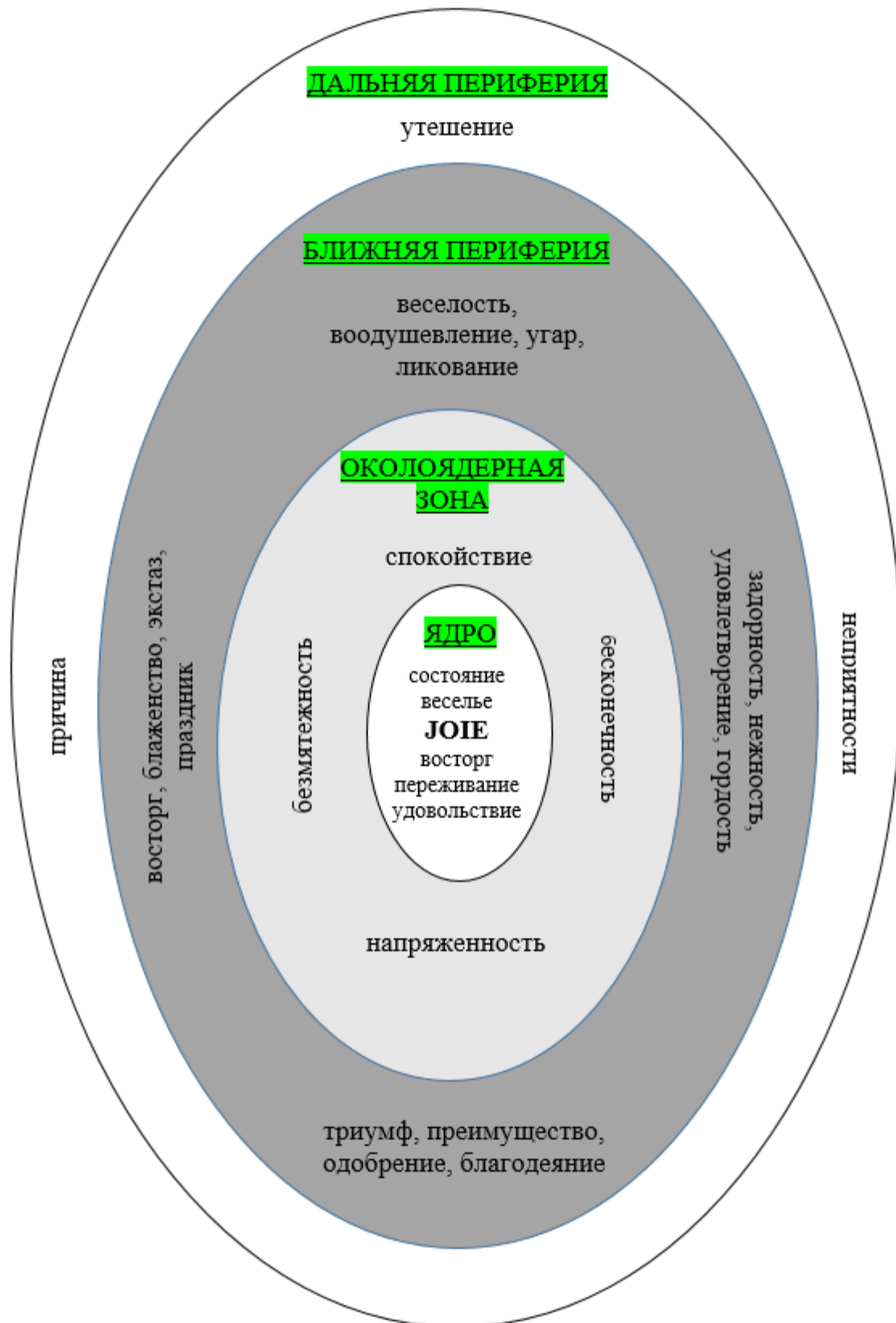
1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Комкнига, 2007. – 576 с.
2. Большой психологический словарь / под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – Изд. 4-е, расш. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.
3. Бочкарев А. Е. Семантический словарь / А. Е. Бочкарев. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2003. – 200 с.
4. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь = Nouveau dictionnaire Français-russe : 70000 слов, 200000 единиц пер / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – Москва : Русский язык-медиа, 1993. – 1194 с.
5. Громова Т. Н. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризмов = Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière : более 12000 слов и словосочетаний / Т. Н. Громова, Е. Ф. Гринёва. – Москва : Нестор Академик, 2012. – 1162 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
7. Новый большой французско-русский фразеологический словарь : более 50 000 выражений = Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая [и др.] ; под редакцией В. Г. Гака. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык : Медиа, 2006. – 1625 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1997. – 941 с.
9. Советский энциклопедический словарь : [около 80000 слов] / Главный редактор А. М. Прохоров. – 4-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1986. – 1599 с.

10. Французско-русский фразеологический словарь : около 35 000 фразеологических единиц / составители В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев [и др.] ; под редакцией Я. И. Рецкера. – Москва : [б. и.], 1963. – 1111 с.
11. Щерба Л. В. Русско-французский словарь = Dictionnaire russe-français : 160 000 слов и словосочетаний / Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. – 16 изд. – Москва : Русский язык, 1999. – 847 с.
12. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales (CNRTL) : [website]. – URL: <https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 13.10.2024 г.)
13. Dictionnaire de l'Académie française. – 8-ème éd. – Paris : Hachette, 1932-1935. – 1-2 vol.
14. Dubois J. Dictionnaire de linguistique / J.Dubois. – Paris : Larousse, 2002. – 514 p.
15. Lafleur B. Dictionnaire des locutions idiomatiques françaises / B. Lafleur. – Ottawa : Duculot : Éditions du Renouveau pédagogique, 1991. – 669 p.
16. Larousse Online : [website]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires> (дата обращения: 15.12.2024 г.).
17. Le Petit Larousse illustre en couleurs. – Paris : Librairie Larousse, 2002. – 1790 p.
18. Nouveau Larousse universel. – Paris : Librairie Larousse, 1969. – 1-2 vol.
19. Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. –Paris : Le Robert, 2002. – 896 p.
20. Rey-Debove A. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / A. Rey-Debove. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 1993. – 2553 p.
21. Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2017. – 2838 p.
22. Vigerie P. La symphonie animale. Les animaux dans les expressions de la langue française / P. Vigerie. – Paris : Larousse, 1992. – 241 p.

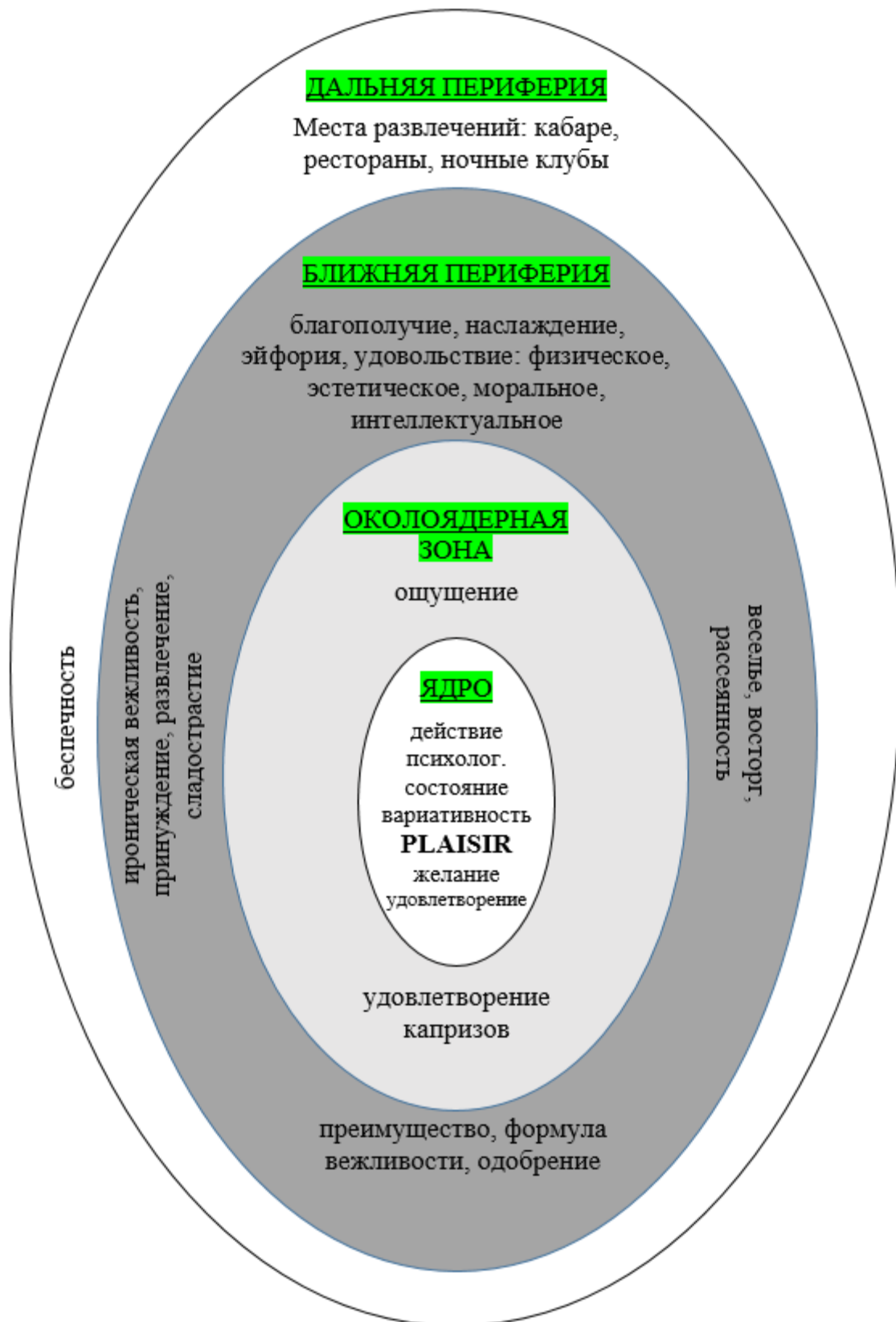
Приложение №1 ЛСП «bonheur»

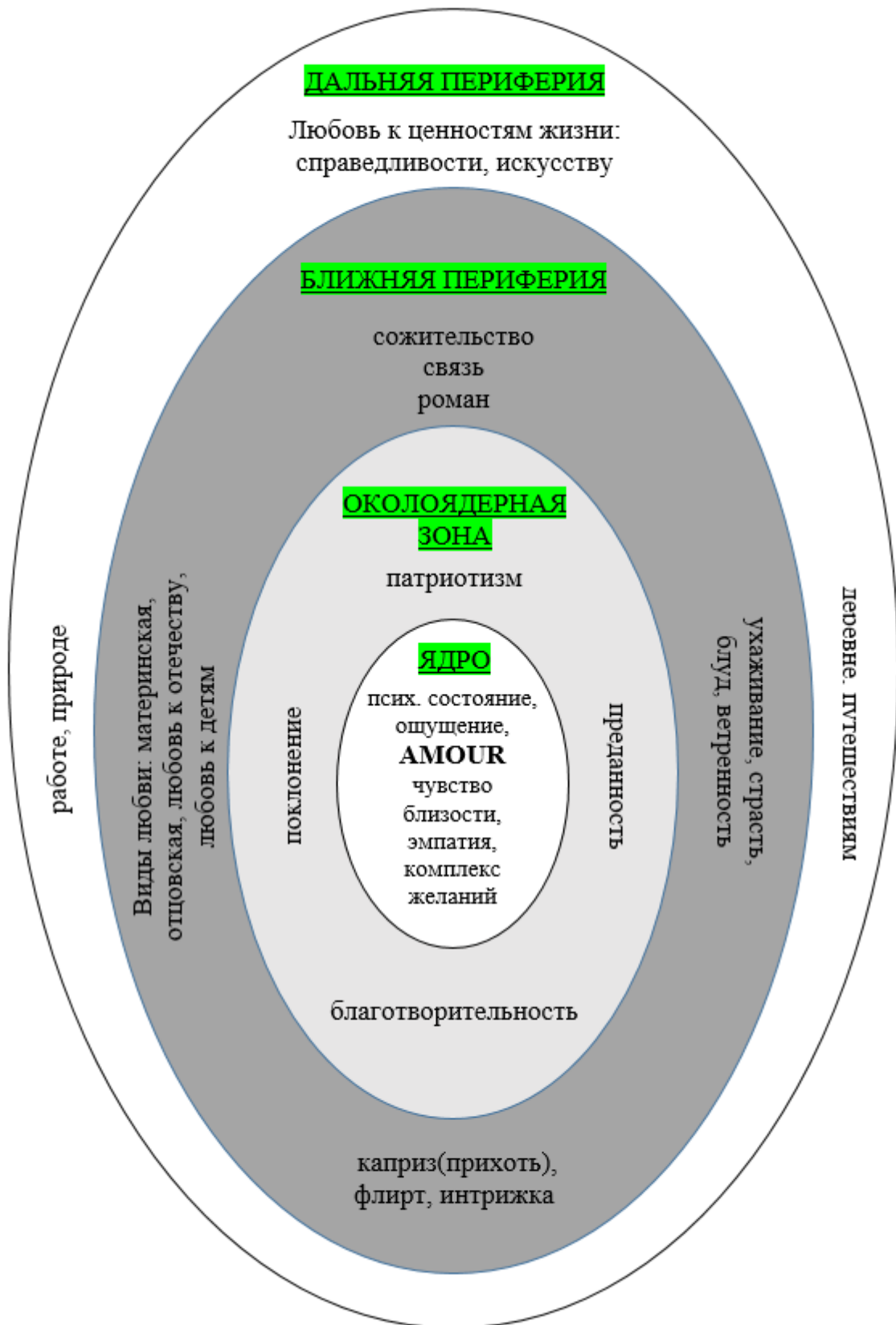
Приложение № 2 ЛСП «joie»

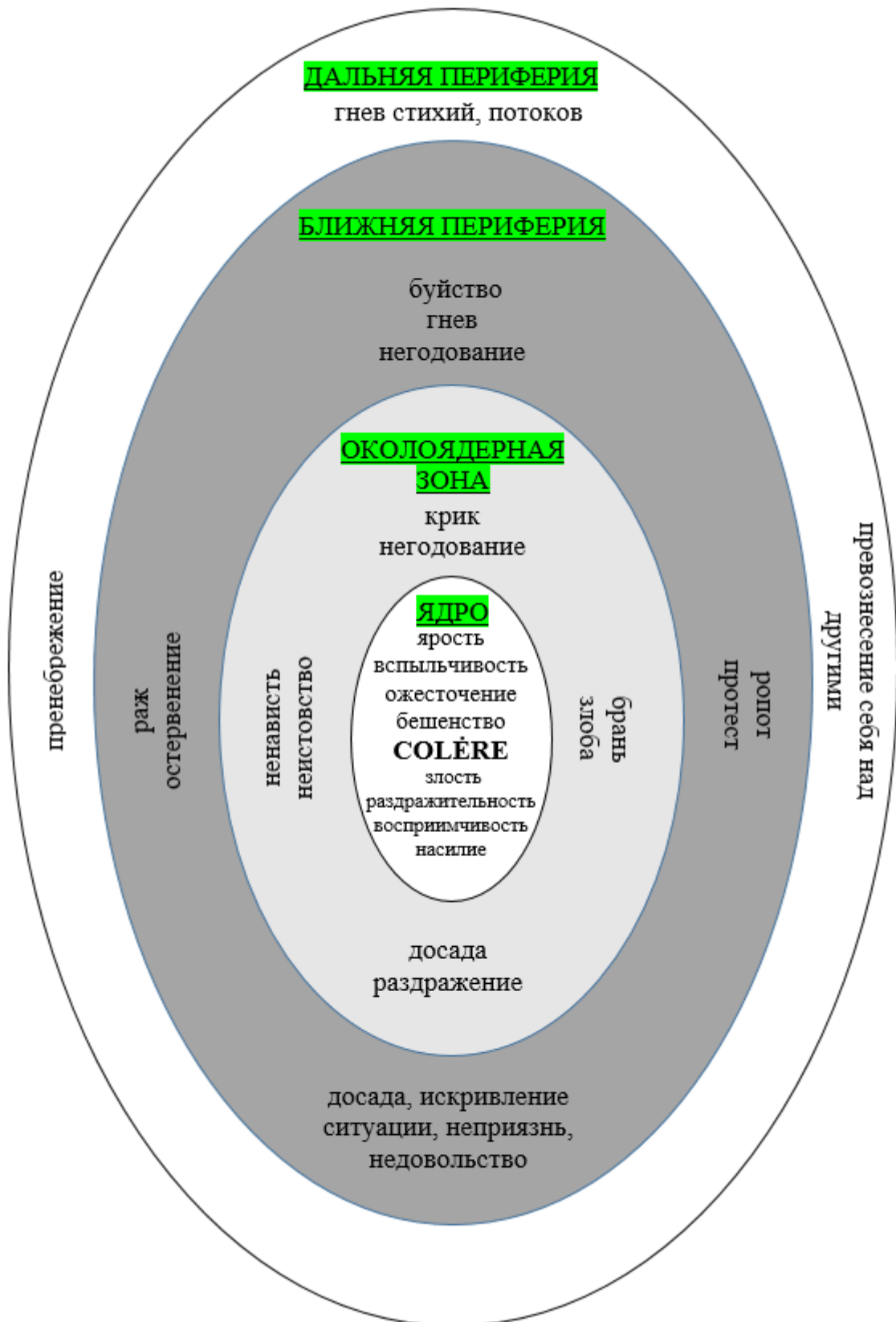
Приложение № 3 ЛСП «plaisir»

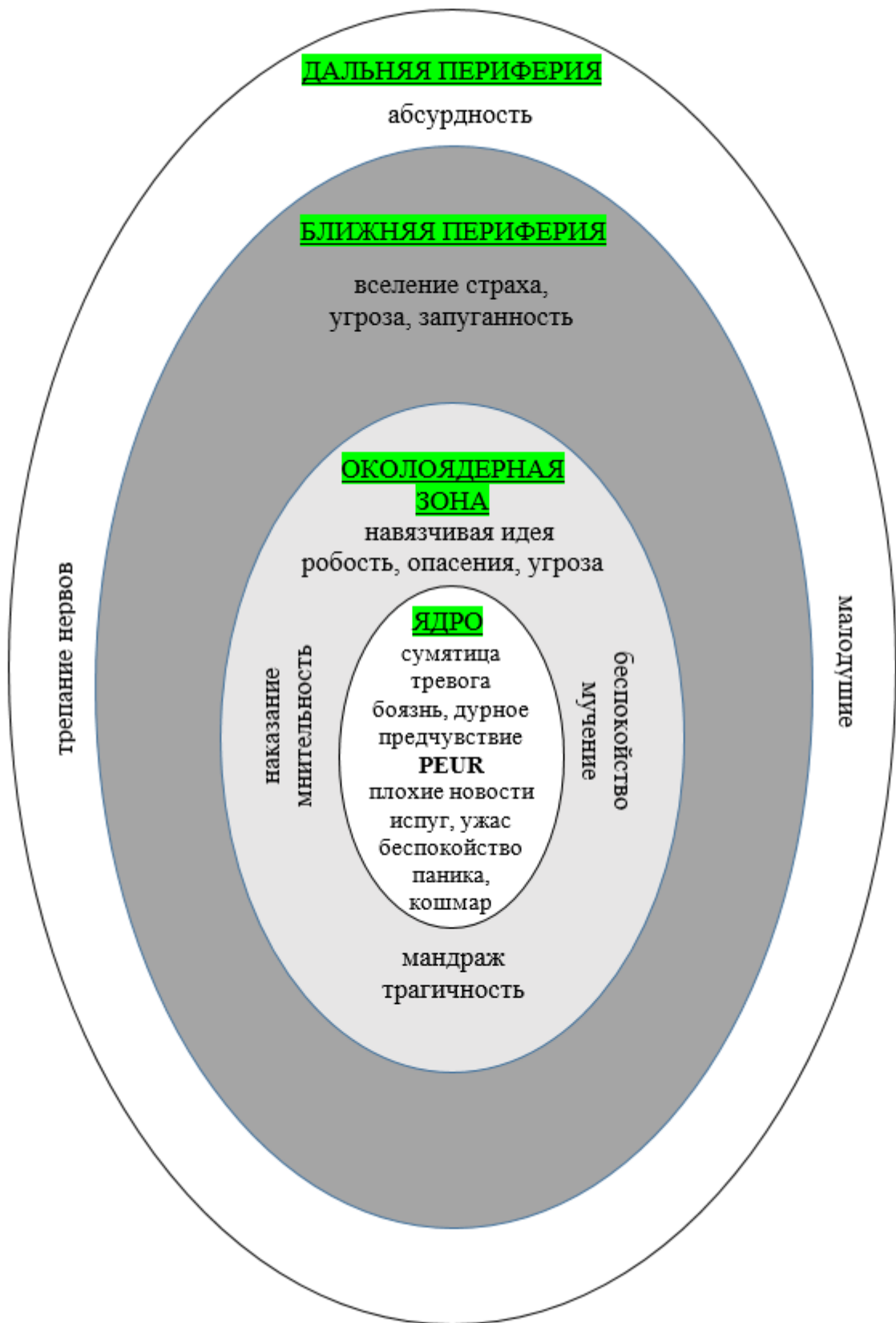
Приложение №4 ЛСП «amour»

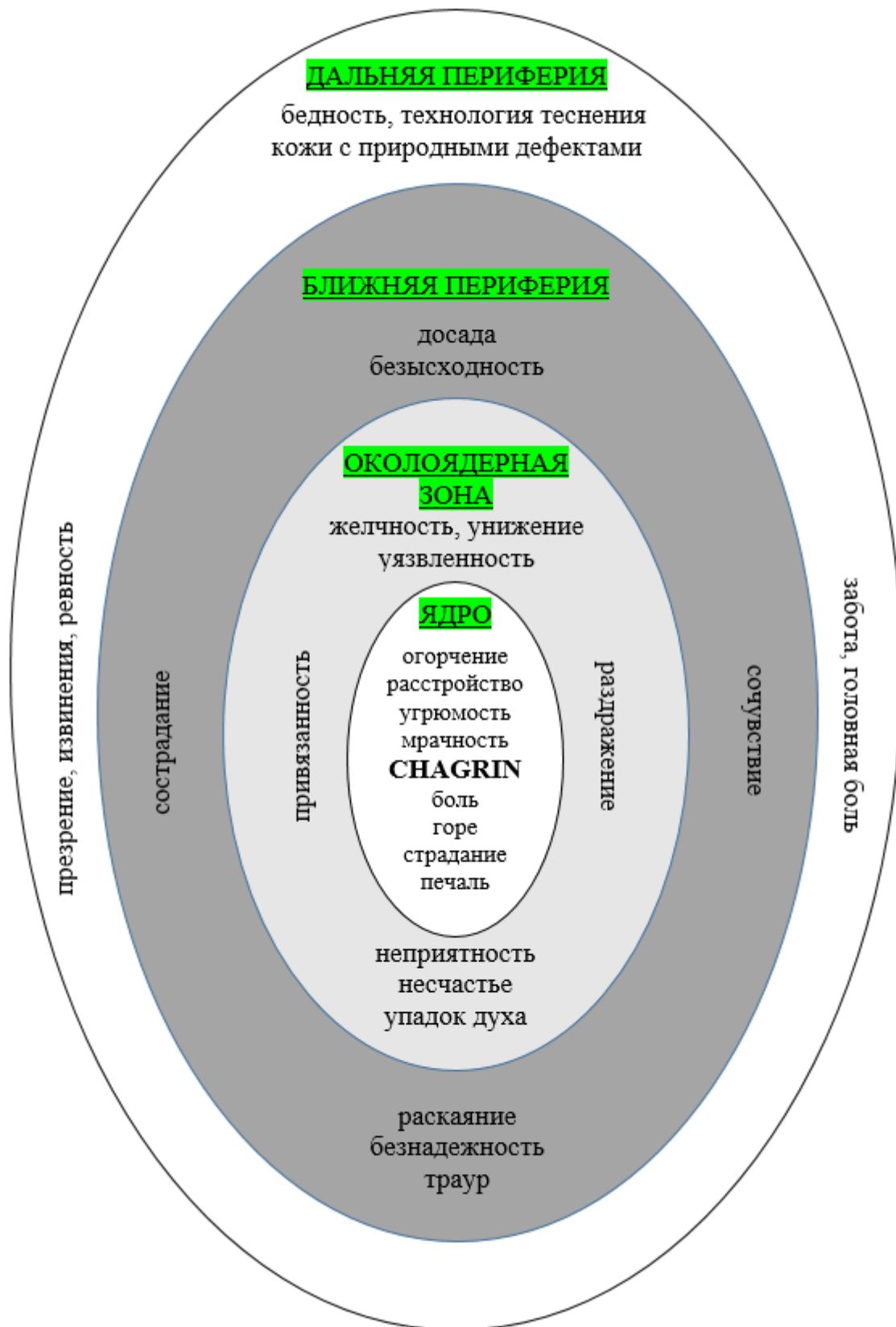
Приложение №5 ЛСП «colère»

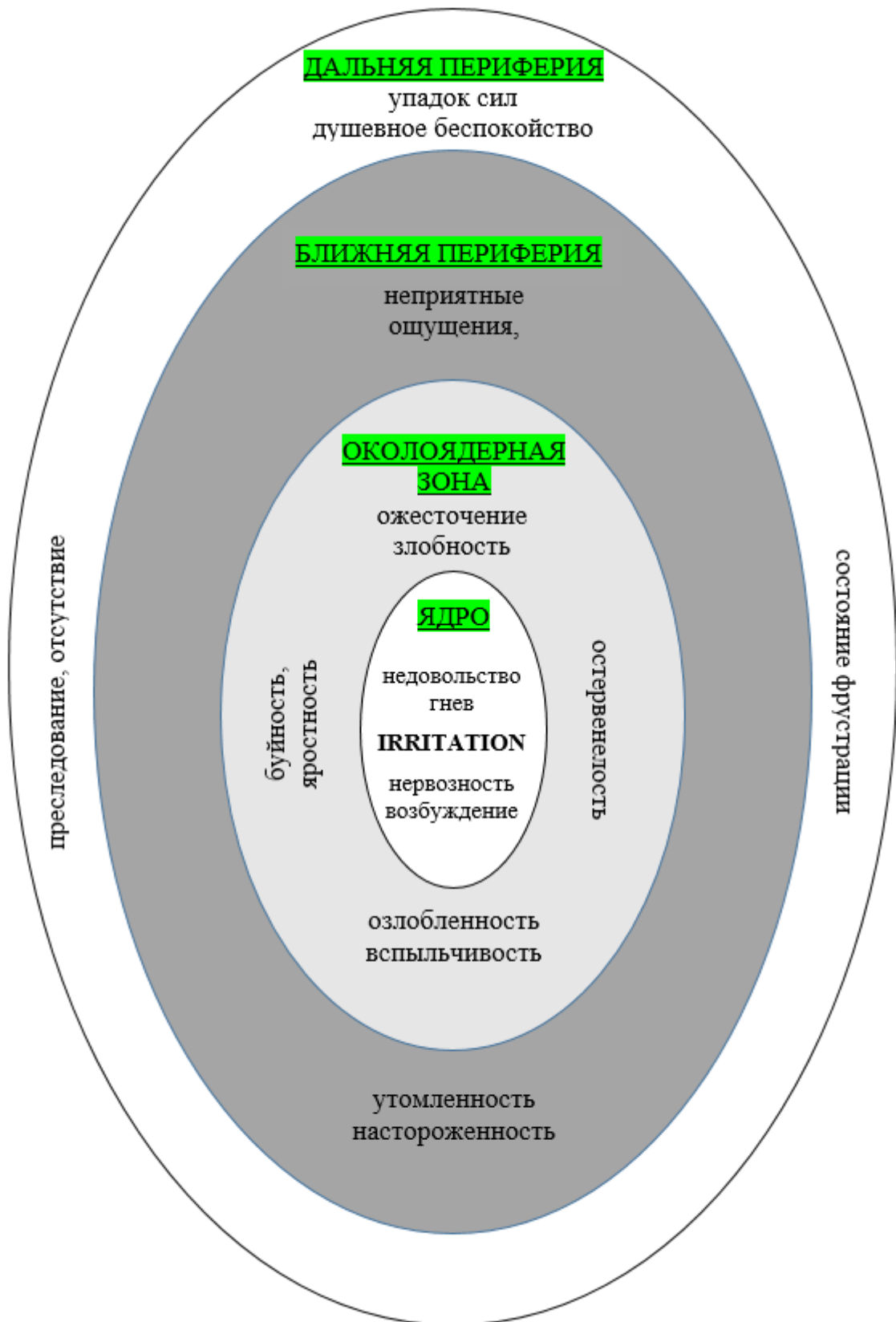
Приложение №6 ЛСП «reur»

Приложение № 7 ЛСП «chagrin»

Приложение № 8 ЛСП «irritation»

Приложение № 9

Частотность БК и ФЧ, репрезентирующих эмоциональное состояние субъекта в рамках фразеологических единств

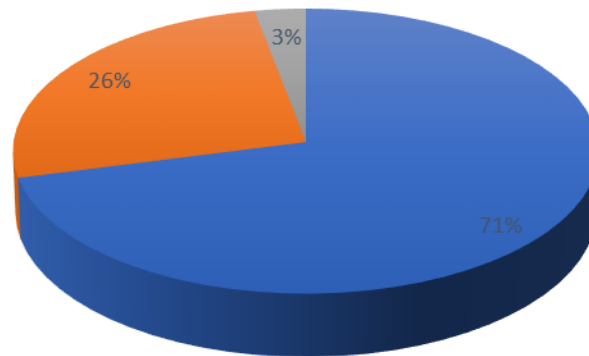

Приложение №10

Степень сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле ЭСС (статика)

Приложение №11

Статика семантики фразеолексы в составе фразеологического единства

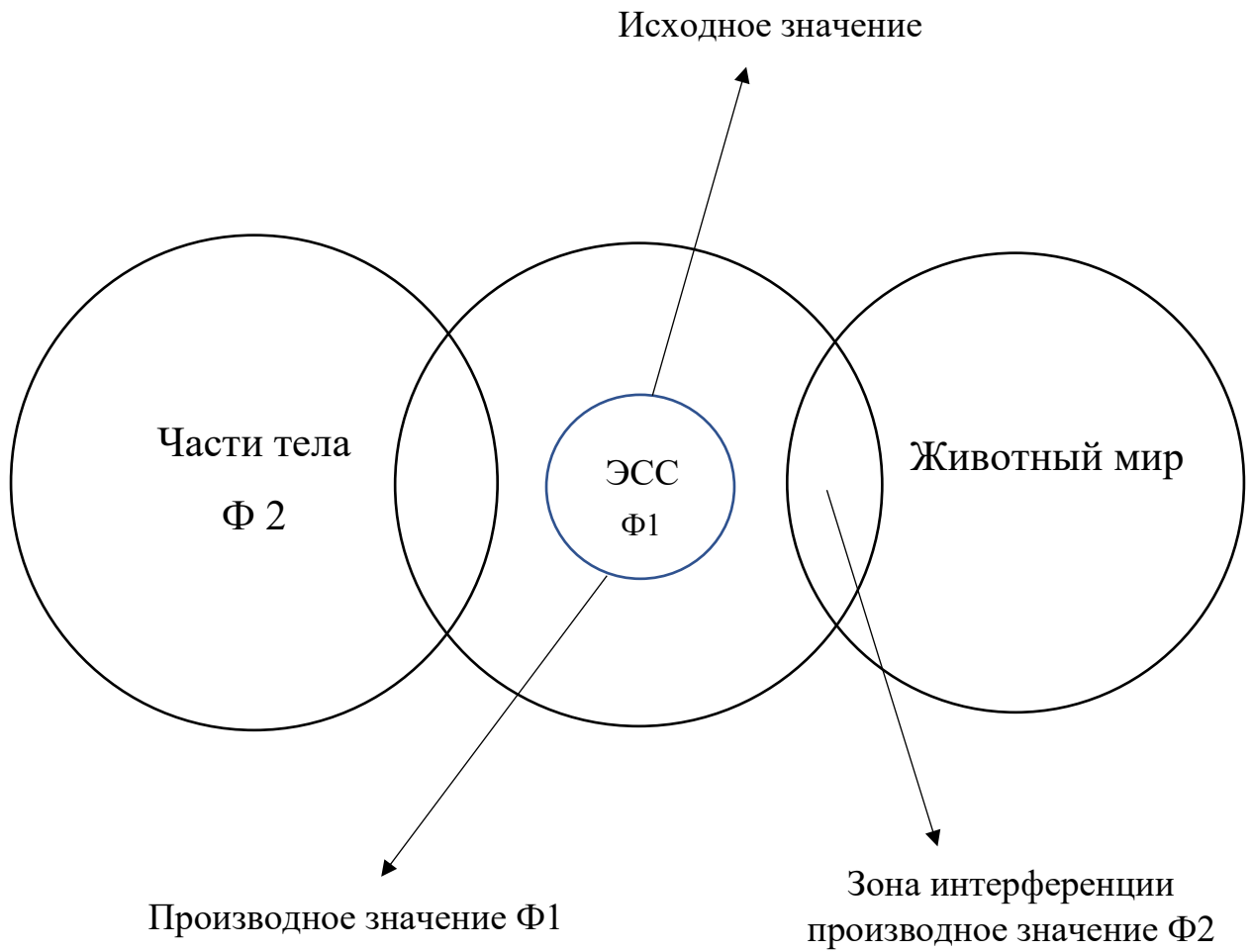
■ исходное значение многозначной фразеолексы, обозначающее ЭСС

■ свободное производное значение фразеолексы, обозначающее ЭСС (Ф1)

■ производное значение фразеолексы, маркированное как ЭСС, но не имеющее такой маркировки в исходном значении (Ф2)

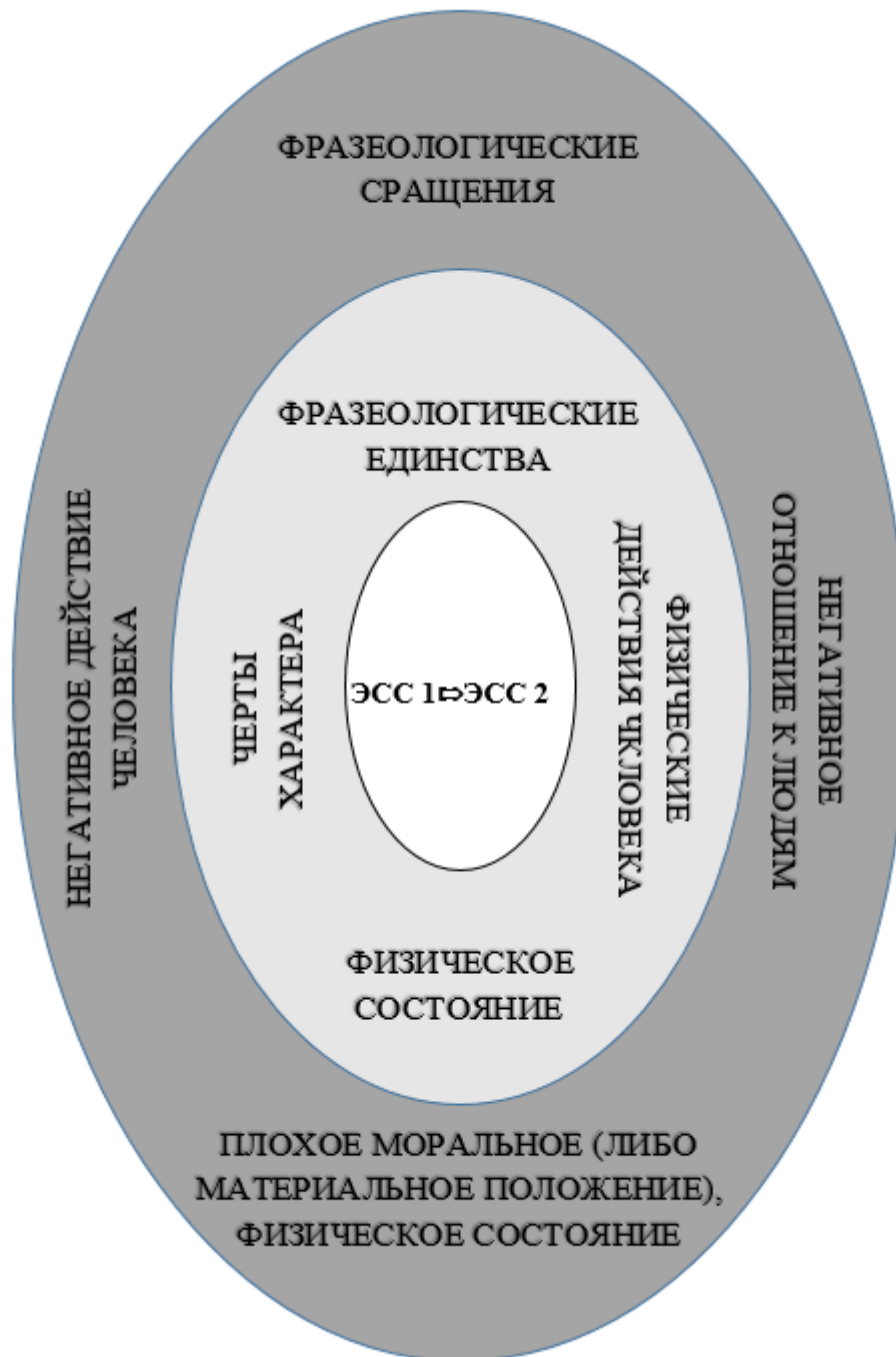
Приложение № 12

Варианты процесса фразеологической деривации

Приложение №13

Степень сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле ЭСС (динамика)

Приложение №14

Степень сохранения семантики фразеолексы в фразеосемантическом поле ЭСС (статика + динамика)

Приложение № 15

Виды фразеологической деривации

Виды фразеологической деривации	%	Результат
фразеолексы, взятые в исходном значении	58	фразеологические единства
фразеолексы с повышенной аффективностью	16	фразеологические единства
производное значение фразеолексы	26	фразеологические единства

Виды фразеосемантической деривации

Виды фразеосемантической деривации (ядерная сема соотносится)	%	Результат
БК	32	фразеологические сращения
ФЧ	22	фразеологические сращения
результат-переосмысление семантики БК и ФЧ	46	фразеологические сращения

Приложение № 16

Сравнительные характеристики фразеологизмов в соответствии с их типологией.

Фразеологическая деривация	Фразеосемантическая деривация	
<i>Фразеологические единства</i>	<i>Фразеологические единства</i>	<i>Фразеологические сращения</i>
✓ частичная мотивированность	✓ частичная мотивированность	✓ мотивированность отсутствует
✓ частичная идиоматичность	✓ частичная идиоматичность	✓ значительная идиоматичность
✓ фразеологическое значение представлено в измененном виде	✓ фразеологическое значение представлено в измененном виде	✓ имплицитность фразеологического значения
✓ низкая степень семантической интеграции компонентов	✓ повышенная степень семантической интеграции компонентов	✓ высокая степень семантической интеграции компонентов
✓ метафоричность одного из компонентов фразеологизма	✓ повышенная степень метафоричности активного элемента фразеологизма	✓ высокая степень метафоричности фразеологизма
✓ наличие двух семантических фокусов	✓ наличие двух семантических фокусов	✓ активность процесса дефокусирования, наличие одного семантического фокуса
✓ высокая степень кореферентности БК и ФЧ	✓ пониженная степень кореферентности БК и ФЧ	✓ низкая степень кореферентности БК и ФЧ

Приложение № 17

**Семантические изменения фразеолексы ЭСС в рамках
фразеологических единств**

ЭСС1 → ЭСС2

ЭСС → ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

ЭСС → ФИЗИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА

ЭСС → ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СУБЪЕКТА

Приложение №18

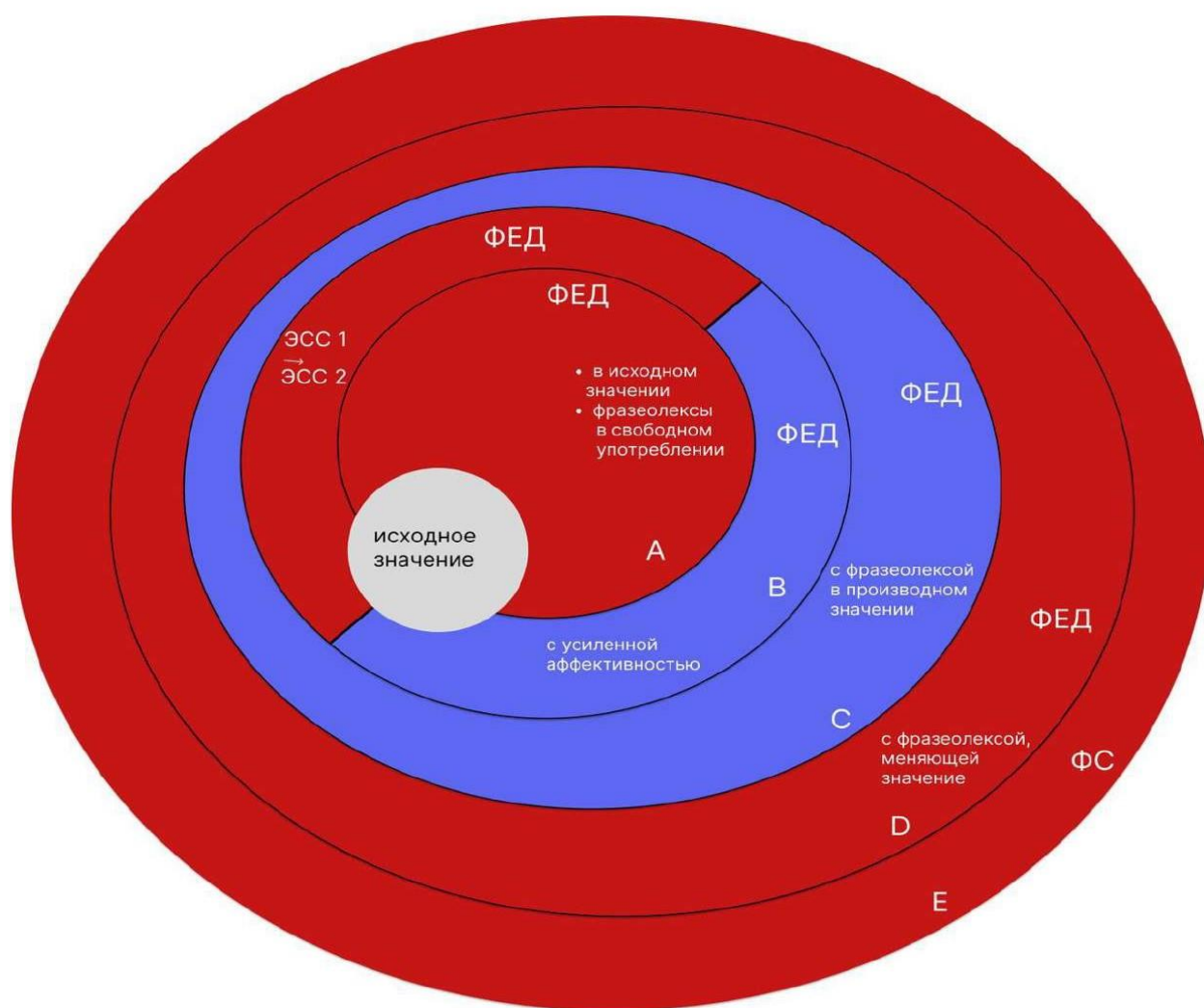
Примеры сравнительной характеристики семантических компонентов «эмоциональное состояние субъекта» в составе фразеологических единств и фразеологических сращений.

Семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта»	Фразеологические единства	Семантический компонент «эмоциональное состояние субъекта»	Фразеологические сращения
Amoureux «влюбленный»	<i>amoureux comme un moineau</i> – «ветреный, непостоянный»	Agacer «раздражать»	<i>agacer la dent de l'hippopotame</i> – «бренчать на рояле»
Hérissé «раздраженный, грубый»	<i>hérissé comme un chardon</i> – «ворчун»	Hurler «реветь»	<i>hurler après les chausses de qqn</i> – «преследовать»
Étourdi «ошеломленный»	<i>étourdi comme le premier coup de matines</i> – «очень ветреный»	Se moquer «насмехаться»	<i>se moquer de la burbouillée</i> – «говорить глупости».
Peiner «мучиться, печалиться»	<i>peiner comme un damné</i> – «работать, как каторжный»	Se moquer «насмехаться»,	<i>se moquer du tiers comme du quart</i> – «никого не уважать»
S'agiter «волноваться»	<i>s'agiter comme un diable</i> – «метаться как одержимый»	Tonner «греметь»	<i>tonner sur les choux</i> – «торжествовать над слабым»
Fatiguer «утомляться»	<i>fatiguer la salade</i> – «тщательно перемешивать салат»	Déchirer «испытывать моральные страдания, мучения	<i>déchirer belles dents</i> – «сплетничать»

Crever «выдыхаться от усталости»	<i>crever d'argent</i> – «денег куры не клюют»	Regretter «сожалеть»	<i>regretter les sabots</i> – «влачить жалкое существование»
Jouir «наслаждаться»	<i>jouer de la clarté du jour</i> – «пользоваться жизненным и благами»	Eprouver «испытывать».	<i>éprouver du décompte</i> – «не получить ожидаемой выгоды»
Regretter «жалеть»	<i>regretter les oignons d'Egypte</i> – «испытывать материальные трудности»	Enragé «бешенный».	<i>manger de la vache enragée</i> – «терпеть нужду»
Étourdi «ошеломленный»	<i>être encore tout étourdi du bateau</i> – «чувствовать себя еще не оправившись от усталости»	Braver «пренебрегать».	<i>braver les années</i> – «не стареть»
Ahuri «ошеломленный»	<i>ahuri comme un fondeur des cloches</i> – «совершенно оглушенный»	Se brouiller «ссориться»	<i>se brouiller avec le bon sens</i> – «сойти с ума»
Heureux «счастливый»	<i>heureux comme un poisson dans l'eau</i> – «чувствовать себя свободно»	Enflammée «пылкий»	<i>avoir la glissière en tortore enflammée</i> – «быть сильно простуженным»

Приложение №19

Фразеосемантическое поле ЭСС

А – ядро
В – околядерная зона
С – ближняя периферия
D – периферия
Е – дальняя периферия

ФЕД – фразеологические единства
ФС – фразеологические сращения
● – статика
● – динамика

Приложение № 20

Примеры фразеологических единств, в которых фразеолекса сохраняет семантику, отражающую эмоциональное состояние субъекта

Aimer comme ses (petits) boyaux (прост.) «любить как самого себя, души не чаять»

Aimer comme un fou, **amoureuse** comme une chatte, **amoureux** comme un roi «быть влюбленным до безумия»

Aimer les plaisirs de la table «быть чревоугодником, любителем поесть»

Aimer mieux «предпочитать»

Aimer mieux l'être que la paraître «предпочитать реальное воображаемому»

Aimer ses aises «любить комфорт»

Aimer sucer «любить выпить»

Avoir **honte** с архисемой «испытывать чувство стыда»

Avoir la chair **tranquille** «быть спокойным»

Avoir **la crainte** «бояться»

Avoir **la frousse** «сердце в пятки уходит»

Avoir l'air d'un **bienheureux** 1) «иметь почтенный вид»; 2) «сиять от радости» и avoir l'air à la danse (à la pose) 1) «любить потанцевать»; 2) «быть оживленным, веселым»

Avoir le coeur **épris** de qn «быть влюбленным в кого-либо»

Avoir le vin **triste** «быть грустным во хмелю»

Avoir le coeur **triste** «иметь печальный вид»

Avoir **peur** «бояться»

Avoir tout **honte** blue «забывать всякий стыд»

Avoir toute **honte** bue (mettre bas toute **honte**) «отбросить всякий стыд»

Avoir **un trac** terrible «душа ушла в пятки»

Avoir **une peur** bleue «сильно испугаться»

Avoir une **triste** figure «иметь расстроенный вид»

Boire **une honte** (toutes les hontes) «испить чашу позора, пережить позор»

Calmer le sang «успокаиваться»

Chérir la lumière «любить жизнь»

Couler jours **heureux** «жить безмятежно»

Couronner **l'amour** «увенчать страсть, ответить взаимностью»

Craindre la pince прост. «бояться ареста»

Crever sa **honte** «тяжело переживать позор»

Dépit **amoureux** «любовная досада, терзания любви»

Dilater le cœur «радовать, воодушевлять, ободрять»

Êclater de **rire** «захохотать, разразиться хохотом»

Être à (dans) **la joie** de son cœur «радоваться всем сердцем, веселиться от души»;

Être au comble de **la joie** «быть на верху блаженства»

Être bien **aise** «быть очень довольным»

Être broyé de **fatigue** «чувствовать себя разбитым от усталости»

Être en **amour** «быть влюбленным»

Être en **colère** «быть в гневе»

Être en **rage** «быть в ярости»

Être **étonné** comme un fondeur de cloches «остолбенеть от удивления»

Être **furieux** «страшно рассердиться быть вне себя; выйти из себя»

Être **heureux** comme un poisson dans l'eau «быть очень счастливым»

Être **heureux** comme un roi «быть очень счастливым»

Être **la joie** de son cœur «радоваться всем сердцем»

Être tout **sourire** «расплыться в улыбке»

Faire **compassion** «вызывать сочувствие, сожаление, сочувствовать»

Faire **heureux** «осчастливить»

Faire **l'amour** «предаваться любви»

Faire **peur** «испугать»

Faire **plaisir** «доставить удовольствие»

Faire **triste** figure «иметь жалкий вид»

Faire un **heureux** «осчастливить»

Filer le parfait **amour** «наслаждаться любовью, крутить любовь»

Forcer (soulever) **l'admiration** «вызвать восхищение, восторг»

Haine de prêtre «фанатическая ненависть»

Heureux abandon «блаженное состояние»

Heureux comme Dieux en France «счастливый»

Heureux comme un tueur de cochons «очень счастлив»

Heureux mortel «счастливчик»

Joie de mariage «кратковременные удовольствия»

Jouir de la vie «радоваться жизни»

Mauvaise **joie** «злорадство»

Mentir serré «нагло лгать»

Menus **plaisirs** «удовольствие, развлечение»

Mettre qn dans sa **joie** «развеселить кого-то»

Mort de **peur** «напуганный до смерти»

Ne pas avoir assez de ses yeux pour **pleurer** «выплакать все глаза»

Ne pas être à ses premières **amours** «быть искушенным в любви, любовных делах»

Ne pas se tenir de **joie** «быть вне себя от радости»

Ne pas **sentir** d'aise «не чувствовать под собой ног от радости»;

Pâmer **de plaisir** «млеть от удовольствия»

Porter **un amour** «испытывать любовь»

Prendre de la **fatigue** «утомляться, уставать»

Prendre du **plaisir** avec ... «веселиться, развлекаться»

Prendre en **haine** «возненавидеть»

Prendre **peur** «испугаться»

Prendre **plaisir** «доставить удовольствие»

Prendre son **calme** «успокоиться, взять себя в руки»

Prendre son **plaisir** à... «наслаждаться»

Regretter les pas «сожалеть о стараниях»

Rêve **heureux** «счастливый сон»

Rire (rigoler) comme une baleine «смеяться во весь рот»

Rire à belles dents «смеяться во весь рот»;

Rire à bout des dents «принужденно смеяться»

Rire à la gorge déployée «смеяться во все горло»

Rire à la gorge déployée/aux éclats «хохотать во все горло»

Rire à ventre déboutonné «живот надорвать от смеха»

Rire au nez «смеяться в лицо»

Rire aux anges «улыбаться без видимой причины»

Rire de tout (de bon) cœur «смеяться от души»

Rire jaune «деланно смеяться»

Rire sous la barbe; **rire** sous (la) cape; **rire** sous coiffes (dans les coiffes) «смеяться исподтишка»

S'amuser comme un roi «веселиться напропалую»

S'avoir **honte** «стыдиться»

S'en donner à coeur **joie** «отвести душу, натешиться»

S'ennueyr comme une carpe «подыхать от скуки»

S'ennuyer ferme (или sec) «смертельно скучать»

S'prendre **d'amour** pour qn «страстно влюбиться в кого-либо»

S'adorer à la bouche perdue «любить друг друга без памяти»

Se couvrir de **honte** «покрываться позором»

Se divertir à son bon compte а) «развлекаться бесплатно, за чей-л. счет; б) веселиться от души»

Se fâcher tout rouge / voir rouge «страшно рассердиться быть вне себя; выйти из себя»

Se faire **honte** «заставлять стыдиться»

Se faire **peur** «пугать»

Se mettre en **colère** «разгневаться»

Se mettre violemment en **colère** страшно рассердиться, рассвирепеть дойти до белого каления

Se sentir en l'air «чувствовать себя удовлетворенным»

Se sentir **heureux** «чувствовать себя счастливым»

Se taper le cul par terre (**de rire**) (прост.) «безудержно смеяться, животики надорвать от смеха»

Sentiment de **honte** «чувство стыда»

Sourire de toutes ses dents «расплываться в широкой улыбке; улыбаться, оскалив зубы»

Tomber **amoureux** «влюбиться»

Triste à **pleurer** «грустный до слез»

Triste comme la mort «очень грустный»

Triste comme un bonnet de nuit «быть грустным»

Triste comme un hiblou «скучный, надутый»

Triste comme un jour sans pain «печальный как постный день»

Triste comme un lendemain de fête «очень скучный»

Voir une **peur** bleue, une très grande **peur** «очень бояться чего-л»

Список сокращений

КЗ – комплексный знак

ФЕ – фразеологическая единица

БК – базовый компонент

ФЧ – формирующая часть

ЯС – ядерная сема

ЛЕ – лексическая единица

ЭСС – эмоциональное состояние субъекта

ЛСП – лексико-семантическое поле